

Московский Центр Карнеги

Эндрю
Карнеги
История
моей
жизни

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

РОССПЭН

Москва
2007

УДК 929Карнеги
ББК 84(7)
К21

Редактор А. И. Иоффе
Электронная версия:
<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>.

Книга издана при содействии некоммерческой
неправительственной исследовательской
организации — Московского Центра Карнеги.

Приносим благодарность Дому-музею Эндрю Карнеги,
Библиотеке Карнеги в Питсбурге, Библиотеке Конгресса
США за предоставленные фотографии и другие
иллюстративные материалы.

В оформлении переплета использован рисунок
карандашом художника Гаспарна, изображающий Эндрю
Карнеги (принадлежит Дому-музею Эндрю Карнеги
в Данфермлине, Шотландия).

Карнеги Э.

К21 История моей жизни / Эндрю Карнеги ; Моск.
Центр Карнеги. — М. : РОССПЭН, 2007. — 239 с. :
ил.

ISBN 978-5-8243-0922-5

В основу издания положен сокращенный перевод авто-
биографии известного предпринимателя и обществен-
ного деятеля Эндрю Карнеги (1835—1919), впервые
вышедший в 1924 году. Текст перевода заново отредак-
тирован и прокомментирован, в книге помещено значи-
тельное количество иллюстраций.

УДК 929Карнеги
ББК 84(7)

© Подготовка текста. Carnegie
Endowment for International
Peace, 2007

ISBN 978-5-8243-0922-5

© Оформление. «Российская по-
литическая энциклопедия», 2007

Оглавление

Предисловие (<i>Роуз Геттемюллер</i>)	5
<i>Глава 1.</i> Мои предки и детство в Шотландии.....	16
<i>Глава 2.</i> В Америку. В Питсбурге. На катушечной фабрике.....	43
<i>Глава 3.</i> Питсбургский рассылный. Расширение образования: книги и искусство	56
<i>Глава 4.</i> Мои дальнейшие успехи в телеграфной службе.....	67
<i>Глава 5.</i> На железнодорожной службе.....	79
<i>Глава 6.</i> Пост директора Питсбургского отделения Пенсильванской железной дороги. Компания спальных вагонов. Загородный дом в Хомвуде	89
<i>Глава 7.</i> Моя служба во время Гражданской войны. Первое посещение Шотландии	100
<i>Глава 8.</i> Накопление богатства. Сооружение железных мостов.....	111
<i>Глава 9.</i> Металлургические заводы и нефтяные источники. Уход с железнодорожной службы. Путешествие в Европу	117
<i>Глава 10.</i> Переселение в Нью-Йорк. Против биржевой спекуляции. Новые успехи. Компания пульмановских спальных вагонов	127
<i>Глава 11.</i> Дальнейшее развитие наших предприятий. Покровительственный тариф. Финансовый кризис 1873 года.....	133
<i>Глава 12.</i> Рельсопрокатное производство. Писательство. Путешествие вокруг света	142
<i>Глава 13.</i> В Шотландии. Смерть матери. Женитьба и семейная жизнь.....	148
<i>Глава 14.</i> Развитие сталного концерна. Стачка на Хомстедских заводах.....	156

<i>Глава 15.</i>	Мои отношения с рабочими	168
<i>Глава 16.</i>	Удаление от дел. Распределение богатства: основание рабочего вспомогательного фонда, народных библиотек, Института Карнеги и Фонда героев	180
<i>Глава 17.</i>	Пожертвования на университеты и на разные просветительские цели. Идея мира. Передача Питтенкриффской долины родному городу	191
<i>Глава 18.</i>	В кругу друзей и знакомых	207
<i>Глава 19.</i>	Воспоминания о знаменитых государственных деятелях	218
<i>Глава 20.</i>	Встреча с германским императором. Начало общеевропейской войны.....	233
<i>О Фонде Карнеги.....</i>		238

Предисловие

Мы рады представить российским читателям автобиографию Эндрю Карнеги. Эта книга принадлежит перу уникального человека, считавшего напрасным богатство, не направленное на реализацию добрых дел. В 1900 году он опубликовал книгу «Евангелие богатства», в которой изложил свою философию бизнеса, неотъемлемой частью которого должна была, по его мнению, стать корпоративная благотворительность. Смысл его жизни был бесконечным и конкретным. Он определял направления, которые считал важнейшими для улучшения жизни людей, и вкладывал в них деньги.

Эндрю Карнеги, как когда-то французские просветители, а вслед за ними и Альфред Нобель, верил в то, что можно сделать мир лучше, содействуя распространению знаний. Будучи деятельным американцем, он в отличие от французских философов подошел к делу практически — вложил в это 95% заработанных капиталов (сумму, эквивалентную нынешним 55 миллиардам долларов) и сожалел, что не успел вложить всё.

Мне кажется, эта книга в равной степени интересна как американцам, так и русским, которым традиционно присущи острое чувство справедливости и большое значение, которое они придают осмыслен-

ности жизни. Эндрю Карнеги был человеком эмоциональным, неравнодушным, романтическим, и это также привлекает читателей. Книга написана с юмором, увлекательна и читается легко, как классические произведения Чарльза Диккенса, Вальтера Скотта, Марка Твена, которые всегда были популярны в России.

Эндрю Карнеги писал о своей благодарности рабочим, трудившимся на его предприятиях. Но прибавочная стоимость — поспорим с Марксом — создается не в меньшей степени мыслью, талантом управления и предпринимательской энергией. Сын бедных шотландских эмигрантов, Эндрю Карнеги стал самым богатым человеком своего времени, придумав и воплотив в жизнь массу полезных вещей. Он первым понял перспективность спальных вагонов, поддержал это начинание и вошел в создававшуюся компанию по их выпуску. Впервые в Америке он начал массовое строительство железных мостов вместо деревянных, а рельсы стал делать из стали. Он первым построил в США доменные печи. А во главе производства поставил специалиста-химика, обеспечив выпуск металла с заданными качествами. Он ввел систему взвешивания металла и научно обоснованного учета на всех своих производствах, сделав работников ответственными за эффективное использование ресурсов.

Когда Эндрю Карнеги был подростком, у него была возможность бесплатно посещать библиотеку состоятельного горожанина, куда тот великодушно пускал по субботам молодых рабочих. Именно благодаря чтению юноша получил образование, сохранив тягу к книгам на всю жизнь. Он утверждал, что не променял бы любовь к литературе на все сокровища мира. «Без нее жизнь была бы для меня непереносима, — писал он. — Ее влияние охраняло меня и моих товарищей от дурного общества и дурных привы-

чек», «указывало путь ввысь». Доступ к знаниям он считал величайшим благом, поэтому открывал библиотеки по всему миру — всего 2508. Он поддерживал университеты и нуждающихся студентов, основал пенсионный фонд для пожилых преподавателей. Над входом в первую из созданных им библиотек, построенную в его родном городе Данфермлине в Шотландии, он попросил высечь слова «Да будет свет!».

Для исследований в области гуманитарных и естественных наук, содействия развитию культуры Эндрю Карнеги создал Институт Карнеги. Принадлежавшая институту немагнитная яхта «Карнеги» совершала кругосветные путешествия, во время которых исправлялись ошибки прежних географических измерений, нередко приводившие к кораблекрушениям. На деньги Эндрю Карнеги в Калифорнии была построена обсерватория, где были совершены десятки научных открытий.

Для воспитания добрых чувств Эндрю Карнеги полагал необходимым украшать города, разбивать парки, создавать музеи. Он с восторгом вспоминал древний монастырь в родном городе, башню, романтическую долину, скалы и парк с видом на море, считая, что выросшие в таком месте люди не могут не сохранить в душе благородные чувства. Эндрю Карнеги выкупил территорию около монастыря вместе с парком и долиной и подарил все это горожанам.

Эндрю Карнеги почитал доблесть, самоотверженность и был убежден, что общество должно с благодарностью помнить о героях. Он основал Фонд героев, чтобы награждать совершивших подвиги и поддерживать семьи тех, кто погиб во имя общественного блага. «Герои варварского прошлого убивали себе подобных, — писал он, — герои нашего цивили-

зованного времени ставят себе целью служить своим братьям и спасти их. В этом заключается разница между физическим и моральным мужеством, между варварством и культурой. Люди, принадлежащие к первой категории, должны исчезнуть с лица земли, потому что мы в конце концов дойдем до того, что будем смотреть на тех, кто истребляет друг друга, так же, как на каннибалов, пожирающих один другого. Но герои второго рода никогда не переведутся, пока люди будут жить на земле». После Соединенных Штатов Фонд героев был создан в Великобритании, а затем его деятельность распространилась на Францию, Германию, Италию, Бельгию, Голландию, Норвегию, Швецию, Швейцарию, Данию.

В 1910 году Эндрю Карнеги создал самую большую в истории человечества благотворительную организацию «Carnegie Corporation», чтобы «содействовать продвижению и распространению знаний и взаимопонимания». Первоначально передав в ее пользование 25 миллионов долларов (это примерно равно сегодняшним 8 миллиардам), он в дальнейшем продолжал переводить на ее счет дополнительные средства: 75 миллионов в январе 1912 года, 25 миллионов в октябре 1912 года, 10 миллионов в начале 1913 года. При жизни Эндрю Карнеги «Carnegie Corporation» в основном предоставляла гранты библиотекам, церковным организациям, колледжам, но затем сфера ее деятельности расширилась.

Руководить основанными им фондами и институтами он поручал попечительским советам, состоявшим из заслуженных, уважаемых людей, которым передавались самые широкие полномочия по управлению и определению направлений работы. Скептикам он говорил: «Мне никогда не приходилось слышать о законодательном собрании, которое было бы

способно принимать разумные законы для будущих поколений, а иногда даже деятельность тех, кто принимает законы для современников, нельзя признать особенно успешной».

Эндрю Карнеги был убежден, что в будущем мир избавится от войн, возлагал большие надежды на международный арбитраж, регулирование международных отношений законами, а не силой. В 1907 году он писал президенту Гарвардского университета Чарльзу Элиоту, что считает дело мира главным в своей жизни. 25 ноября 1910 года, в день своего семидесятилетия, Эндрю Карнеги объявил о создании Фонда Карнеги за Международный Мир — первой в мире организации, целью которой являются общественно-политические исследования на благо мира. Вручая пожертвованные им Фонду 10 миллионов долларов, Эндрю Карнеги поручил попечительскому совету «ускорить меры по искоренению войн, ужаснейшего позора нашей цивилизации». В хартии Фонда Карнеги было записано, что его целью является «содействовать продвижению и распространению понимания и знаний среди народа Соединенных Штатов; продвигать дело мира между странами; приближать время, когда от войны как инструмента национальной политики откажутся; поощрять и продвигать методы мирного разрешения международных разногласий и роста международного взаимопонимания и согласия; помогать развитию международного права и принятия всеми странами его основополагающих принципов». Он завещал первому и последующим составам попечительского совета «время от времени, из поколения в поколение задаваться вопросом, как они могут содействовать человеку в его славном движении вперед и ввысь и использовать этот фонд с целью решения этих задач».

Для повышения эффективности работы Фонда Эндрю Карнеги разместил его в трех зданиях через дорогу от Белого дома (в настоящее время являющихся частью Блэр-хауса). Оба первых руководителя Фонда — Элиу Рут (возглавлявший организацию с 1910 по 1925 годы) и Николас Мюррей Батлер (президент Фонда в 1925—1945 годах) были лауреатами Нобелевской премии мира.

Когда разразилась Первая мировая война, Фонд Карнеги продолжал бороться за восстановление мира. После окончания войны он финансировал проекты по воссозданию инфраструктуры пострадавших от войны стран, поддерживал работу различных международных организаций. В 1914 году при поддержке Фонда была открыта Гагская академия международного права. В 20—30-е годы при содействии Фонда было осуществлено фундаментальное исследование «психоаналитических проблем войны», в Фонде стажировались многие ведущие исследователи мира, в том числе ученые, эмигрировавшие из Германии после прихода к власти нацистов. Фонд подготовил и опубликовал 22-томное собрание «Классики международного права» и 150-томное издание «Экономическая и социальная история мировой войны». Фондом были также приобретены права на журнал «Международное примирение», выходивший на протяжении последующих пятидесяти лет.

После Второй мировой войны Фонд Карнеги за Международный Мир провел серию радиопередач под общим названием «За пределами победы» о путях построения безопасного мира. В течение последующих десятилетий Фонд реализовал исследовательские и образовательные программы, касавшиеся деятельности вновь созданной Организации Объединенных Наций и будущего послевоенной между-

народно-правовой системы. По мере эскалации «холодной войны» все более значительное внимание уделялось вопросам советско-американских отношений, а после запуска первого советского спутника был начат проект по науке и технике. В 1960 году, году своего пятидесятилетия, Фонд объявил о новом направлении своей работы, опубликовав официальное заявление, в котором говорилось, что свобода и справедливость являются столь же важными категориями, как и международный мир. По спонсируемой Фондом программе многие молодые дипломаты из развивающихся стран — особенно из Африки — в течение ряда лет проходили годовой курс обучения в Женеве и Нью-Йорке.

В 70-е годы была осуществлена модернизация Фонда. После принятия в Соединенных Штатах в 1969 году нового закона о налогообложении Фонд Карнеги прекратил предоставлять гранты. Его деятельность стала более практически ориентированной, она теснее соотносилась с вопросами внешней политики. Больше внимание стало уделяться стимулированию общественного диалога по важнейшим общественно-политическим вопросам. В 1971 году Фондом была создана телевизионная программа «Лицом к лицу», служившая форумом для обсуждения основных вопросов политики с участием действующих политиков, общественных деятелей, экспертов. В начале 70-х годов Фонд также приобрел права на издание журнала «Foreign Policy», являющегося сегодня лидирующим ежеквартальным изданием в общественно-политической области.

Если когда-то Фонд Карнеги был единственным научно-исследовательским центром в сфере международной политики и проблем мира, то к 70-м годам число таких организаций значительно возросло, в

Здание Фонда Карнеги на Массачусетс-стрит в Вашингтоне

том числе и при активном участии Фонда Карнеги, создавшего Фонд Джорджа Маршалла, Институт международной экономики и Ассоциацию по контролю над вооружениями. Всем этим организациям Фонд Карнеги предоставлял финансовую и кадровую поддержку. Многие сотрудники Фонда Карнеги в дальнейшем стали руководителями ведущих внешне-

политических организаций, а также получили ключевые должности в американской администрации. В год своего семидесятилетия Фонд опубликовал фундаментальное исследование «Отчуждение: Америка и мир».

После завершения «холодной войны» значительное внимание в работе Фонда стало уделяться вопросам строительства демократии, перехода к рыночной экономике, проблемам, связанным с локальными конфликтами, и миротворческими операциями. Было осуществлено на двухпартийной основе фундаментальное исследование состава и структуры исполнительной ветви власти США, расширены Программа по ядерному нераспространению, Программа по вопросам миграции, Российско-евразийская программа. Фонд также содействовал — при сотрудничестве с Институтом Аспена в Берлине — созданию Международной комиссии по Балканам. В 1993 году был основан Московский Центр Карнеги, создавший беспрецедентные возможности для интеллектуального сотрудничества между российскими и американскими экспертами.

В 1997 году новым президентом Фонда Карнеги стала Джессика Т. Мэтьюз. В том же году Фонд переехал в новое здание на Массачусетс-стрит в Вашингтоне, которое занимает и сейчас. Вступая в должность президента Фонда, Джессика Мэтьюз в своей речи, указав на чрезвычайно возросшую роль неправительственных организаций в мире, отметила, что Фонд Карнеги на протяжении своей долгой истории делал практически все, что только могла делать организация такого рода: «Он финансировал создание профессорских должностей и предоставлял возможности повышения квалификации молодым дипломатам и государственным служащим из новых незави-

Деловой центр на Тверской улице в Москве, где размещается Московский Центр Карнеги

симых государств. Он восстанавливал разрушенные войной библиотеки, продюсировал и выпускал радиопередачи. Он содержал международный книжный магазин, спонсировал зарубежные туры для журналистов, выпускал бюллетень для международных студенческих клубов. Им были изданы огромные тома по международному праву, арбитражу и другим важнейшим вопросам». «Наше достояние — имя и репутация, финансовая независимость и человеческие

ресурсы, — подчеркнула Джессика Мэтьюз, — обязывают нас попытаться быть больше чем хорошим или даже очень хорошим мозговым центром. Благодаря щедрости Эндрю Карнеги у нас есть большая сумма денег, которые по сути дела являются общественными. Наша работа с их помощью должна вести к реальным переменам».

В 2007 году было объявлено о «Новом видении» — новом позиционировании Фонда, который стал первой международной, а в перспективе глобальной научно-исследовательской организацией. Были открыты новые отделения Фонда в Китае, Бейруте, Брюсселе. Глобальное позиционирование Фонда, совместная работа ведущих экспертов из различных стран, наличие представительств в ключевых районах мира открывают новые возможности для решения проблем обеспечения мира и сотрудничества в нашем все более взаимозависимом мире.

Роуз Геттемюллер,
директор Московского Центра Карнеги

Мои предки и детство в Шотландии

Мой приятель, судья Меллон из Питсбурга, написал несколько лет назад историю своей жизни, и это было для его друзей источником радости и большого нравственного удовлетворения. Главное достоинство этой книги в том, что она показывает нам человека, каков он есть, без всяких прикрас, так как написана без малейшего намерения привлечь общественное внимание и первоначально была предназначена автором только для членов его семьи. Так и я хочу рассказать свою жизнь не с целью вызвать к себе общественный интерес, а чтобы познакомить с ней всех ближайших друзей и родных, полагая, что даже самые незначительные эпизоды моей жизни могут все-таки интересовать их.

Итак, я начинаю. Я родился 25 ноября 1835 г. в Данфермлине, в маленькой комнатке в мезонине небольшого одноэтажного дома на углу Муди-стрит и Прайори-лейн. Я происхожу, как это принято говорить, из «бедной, но уважаемой семьи». Данфермлин давно известен как центр шотландской полотняной торговли. Мои предки жили в XVIII веке в живописной местности к югу от Данфермлина, но из-за роста полотняной промышленности вынуждены были переселиться в Данфермлин. Мой отец, Уильям Кар-

Дом в Данфермлине (Шотландия), где родился Э. Карнеги. Семья Карнеги занимала комнату в мезонине. В этом здании в настоящее время размещается Дом-музей Э. Карнеги. Справа от Дома-музея — Мемориальный зал. *Фотография предоставлена Домом-музеем Эндрю Карнеги (далее — ДМЭК) в Данфермлине*

неги, был ткачом. Он был сыном Эндрю Карнеги, в честь которого я назван.

Мой дед Карнеги славился по всей округе умом, остроумием и неизменной веселостью. В молодости он отличался чрезвычайной живостью и приобрел широкую известность как руководитель общественных собраний Патъемюйрской коллегии. Не только в деревне, но и в ближайшем городе и в провинции он считался выдающейся личностью. Как начитанный и умный человек он вошел в контакт с радикально настроенными ткачами Данфермлина, которые организовали в Патъемюйре собрания, называвшиеся «коллекгией». Эндрю называли там «профессором».

Когда я однажды после четырнадцатилетнего отсутствия вернулся в Данфермлин, со мной заговорил один сгорбленный старик, услышавший, что я внук «профессора», как величали моего деда знакомые. Старик этот, с трудом передвигая изуродованные подагрой члены, хромая, прошел через комнату ко мне и, положив мне на голову дрожащую руку, сказал:

— Так вы внук Эндрю Карнеги? Да, мой милый друг, я еще помню те времена, когда мы с вашим дедушкой сводили с ума своими глупыми проказами самых благоразумных людей!

Другой рассказал мне, между прочим, следующий анекдот, касающийся моего деда. Однажды, в ночь под Новый год, одна старушка в деревне, большая оригиналка, была напугана тем, что вдруг увидела в окне какую-то замаскированную голову. Однако она быстро овладела собой и, присмотревшись, воскликнула:

— Ах! Это, наверное, сумасбродный Эндрю Карнеги!..

И она угадала. Мой дед, несмотря на свои семьдесят пять лет, мог выкидывать такие же штуки, как самая веселая молодежь. Он надел маску на голову только для того, чтобы подшутить над своей старой приятельницей и попугать ее.

Мне кажется, я унаследовал от моего чудесного, вечно веселого деда, имя которого ношу с гордостью, и неизменный оптимизм, и способность отгонять от себя все заботы и мрачные мысли, и жизнерадостность. Я умею «превращать своих уток в лебедей», как говорили про меня друзья. Думаю, в жизни такая бодрость духа имеет даже большее значение, чем богатство. Пусть молодежь знает, что это свойство можно воспитать в себе и что душа, как и тело, должна купаться в солнечных лучах. Прогоняйте печальные мысли, если они у вас есть и если они не вызва-

ны упреками совести и сознанием своей неправоты. Помните великое жизненное правило, завещанное нам Бёрнсом¹: «Бойся только суда своей совести». Я с самой ранней молодости руководствовался этим правилом, и оно принесло мне больше пользы, чем все проповеди, какие только приходилось в жизни слушать, — а их было немало! Во всяком случае, я должен сознаться, что в более зрелые годы приобрел некоторое сходство с моим другом Бейли Уокером. Однажды врач, лечивший его, спросил, как он спит. Он отвечал, что сон у него плохой и у него часто бывает бессонница. «Но, — прибавил он, весело подмигнув, — зато я иногда хорошо высыпаюсь в церкви!».

Мой дед по материнской линии Томас Моррисон был еще более замечательным человеком. Он был другом Уильяма Коббета², известного английского публициста, издававшего в Лондоне с 1802 года оппозиционную и радикальную газету «The Weekly Political Register», стяжавшую ему большую популярность. Дед был сотрудником этой газеты и состоял в постоянной переписке с ее издателем. До сих пор еще старики в Данфермлине вспоминают о моем деде Моррисоне как о лучшем ораторе и способнейшем человеке, какого они только знали. Он издавал первую радикальную газету в Шотландии, которая была, так сказать, уменьшенным изданием газеты Коббета. Я читал некоторые его писания и ввиду того огромного значения, которое в настоящее время придается ремесленному образованию, считаю особенно замечательной брошюру, изданную им лет семьдесят назад, в которой он горячо защищает ремесленное

---

¹ Бёрнс Роберт (1759–1796) — шотландский поэт и фольклорист. — *Здесь и далее (кроме особо оговоренных случаев) примеч. ред.*

² Коббет Уильям (1762–1835) — английский публицист, издатель и политический деятель.

обучение и заканчивает следующими словами: «Я благодарю Бога, что учился шить и чинить башмаки в своей молодости». Коббет напечатал ее в своей газете в 1833 году, снабдив следующим редакционным примечанием: «Наилучшее исследование этого вопроса, которое когда-либо имело место в нашей газете, принадлежит перу нашего высокоуважаемого друга и корреспондента в Шотландии Томаса Моррисона»... Таким образом, я, должно быть, унаследовал склонность к писательству с двух сторон — со стороны матери и со стороны отца.

Мой дед Моррисон был прирожденный оратор, ревностный политик и вождь крайне левого крыла радикальной партии в своем округе. Впоследствии такое же положение занял там его сын, мой дядя Бейли Моррисон. Не раз меня посещали в Америке шотландцы, желавшие пожать руку внуку Томаса Моррисона. Директор железнодорожной компании «Кливленд и Питсбург» мистер Фармер сказал мне однажды: «Всеми своими знаниями я обязан влиянию вашего деда». А Эбенезер Гендерсон, автор прекрасно написанной истории Данфермлина, заявил, что успехом в жизни он всецело обязан тому счастливому обстоятельству, что еще мальчиком поступил на службу к моему деду.

Я слышал много лестных отзывов в своей жизни, но никогда ни одна похвала не доставляла мне такого удовольствия, как слова сотрудника одной газеты, издающейся в Глазго. Он слышал в Америке мою речь о гомруле¹ и в своем отчете упомянул, что в Шотлан-

---

¹ Гомруль (англ. Home Rule, «самоуправление») — умеренное национальное движение в Ирландии последней трети XIX — начала XX века за автономное управление Ирландии национальным парламентом при сохранении страны под властью Британской короны.

дии очень много говорят обо мне и моей семье и в особенности о моем деде, Томасе Моррисоне. «Каково же было мое удивление, — прибавляет он, — когда я увидел на ораторской трибуне живой портрет Томаса Моррисона! Так велико было сходство с ним его внука во всех отношениях».

Мое замечательное сходство с дедом не подлежит, впрочем, никакому сомнению. Я не могу вспомнить, видел ли его когда-нибудь, но хорошо помню, что когда мне было уже двадцать семь лет и я в первый раз вернулся в Данфермлин, большие черные глаза моего дядюшки Бейли Моррисона, сидевшего возле меня на диване, вдруг наполнились слезами. Он был так взволнован, что не мог выговорить ни слова и выбежал из комнаты. Спустя несколько минут он вернулся и объяснил, что во мне есть нечто напоминающее ему отца, и это сходство то появляется, то исчезает. Он не мог уяснить, в чем оно, собственно, заключается, но, по-видимому, мои движения порой напоминали ему отца. Моя мать тоже замечала это сходство. Мой дед Моррисон был женат на мисс Ходж из Эдинбурга, прекрасно образованной и воспитанной девушке, занимавшей хорошее положение в обществе. Она рано умерла. Тогда дед жил в хороших условиях. Он торговал кожей и был директором кожевенного завода в Данфермлине. Но мир, заключенный после битвы при Ватерлоо, разорил его, как и тысячи других. Поэтому младшие дети в семье жили уже в худших условиях, и только старший сын, мой дядя Бейли, был воспитан в некоторой роскоши и даже имел собственного пони для верховой езды.

Второй дочерью была моя мать. Я не в состоянии описать ее как следует и скажу лишь, что она унаследовала от своей матери изящную наружность

и манеры образованной женщины. Может быть, я когда-нибудь расскажу об этой чудесной женщине. Впрочем, вряд ли я сделаю это. Она представляет для меня слишком большую святыню. Никто не знал ее так, как знаю я. Мой отец умер рано, и после его смерти она была для меня всем. Первая моя книга имеет такое посвящение: «Моей самой дорогой героине, моей матери». И этими словами все сказано.

Если мне улыбнулось счастье в отношении родных, то еще больше мне повезло с местом рождения. Очень важно, где ты родился, так как окружающая среда и традиции пробуждают и развивают в ребенке многие дремлющие наклонности. Рёскин¹ очень верно замечает, что на каждого живого и способного мальчика в Эдинбурге оказывает влияние один вид замка; так же и в Данфермлине на ребенка производит впечатление вид великолепного монастыря — шотландского «Вестминстера», построенного в XI веке шотландским королем Малькольмом III², женатым на англосаксонской принцессе Маргарет, которая в XIII веке была причислена к лику святых. Малькольм был убит в сражении с англичанами.

До сих пор еще стоят развалины этого великого монастыря и дворца, в котором короли впервые видели свет. Там же находятся Питтенкриффская долина с могилой королевы Маргарет и развалины башни короля Малькольма, о которой говорится в знаменитой старинной балладе неизвестного происхождения, впервые опубликованной в 1765 году и

---

¹ Рёскин Джон (1819—1900) — английский теоретик искусства, художественный критик, историк, публицист.

² Малькольм III (1030 или 1038—1093) — шотландский король с 1058 года.

Мать Э. Карнеги. Фотография предоставлена ДМЭЖ

описывающей гибель корабля одного шотландского вельможи вместе со свитой.

Могила Роберта Брюса¹, бывшего претендента на престол, одержавшего решительную победу над английским королем Эдуардом II² и добившегося свободы для Шотландии, находится в средней части монастыря. Рядом с ним покоится королева Маргарет и другие члены королевской семьи. Право, счастлив тот ребенок, который родился в этом городе, полном романтической поэзии и лежащем на возвышенности, откуда открывается чудный вид на море и на вершины гор. И все это окружено очарованием великого прошлого Шотландии, когда Данфермлин был столицей этой страны как в национальном, так и в религиозном отношении.

Ребенок, вырастающий в такой обстановке, самый воздух которой пропитан романтизмом и поэзией, уже с раннего детства узнает историю и предания своей родины, и для него все это становится действительностью. Эти первые впечатления не изглаживаются из его памяти и сохраняются до конца жизни. Они могут на время исчезать, заслоняемые суровыми фактами обыденной жизни, но всегда появляются вновь, и они-то придают ей красочность и освещают ее. Ни один ребенок в Данфермлине, обладающий живым воображением и умом, не может избежать влияния, оказываемого видом этого древнего монастыря, дворца и долины. Полученные впечатления оставляют неизгладимый след в его душе и

---

¹ Роберт I Брюс (1274–1329) — король Шотландии (1306–1329), один из величайших шотландских монархов, организатор обороны страны в начальный период войны за независимость против Англии.

² Эдуард II (1284–1327) — английский король с 1307 года до низложения в 1327 году.

развивают в ней такие качества, которые остались бы в зародыше, родись он в менее благоприятной обстановке. Мои родители тоже родились и выросли в такой же среде, влияющей на душевное развитие, и, без сомнения, это обстоятельство вызвало у них такую склонность к поэзии и романтизму.

Когда отец достиг своим ремеслом некоторого благосостояния, мы заняли другое, более удобное помещение в Рейд-парке. На нижнем этаже стояли четыре или пять ткацких станков отца, мы же жили на верхнем этаже, куда вела с улицы лестница снаружи дома, как это было во всех старинных шотландских домах. С этим домом связаны самые первые мои воспоминания. Станным образом я прежде всего помню день, когда увидел маленькую географическую карту. Она была накинута на небольшую круглую палочку величиной в два фута. Мой отец, моя мать, дядя Уильям и тетя Айткен искали город Питсбург, озеро Эри и Ниагарский водопад. Вскоре после этого дядя Уильям и тетя Айткен отправились в эту обещанную землю.

Помню также, какое глубокое впечатление произвела на меня и моего двоюродного брата Джорджа опасность, который мы подверглись однажды вследствие того, что у нас на чердаке было спрятано революционное знамя. Это знамя было приготовлено, чтобы отец, дядя или кто-нибудь другой из почтенных радикалов в нашей семье нес его в процессии во время агитации против хлебных законов. Мне кажется, кто-то из нашей семьи действительно нес это знамя. В городе произошло восстание, и туда был прислан отряд кавалерии. Оба моих деда, все мои дяди и отец выступали на собраниях, и вся семья пришла в сильнейшее возбуждение. Я помню так ясно, будто это было вчера, как однажды но-

чью был разбужен стуком в окно. Пришли несколько мужчин и сообщили родителям, что дядя Бейли Моррисон посажен в тюрьму за то, что осмелился устроить запрещенное собрание. Шериф приказал солдатам арестовать его ночью за несколько миль от города, где происходило собрание, и привести в город, что и было исполнено, причем его сопровождала громадная толпа. Опасались серьезных беспорядков, так как толпа грозила освободить его. Позднее мы узнали, что бургомистр просил его подойти к окну, выходящему на главную улицу, и приказать толпе спокойно разойтись. Дядя Бейли исполнил эту просьбу и обратился к толпе со следующими словами:

— Каждый, кто сочувствует доброму делу, пусть скрестит руки!

Все сделали это, и тогда он прибавил:

— Ну а теперь идите с миром!..

Правительственные чиновники были настолько благоразумны, что оставили это дело без последствий, а сограждане Моррисона доказали ему свою признательность и уважение тем, что избрали его в совет и городской парламент. Вскоре после этого он был назначен городским казначеем, и таким образом патристический реформатор, которого власти хотели арестовать как нарушителя законов, сам сделался посредством своего избрания представителем городской власти и, кроме того, получил блестящее доказательство всеобщего уважения и доверия. Мой дядя, как и все в нашей семье, был строго нравственным человеком и всегда повиновался законам, но все же он был убежденным радикалом и горячим поклонником американской республики.

Можно себе представить, какие возмущенные речи произносились в нашем тесном кругу в то вре-

мя, когда происходили эти события. Я рос среди волнующих разговоров и нападок на монархически-аристократическое правительство, на всякого рода привилегии и постоянно слышал, как восхвалялась республиканская форма правления и указывалось на превосходство Америки, страны, населенной людьми нашей расы и ставшей родиной свободных людей, где все граждане равны. Я был готов, будучи ребенком, убить короля, герцога или лорда и считал бы такое убийство заслугой перед государством и геройским поступком. И так сильно было влияние этих первых впечатлений детства, что я долго потом не мог заставить себя относиться с почтением к какому бы то ни было привилегированному классу. Я всегда с некоторой иронией взирал на родословную кого-нибудь из них и думал: «Ведь он еще ровно ничего не сделал и только благодаря случайности занял такое положение. Он — обманщик, украсивший себя чужими перьями. Единственное, что выдвинуло его перед другими, это его происхождение. Но лучшее, что заключается в его семье, скрыто, подобно картофелю, под землей». И я удивлялся, как это умные люди могут жить в такой стране, где человек рождается уже облеченным преимуществами перед другими. Конечно, все мои негодующие слова по этому поводу были простой болтовней, лишь повторявшей то, что я слышал дома.

Данфермлин в течение долгого времени был известен как самый радикальный город во всем королевстве, и это тем более замечательно, что в дни, о которых я говорю, его население преимущественно состояло из самостоятельных мелких фабрикантов, каждый из которых владел одним или несколькими ткацкими станками. Они не были ограничены каким-то определенным рабочим временем, но трудились

сдельно, получая от крупных фабрикантов материал для обработки, и ткали у себя дома.

В то время волны политического движения вздымались высоко, и часто можно было видеть во всем городе в обеденное время маленькие группы людей в рабочих фартуках, стоявших на улице и горячо рассуждавших о политике. На устах у каждого были имена Юма¹, Кобдена² и Брайта³. Хотя я был еще мал, эти группы часто привлекали меня, и я с напряженным вниманием прислушивался к разговорам, которые, однако, всегда носили односторонний характер и повторяли один и тот же припев: так не может продолжаться! Жители города основывали клубы и подписывались на лондонские газеты. Передовые статьи ежедневно читались публично по вечерам и, что было особенно удивительно, громко читались с одной из городских кафедр. Часто это делал мой дядя Бейли Моррисон, и так как он и другие сопровождали чтение комментариями, то, естественно, все это возбуждающе действовало на слушателей.

Такие политические собрания происходили часто, и, конечно, я ими очень интересовался, как и все в нашей семье, и нередко принимал в них участие. Обыкновенно речи произносили мой дядя или

---

¹ Юм Джозеф (1777–1855) — английский политический деятель. Был глазным врачом, в 1799 году отправился в Бенгалию, где настолько овладел индийскими наречиями, что уже через два года служил переводчиком в английских войсках. С 1812 года состоял с перерывами членом Палаты общин.

² Кобден Ричард (1804–1865) — английский политический деятель, фабрикант. Один из руководителей Лиги против хлебных законов (основана в 1838 году). В 1841–1857 и 1859–1865 годах член Палаты общин.

³ Брайт Джон (1811–1889) — английский политический деятель, знаменитый оратор, борец за отмену хлебных пошлин, друг Р. Кобдена. С 1843 года член парламента, в 1868–1870, 1873–1874 и 1880–1882 годах министр в кабинетах У. Гладстона.

отец. Помню, как однажды вечером отец выступал с речью в большом собрании за городом. Я протиснулся в толпу слушателей и, когда раздались особенно громкие возгласы одобрения, тоже не мог удержать своего восторга и сказал человеку, у ног которого пристроился, что говорит мой отец. Тогда этот человек поднял меня и посадил к себе на плечо, чтобы я мог все видеть.

В другой раз отец сам взял меня с собой, чтобы послушать Брайта, который должен был говорить в собрании. Дома я раскритиковал его неправильный выговор, он произносил многие буквы и слова не так, как мы в Шотландии. Неудивительно, что в такой среде я рос пылким молодым республиканцем, лозунгом которого было «Долой все привилегии!». Я тогда даже не знал, что такое привилегии, но мой отец знал это.

Замена ручных ткацких станков паровыми роковым образом отразилась на нашей семье. Мой отец не признал вовремя важности этого переворота в своем ремесле и долго придерживался старой системы. Его заработки сильно уменьшились, и мать, которая всегда была ему помощницей в нужде, должна была предпринимать невероятные усилия, чтобы поддерживать семью. Она открыла лавочку и таким образом помогала отцу содержать семью; хотя доходы ее были невелики, все же этого было достаточно, чтобы мы могли жить прилично. Помню также, я тогда в первый раз узнал, что значит быть в зависимости. То были ужасные дни, когда отец понес крупному фабриканту последний кусок материи, и мать со страхом ждала его возвращения, чтобы услышать от него решение нашей судьбы — получит он новые заказы или нам будет грозить безработица. Меня мучила мысль, что отец должен идти к другим людям

и просить у них работу; тогда у меня возникло решение все это изменить, когда вырасту. Правда, нам было еще не так плохо, как некоторым соседям, но я не знаю, на какие лишения не обрекла бы себя моя мать, лишь бы видеть обоих своих мальчиков всегда хорошо одетыми и в больших белых воротничках.

Родители однажды необдуманно дали обещание не посылать меня в школу до тех пор, пока я сам не попрошу об этом. Потом я узнал, что по мере того как проходило время и я вырастал, их все больше огорчало то обстоятельство, что я не выказывал ни малейшей склонности обратиться к ним с подобной просьбой. Они отправились к учителю Роберту Мартину и попросили его немного заняться мной. И вот однажды он взял меня с собой на экскурсию вместе с некоторыми моими товарищами по играм, которые уже ходили в школу, и родители были очень обрадованы, когда спустя несколько дней я попросил у них разрешения посещать школу мистера Мартина. Тогда мне было почти восемь лет, и позднее я узнал, что каждый ребенок в эти годы уже ходит в школу.

Посещение школы доставляло мне большое удовольствие, и я бывал очень огорчен, если по какой-то причине должен был пропустить уроки. Это случилось иногда вследствие того, что по утрам я должен был приносить воду из колодца на верхнем конце нашей улицы. Приток воды в этот колодец был очень скуден, так что иногда можно было добыть из него воду лишь позднее, и случалось, что когда я приходил за водой, там уже стояла толпа старух, которые обеспечили себе место в очереди, поставив на улице ночью никуда не годный старый кувшин. Конечно, из-за этого возникали бесчисленные споры, в которых, однако, этим старым тетушкам не удавалось взять надо мной верх, и поэтому я заслужил у них ре-

путацию отвратительного мальчишки. По всей вероятности, благодаря этому обстоятельству во мне так развилась склонность к борьбе, не исчезнувшая в течение всей жизни.

Выполнение этих обязанностей часто заставляло меня опаздывать в школу, но учитель знал причину и не сердился на меня. Прибавлю к этому, что зачастую мне и после школы приходилось выполнять разные деловые поручения, и я с чувством удовлетворения вспоминаю, что уже с десятилетнего возраста был полезен родителям. Несколько позднее мне даже стали доверять вести счета наших клиентов, и таким образом я еще в детском возрасте приобрел некоторую ловкость в делах.

Но в моей школьной жизни были и темные стороны. Мальчики дали мне прозвище «последыш Мартина» и частенько кричали мне вслед этот ужасный эпитет, когда я проходил по улице. Я не знал, что это, собственно, означает, но мне казалось, что это очень оскорбительное прозвище, и оно помешало мне сблизиться со своим превосходным учителем так, как я бы этого хотел. Я очень многим обязан этому единственному учителю, который у меня был, и меня до сих пор огорчает, что я не имел возможности доказать ему хоть чем-нибудь свою благодарность в течение его жизни.

Должен упомянуть здесь еще об одном человеке, имевшем большое влияние на мое развитие. Это мой дядя Джордж Лодер, отец моего кузена, которого звали уменьшительным именем «Дод». Мой отец вынужден был постоянно находиться в мастерской за работой, поэтому днем он не мог уделять мне много времени. Но мой дядя не был так занят и принадлежал к аристократии лавочников Данфермлина. Смерть моей тетки, его жены, умершей примерно в

то время, как я начал ходить в школу, была для него жестоким ударом, и единственное утешение в своей горе он находил, занимаясь с сыном Джорджем и со мной. Он обладал необыкновенным умением обращаться с детьми, и мы получили от него много разных знаний. Между прочим, я хорошо помню, как он учил нас английской истории. Каждому монарху он отводил определенное место на стене комнаты и заставлял нас хорошенько запоминать, чем тот или иной король прославился в истории. Я как сейчас вижу над камином портрет короля Иоанна¹, подписывающего Великую хартию вольностей, а королеву Викторию² с детьми — возле дверей комнаты. Могут гарантировать, что в нашем списке английских властителей не было ни одного пробела, подобного тем, которые я впоследствии нашел в Вестминстерском аббатстве. На дощечке в маленькой вестминстерской часовне сообщается, что тело Оливера Кромвеля³ оттуда унесено, и это было все, что говорилось о нем. А в нашем списке, который я учил, сидя на коленях у дяди, великий республиканский властитель был изображен в тот момент, когда он писал послание римскому папе и грозил ему, что «если он не прекратит преследование протестантов, то услышит гром английских пушек». Нечего и говорить, что мы

---

¹ Речь идет об Иоанне Безземельном (1166–1216) — короле Англии с 1199 года из династии Плантагенетов. В 1213 году он признал Англию вассалом римского папы, чтобы закончить раздор с католической церковью, а в 1215 году восставшие бароны заставили его подписать Великую хартию вольностей (Magna Charta).

² Виктория (1819–1901) — королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии с 1837 года, императрица Индии с 1876 года.

³ Кромвель Оливер (1599–1658) — вождь Английской революции, военачальник и государственный деятель, в 1653–1658 годы лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии.

ценили Кромвеля гораздо выше, чем всех других английских властителей вместе взятых.

От дяди я узнал всю старую историю Шотландии и скажу, что именно тогда во мне проснулся шотландский партикуляризм (или патриотизм), который исчезнет лишь с моей смертью. Само собой разумеется, что нашим героем был Уильям Уоллес¹, борец за шотландскую свободу, казненный в 1305 году английским королем Эдуардом I². Все героическое сосредоточивалось в наших глазах в личности этого шотландского борца.

Я весьма огорчился, когда однажды в школе один нахальный великовозрастный юноша сказал мне, что Шотландия гораздо меньше Англии. Я тотчас же побежал к дяде, чтобы поделиться с ним огорчением, но он утешил меня следующими словами:

— Ничего подобного, дружок! Если бы Шотландию разгладили вальком и она стала такой же плоской, как Англия, то оказалась бы гораздо больше Англии. А разве ты хотел бы разгладить наши горы?

Конечно, нет! И это было успокоительным балзамом для ран юного шотландского патриота. Когда же позднее мне опять поставили на вид бóльшую населенность Англии по сравнению с Шотландией и я опять побежал к дядюшке, то он подтвердил мне это, но в утешение напомнил, что при Бэннокбёрне в 1314 году, когда шотландский король Роберт Брюс одержал победу над английским королем Эдуардом II, шотландцы стояли лицом к лицу с гораз-

---

¹ Уоллес Уильям (ок. 1276–1305) — национальный герой Шотландии, вдохновитель войны за независимость против Англии.

² Эдуард I Длинноногий (1239–1307) — король Англии с 1272 года из династии Плантагенетов. Был четвертым королем Англии с таким именем, но принял номер I, считая началом современной ему английской монархии норманнское завоевание 1066 года.

до большими силами англичан. И снова мое сердце юного патриота наполнилось радостью при одной мысли, что чем больше было англичан, тем больше славы шотландцам, победившим их.

Все это может служить комментарием к той истине, что война всегда вызывает новую войну и каждое сражение разбрасывает семена будущих сражений, и таким путем между народами возникает традиционная вражда. Юные американцы переживают то же, что и юные шотландцы. Рассказы о Вашингтоне¹, о героическом сражении зимой при Вэлли-Фордж, о наемном войске для избиения американцев, конечно, оказывают влияние на юную душу и развивают в ней с самого начала ненависть к одному только имени англичан. Я это испытал на собственных американских племянниках. Шотландию они находили прекрасной страной, но Англию, которая сражалась с Шотландией, они рассматривали как злейшего врага. Это предубеждение против Англии более или менее исчезло лишь после того, как они сделались взрослыми людьми, да и то не вполне. Влияние, оказываемое на детскую душу рассказами о героях, очень велико.

Много дней и вечеров я проводил у своего дяди Лодера, и между его сыном и мной возникла прочная братская дружба. В семье нас называли «Дод» и «Нэг». Так называли мы друг друга в детстве, когда еще не могли произнести как следует свои полные имена.

Я мог возвращаться домой от дяди двумя путями: более коротким, через старое кладбище монастыря,

---

¹ Вашингтон Джордж (1732–1799) — деятель Первой американской буржуазной революции, первый президент США (1789–1797), главнокомандующий Континентальной армией во время войны североамериканских колоний за независимость.

пробираясь между могилами, где было совершенно темно, или через Майские ворота, вдоль освещенной улицы. Когда наступало время идти домой, дядя с некоторым ехидством всегда спрашивал меня, по какой дороге я хочу вернуться. Я рассуждал, как бы поступил Уоллес на моем месте, и поэтому неизменно отвечал, что пойду через кладбище. И могу с чистой совестью сказать, что ни разу не поддался искушению и не пошел другой дорогой, освещенной фонарями, хотя сердце у меня билось от страха так сильно, что готово было выскочить, когда я проходил под сводами старого монастыря. Я бежал в темноте и свистел для поддержания мужества, стараясь думать только о том, как бы поступил Уоллес, если бы перед ним очутился естественный или сверхъестественный враг. Вообще нашим главным национальным героем был Уоллес, так как он происходил из народа, и я в нем черпал свое мужество. Для мальчика очень важно иметь в душе такой идеал героя.

Когда я переехал в Америку, то даже почувствовал некоторое огорчение, что на свете есть другая страна, которая может утверждать, что у нее есть чем гордиться. Но разве в Америке были Уоллес, Брюс и Бёрнс? И такое чувство все-таки гнездится в душе каждого шотландца, если он еще не порвал с родиной. Только в более зрелые годы, когда расширяется кругозор, начинаешь понимать, что у каждого народа свои герои и свой романтизм, своя история и свои великие деяния.

Лишь после многолетнего пребывания в Америке я понял, что эта страна не будет для меня одним только временным местопребыванием. Мое сердце все же оставалось в Шотландии.

Мой славный дядя Лодер, обучая нас, придавал особое значение декламации, и мы с Додом часто по-

лучали несколько пенни, когда, выступая в бумажных шлемах, с деревянными мечами за поясом, декламировали не только перед нашими школьными товарищами, но даже перед взрослыми слушателями.

Благодаря учебному методу моего дядюшки у меня очень развивалась и укреплялась память. Он заставлял нас учить наизусть любимые стихи и часто декламировать, поэтому я приобрел способность необыкновенно быстро выучивать наизусть все, что мне нравилось, и даже приводил этим в изумление друзей. Конечно, я выучивал так же быстро и то, что мне не нравилось, но зато так же быстро и забывал это. Например, во время обучения я должен был ежедневно учить наизусть две строфы из одного псалма. Мне это было очень не во вкусу, поэтому я не раскрывал псалом раньше, чем по дороге в школу, куда я приходил минут через пять или шесть, если шел медленно. И в этот промежуток я успевал выучить то, что нужно, и так как псалмом надо было отвечать на первом уроке, то я с успехом выдерживал это испытание. Но если бы мне пришлось через полчаса после этого повторить псалом, я уже не мог бы этого сделать.

Меня не очень мучили в школе религиозным учением. В то время как другие дети должны были учить маленький катехизис, Дод и я были почему-то освобождены от этой повинности. Все наши родственники, и Моррисоны, и Лодеры, придерживались очень прогрессивных взглядов как в политической области, так и в богословской, и, без сомнения, они многое оспаривали в катехизисе. Во всей нашей семье не было ни одного ортодоксального пресвитерианца. Мой отец, дядя и тетка Айткен, дядя Лодер, а также дядя Карнеги были чужды догматике кальвинизма, а позднее большинство моих родных увлекались уче-

нием Сведенборга ¹. Моя мать никогда не говорила мне о религии. Она не ходила и в церковь. В то время у нас не было прислуги, и мать исполняла всю работу в доме. Даже по воскресеньям она стряпала для нас обед. Но она всегда охотно читала, и особенно любила Чаннинга ². Вообще она была удивительная женщина.

Во времена моего детства все окружавшие меня находились в состоянии сильнейшего возбуждения в отношении как политических, так и религиозных вопросов. Наряду с прогрессивными идеями, которые горячо пропагандировались в политике, с рассуждениями о необходимости отмены всяких привилегий и утверждения равенства всех граждан, о превосходстве республиканских взглядов я не раз слышал споры по поводу разных богословских вопросов, и эти споры производили на мою восприимчивую детскую душу гораздо более сильное впечатление, чем это могли предположить мои родители. Я знаю, что суровая догма кальвинизма тяготела надоевшей, как ужасный кошмар. Когда я сделался старше, то хранил как сокровище в своей душе рассказ о том, что отец — это было вскоре после моего рождения — покинул пресвитерианское богослужение, когда услышал проповедь священника, говорившего о вечных муках, ожидающих даже маленьких детей по Божьему предопределению. Отец не мог вынести этого и сказал священнику: «Если ваша религия и ваш Бог таковы, то я поищу себе лучшей религии и более великодушного Бога». После этого он вышел из пресвитерианской церкви и стал посещать дру-

---

¹ Сведенборг Эмануэль (1688–1772) — шведский ученый-естествоиспытатель и теософ-мистик.

² Чаннинг Уильям Эллери (1780–1842) — американский богослов и писатель.

гие богослужения. На меня производило глубокое впечатление то, что он каждое утро удалялся, чтобы молиться. Он был по-настоящему благочестив и оставался таким до конца жизни. На все религиозные сообщества он смотрел лишь как на путь к добру и находил, что хотя и существует много вероисповеданий, но религия только одна. И я считал, что мой отец больше понимал в религии, чем проповедник, который изображал нам не «небесного отца», а жестокого мстительного бога Ветхого Завета, «вечного мучителя», как его осмелился назвать в своей автобиографии Эндрю Уайт¹. К счастью, взгляды на этот счет теперь изменились.

В детстве для меня величайшим удовольствием было разведение кроликов и голубей. Для моих пернатых и четвероногих любимцев отец выстроил хорошенький домик, и я до сих пор с благодарностью вспоминаю об этом. Моя мать находила, что влияние семьи лучше всего может удержать мальчиков на добром пути, и для этого нужно, чтобы дома им было уютно. И я не знаю, чего бы не сделали мои отец и мать, чтобы только доставить радость нам и соседским детям, которые нас окружали.

С разведением кроликов связан и мой первый деловой опыт. Я заручился на все лето услугами моих товарищей, как настоящий работодатель, и за это назначил единственным вознаграждением то, что новорожденные кролики назывались их именами. Каждую субботу мои товарищи отправлялись собирать корм для кроликов. Еще и теперь меня мучат укоры совести за то, что я так скудно вознаграждал товарищей по играм за их труды. Многие из них все лето собирали со мной траву для моих кроликов, до-

---

¹ Уайт Эндрю Диксон (1832–1918) — американский дипломат и историк, один из основателей Корнеллского университета.

вольствуясь такой единовременной платой, самой ничтожной, какая когда-либо давалась за труды. Но что же я мог бы предложить им? Ведь у меня самого не было ни одного пенни!..

Это воспоминание имеет значение, потому что служит первым указанием, что я обладал организаторским талантом, от дальнейшего развития которого зависел мой внешний успех в жизни. Этим успехом я больше обязан своей способности всегда отыскивать таких людей, которые лучше меня знали, что надо делать, нежели собственным знаниям и уменью. Я ничего не понимал в паровых машинах, но старался вникнуть в тот гораздо более сложный механизм, который называется человеком.

Когда я однажды в 1898 году во время поездки по Шотландии остановился в одной маленькой гостинице, ко мне подошел какой-то господин и представился. Это был мистер Макинтош, крупный шотландский мебельный фабрикант и, как я потом убедился, превосходный человек. Он сказал, что очень рад познакомиться со мной теперь, потому что некогда принадлежал к компании тех мальчигов, которые собирали корм для моих кроликов. Он боится, что не всегда добросовестно исполнял свои обязанности, но все же один из моих кроликов был назван его именем. Можно себе представить, как я обрадовался этой встрече. Это был единственный из нашей компании мальчуганов, с кем мне пришлось потом встретиться.

Вследствие введения и совершенствования паровых двигателей дела мелких фабрикантов в Данфермiline стали ухудшаться все больше и больше. В том числе пострадал и мой отец. В конце концов было отправлено письмо сестрам моей матери, жившим в Питсбурге, в котором серьезно ставился вопрос

о нашем переселении в Америку. Я прекрасно помню, что когда родители обсуждали этот план, они главным образом имели в виду будущность сыновей. Полученные ими ответы из Америки были настолько удовлетворительны, что они решили распродать мебель и ткацкие станки и уехать. Отец часто распевал нам своим прекрасным голосом песню о свободной стране, куда мы должны были отправиться. К сожалению, результаты распродажи были печальным разочарованием, так как станки были проданы за бесценок, и в конце концов нам еще на хватало 20 фунтов для покрытия расходов на переезд в Америку. Тут я должен упомянуть об услуге, оказанной нам подругой молодости моей матери. Вообще у моей матери всегда были верные друзья, потому что она сама была верным другом. Я говорю о миссис Гендерсон, которую в нашей семье продолжали называть ее девическим именем — Элла Фергюсон. Она тотчас же дала моей матери недостающие 20 фунтов, а мои дяди Лодер и Моррисон поручились за уплату. Дядя Лодер вообще во всех отношениях всегда приходил к нам на помощь советами и делом и заботился обо всем. 17 мая 1848 года мы покинули Данферmlin. Отцу моему было тогда сорок три года, а матери тридцать три. Мне же было тринадцать лет, а брату Тому шел пятый год. Это был прелестный мальчик, светлый блондин с блестящими черными глазами, всегда обращавший на себя всеобщее внимание.

Я хорошо помню то утро, когда мы покинули мой любимый Данферmlin. Я смотрел из окна коляски глазами, полными слез, до тех пор, пока он не скрылся из вида. Самым последним исчез вдали старинный почтенный монастырь. В первые четырнадцать лет после этого прощания меня почти ежедневно волновала мысль, когда я увижу все это вновь. Редко про-

ходил день, чтобы я не вспоминал об этом и не представлял себе башню монастыря и на ней волшебную надпись: «Король Роберт Брюс». Все мои детские воспоминания, всё, что я знал о сказочном мире, находилось в тесной связи с этим старым монастырем и его вечерним звоном, раздававшимся в восемь часов и служившим для меня сигналом, что пора ложиться спать. Впоследствии, когда я снова увидел монастырь во время поездки в Англию, то написал об этом в своей книге «На четверке лошадей по Британии»:

«Когда мы проезжали вдоль Пэндса, я поднялся со своего места в коляске, услышав звон монастырского колокола, раздававшийся в честь моей матери и меня. У меня задрожали колени, из глаз хлынули слезы. Мне казалось даже, что я теряю сознание, но все же я овладел собой. Я закусил до крови губы и мысленно говорил себе: “Что это такое! Успокойся! Возьми себя в руки!”. Но на всем свете не найдется других звуков, которые могли бы так взволновать мою душу, как этот нежный, мелодичный звон монастырского колокола в Данфермлине.

При звуках этого вечернего колокола моя мать укладывала меня в мою маленькую колыбельку, и я засыпал под эту музыку невинным сном. И когда отец и мать нежно склонялись надо мной, они по очереди рассказывали мне, что означает этот колокольный звон. Немало хороших слов я услышал от них под звуки этого колокола, и они запечатлелись в моей душе. И снова они раздались в моих ушах, когда я услышал колокол, приветствовавший возвращение матери и сына с чужбины на родину. Ничто в целом мире не могло бы нам доставить такой радости, как звуки этого колокола, звонившего по случаю нашего приезда.

Руссо¹ выражал желание умереть под звуки прекрасной музыки. Я же хотел бы — если бы мне предоставлен был выбор в этом отношении — отойти в иной мир под звуки нашего монастырского колокола, который рассказывал бы мне о жизненной борьбе, подошедшей теперь к концу, и призывал бы меня — как некогда призывал ко сну маленького белокурого мальчика — сомкнуть очи и заснуть последним сном».

---

¹ Руссо Жан-Жак (1712–1778) — французский философ-просветитель, политический мыслитель, писатель.

В Америку. В Питсбурге. На катушечной фабрике

Из Данфермлина мы отправились в омнибусе, который ехал в Чарлстон, и в Ферт-оф-Форте сели в маленькую лодку, которая отвезла нас на эдинбургский пароход. Когда мы подплыли к пароходу, я бросился на шею дяде Лодеру и воскликнул со слезами: «Я не могу расстаться с тобой! Не могу!...». Какой-то матрос ласково взял меня на руки и поднял на палубу парохода. Когда я опять приехал в Данфермлин спустя четырнадцать лет, то увидел этого славного старика, который вспомнил наш отъезд и сказал, что никогда в жизни не видал более трогательного прощания.

В Глазго мы сели на парусное судно водоизмещением 800 тонн, и в течение нашего семинедельного плавания на этом судне я подружился с матросами, узнал названия разных снастей и мог даже давать указания пассажирам, как они должны выполнять распоряжения боцмана. Дело в том, что матросов на нашем судне было недостаточно и поэтому необходима была помощь пассажиров. И я также получал по воскресеньям за свою помощь кусок сливового пудинга, составлявшего единственное лакомство, которым располагали матросы. Когда мы прибыли на место, я покинул это судно с искренним сожалением.

Нью-Йорк порастил меня сильнейшим образом. Я был в Эдинбурге, куда меня взяли, чтобы я увидел королеву, и это было мое единственное путешествие до нашего переселения в Америку. Осмотреть Глазго мы не имели времени, так как надо было немедленно отправляться дальше. Нью-Йорк был первым громадным городом, напоминавшим гигантский пчелиный улей по своей кипучей деятельности, и я смешался с его обитателями. Шум, оживленное движение и суета совершенно подавляли меня. Но самое большое впечатление во время нашей остановки в Нью-Йорке произвел на меня следующий незначительный факт: один из матросов нашего судна, Роберт Берримен, взял меня под свое покровительство. Он расфрантился для поездки на берег, надел синюю куртку и белые штаны, как подобает настоящему матросу, и казался мне красивейшим человеком на свете. Он повел меня в лавочку, где продавались прохладительные напитки, и угостил стаканом сиропа, который я выпил с таким наслаждением, точно это был настоящий божественный нектар. Едва ли до той минуты что-нибудь до такой степени нравилось мне, как тот блестящий медный сосуд с украшениями, из которого выливалось струей вкусное питье. Часто, когда я прохожу теперь по этому месту и вижу старушку, стоящую у своего прилавка с напитками, невольно вспоминаю славного матроса, судьба которого так и осталась мне неизвестной. Как я ни старался разыскать его, мне так и не удалось ничего узнать о нем. Я все надеялся, что смогу что-нибудь сделать для него. Он олицетворял для меня образ Тома Баулинга, героя баллады известного поэта и композитора Чарльза Дибдина¹, воспевавшего моряков в своих песнях.

---

¹ Дибдин Чарльз (1745–1814) — английский поэт, композитор и актер.

Когда я слышал эту прекрасную старую песню, то всегда видел перед собой моего друга матроса, представлявшего для меня «идеал мужской красоты». Но, к сожалению, его давно уже тут не было. Во всяком случае, он своим ласковым обращением во время моего первого морского путешествия приобрел навсегда мою горячую привязанность, и я не мог его забыть.

В Нью-Йорке мы знали только мистера и миссис Слоун. Миссис Слоун, урожденная Ефимия Дуглас, была подругой молодости моей матери в Данфермлине, а ее муж был ткачом и работал вместе с моим отцом. Мы разыскали их в городе, и они оказали нам самый радушный прием. Впоследствии я очень обрадовался, когда в 1900 году сын мистера Слоуна Вилли купил у меня как раз напротив нашего нью-йоркского дома участок земли для двух своих замужних дочерей, и таким образом наши внуки сделались товарищами по играм, как некогда наши матери в Шотландии.

Агенты по переселению в Нью-Йорке направили моего отца по каналу через Буффало и озеро Эри в Кливленд и оттуда уже вниз по каналу в Бивер. Это путешествие продолжалось тогда три недели; теперь же этот путь можно проделать по железной дороге за десять часов. Но тогда железная дорога еще не была проведена в Питсбург и города, лежащие к западу. Железная дорога Эри еще только строилась, и во время нашего путешествия мы видели группы людей, работавших на ее строительстве. В юные годы все может служить развлечением, и я с большим удовольствием вспоминаю об этой трехнедельной поездке по каналу. Все неприятное, что было связано с этим, давно уже исчезло из памяти, за исключением одной ночи, проведенной нами на

набережной в Бивере в ожидании парохода, который должен был отвезти нас вверх по Огайо в Питсбург. Тут-то мы и подверглись нападению комаров во всем его ужасе. Моя мать в особенности пострадала и на другое утро едва могла раскрыть глаза. Мы все выглядели ужасно, но я все же не помню, чтобы эти маленькие мучители лишили меня сна в ту ночь. Я всегда хорошо спал и никогда не узнал «ночей бессонных, адских»¹.

Друзья в Питсбурге с большим нетерпением ждали от нас известий. Благодаря их теплоте, дружескому приему и участию мы вскоре забыли все заботы. Мы перебрались к ним в Аллегани-Сити. Брат дяди Хогана открыл маленькую ткацкую мастерскую, и на втором этаже над ней были две комнаты, принадлежавшие моей тете Эйткен, которыми мои родители могли пользоваться бесплатно. Дядя скоро оставил мастерскую, и отец стал на его место и начал ткать сукно. Но так как не находилось торговца, который забирал бы этот товар в больших количествах, отец сам вынужден был заботиться о сбыте и поэтому превратился в странствующего торговца. Тем не менее наши доходы были в высшей степени скудны, и, как всегда, моя мать пришла на помощь. Она никогда не унывала. В юности, чтобы заработать себе «на булавки», она научилась в лавке своего отца шить башмаки. Теперь это послужило на пользу семье. Мистер Фиппс, наш сосед в Аллегани-Сити и отец моего приятеля Генри Фиппса, был, как и мой дед, сапожным мастером, и у него мать получала работу. Она зарабатывала 4 доллара в неделю обшивкой башмаков, выполняла также и всю домашнюю работу, так как прислуги у нас не было. Частенько она засиживалась

---

¹ Уильям Шекспир, «Генрих V», акт IV, сцена 1 (перевод Е. Бируковой).

Переехав в Америку, семья Карнеги первоначально проживала в Питсбурге в доме 336 ½ по Ребекка-стрит. *Фотография представлена ДМЭК*

за работой далеко за полночь. А в сумерки, в свободные от забот по хозяйству минуты, она брала на колени моего маленького брата, который вдевал нитку в иголку или же натирал нитки воском, и рассказывала ему так же, как некогда мне, разные поучительные

истории или декламировала лучшие образцы шотландской народной поэзии.

В этом отношении дети бедных людей находятся в гораздо лучшем положении, чем дети богатых, так как в лице матери они имеют все: няньку, кухарку, гувернантку, учительницу и ангела-хранителя. А отец является для них образцом, руководителем, советником и другом в одно и то же время. Мой брат и я росли в таких условиях. И что может дитя какого-нибудь миллионера или знатного человека противопоставить подобным условиям?

Моя мать была постоянно занята, но это не мешало тому, что все соседи скоро признали ее как умную и добрую женщину, всегда готовую каждому прийти на помощь. Потом мне многие рассказывали, что сделала для них моя мать. Так было и в более поздние годы, где бы мы ни поселялись. Бедные и богатые приходили к ней со своими заботами, и для каждого у нее находился добрый совет. И всюду, где бы она ни была, она всегда возвышалась над своей средой.

В конце концов пришлось решать важный вопрос: что делать со мной? Мне было тогда тринадцать лет. Мое школьное обучение кончилось навсегда еще в Данфермлине. В Америке я только в течение одной зимы посещал вечернюю школу. Позднее я некоторое время учился французскому языку, и странным образом мой учитель оказался мастером слова и учил меня декламировать. Я мог читать, писать и считать и начал учиться алгебре и латыни. Письмо, которое я написал во время переезда дяде Лодеру, полученное потом обратно, доказывает, что я тогда лучше писал, чем пишу теперь. Я мучился, изучая английскую грамматику, и так же, как другие дети, не понимал, зачем нас этим терзают. Я очень мало читал, кроме Уоллеса, Брюса и Бёрнса, но зато знал наизусть мно-

го известных стихов. Знал я также детские сказки и в особенности сказки «Тысячи и одной ночи», открывавшие передо мной новый и волшебный мир. Я просто проглатывал эти сказки.

И все мои мысли и стремления были направлены на то, как самому заработать, чтобы наша семья могла обеспечить себе положение в новом отечестве. Мысль о жизни в постоянной нужде просто не давала мне покоя ни днем, ни ночью. И я размышлял только о том, как сделать, чтобы наша семья могла откладывать триста долларов в год; двадцать пять долларов в месяц я считал такой суммой, которая была безусловно необходима, чтобы быть независимым от других.

Брат дяди Хогана часто спрашивал моих родителей, какие у них планы на мой счет. Это привело однажды к самой драматической сцене, какую мне когда-либо пришлось пережить. Никогда этого не забуду. Преисполненный самых лучших намерений, он сказал моей матери, что я способный и разумный мальчик и потому, если мне дадут снаряженную как следует корзину разносчика, то я могу отправиться с нею на набережную и сделать там хорошие дела.

До той минуты я не знал, что значит рассерженная женщина. Моя мать как раз сидела в это время за шитьем, но тут она вскочила и, потрясая руками перед лицом Хогана, закричала: «Как? Мой сын должен сделаться разносчиком и толкаться среди всякого сброда на набережных? Нет! Пусть уж лучше он бросится в Аллегани!.. Убирайтесь отсюда!».

Она указала ему на дверь, и он ушел, не сказав больше ни слова. Мать моя стояла несколько мгновений неподвижно, точно королева в какой-нибудь трагедии. Казалось, она тут же свалится с ног, но она овладела собой и, поплакав немного, обняла нас, своих мальчиков, говоря нам, что мы не должны об-

ращать внимания на ее выходку. Для нас всегда найдется на свете честный труд, и если мы будем поступать хорошо, из нас выйдут прекрасные люди и мы заслужим всеобщее уважение. Ее вспышка была вызвана не тем, что предложенное занятие было унижительным для меня — нас уже с малых лет учили, что праздность есть мать всех пороков, — а тем, что это в ее глазах имело большое сходство с бродяжничеством и потому не могло считаться почтенным ремеслом. Лучше уж умереть, чем согласиться на это! Да, моя мать была способна скорее взять нас обоих за руки и погибнуть вместе с нами, чем подвергнуть нас в юном возрасте всем опасностям дурного общества.

Вспоминая эту старую историю, я могу лишь сказать, что во всей стране не нашлось бы более гордой семьи, чем наша. Каждый из нас был проникнут чувством чести, горячей любовью к независимости и самоуважением. Вальтер Скотт¹ сказал, что у Бёрнса были самые необыкновенные глаза, какие только он видел когда-либо. То же я могу сказать о моей матери. Все низкое, пошлое и грубое было ей чуждо, и при таких родителях Том и я должны были стать честными людьми, поскольку и мой отец был благородным человеком, которого все уважали и любили.

Вскоре после этого случая отец вынужден был покориться обстоятельствам и, бросив свое ручное ткацкое ремесло, поступить ткачом на хлопчатобумажную фабрику одного старого шотландца, мистера Блэкстока, находившуюся там же, в Аллегани, где мы жили. На эту же фабрику он определил и меня в качестве мальчика для наматывания катушек. Я получал на этой первой должности, занятой мною, доллар 20 центов в неделю.

---

¹ Скотт Вальтер (1771–1832) — английский писатель, родом шотландец.

Жизнь наша была тяжела. Мы с отцом должны были вставать зимой, когда было еще совсем темно, завтракать и поспевать на фабрику еще до рассвета. Работа продолжалась до наступления темноты, лишь с небольшим перерывом на обед. Часы тянулись для меня необыкновенно медленно, и работа не доставляла никакой радости. Но на душе у меня становилось светлее, когда я думал о том, что работаю для семьи, для нашего дома. Много миллионов я зарабатывал впоследствии, но ни один из них не доставил мне такой радости, как первая заработная плата, полученная за неделю. Я думал, что уже являюсь подмогой для семьи, что сам зарабатываю и не ложусь бременем на плечи родителей. Да, я хотел помогать им, хотел удержать наше маленькое суденышко на плаву.

Спустя некоторое время мистер Джон Хэй, катушечный фабрикант в Аллегани, тоже старый шотландец, спросил меня, не хочу ли я поступить к нему на фабрику. Я принял предложение, и мне была назначена заработная плата в два доллара еженедельно. Но на первых порах работа оказалась еще более утомительной, чем на прежнем месте. Мои обязанности заключались в том, чтобы обслуживать паровую машину и топить котел в подвальном помещении катушечной фабрики. Это было для меня чересчур трудно. Каждую ночь я видел во сне, что измеряю давление пара и нахожусь в вечном страхе, что оно окажется или слишком слабым и вызовет жалобы рабочих, или слишком сильным и приведет к взрыву котла.

Но для меня было делом чести не обнаруживать перед родителями своих тревог. У них было довольно собственных забот, и они мужественно несли их. Я должен был стараться быть человеком и тоже самостоятельно справляться со своими заботами.

Я был полон надежд на будущее и не переставал думать об улучшении своего положения. Мне было не вполне ясно, в чем должно заключаться это улучшение, но я был уверен, что оно наступит, если только у меня хватит выдержки. Кроме того, я еще не вышел из того возраста, когда беспрестанно спрашивал себя, что сделал бы Уоллес на моем месте и как должен был поступить в подобном случае шотландец. Одно было для меня несомненно: он не должен складывать оружие.

В один прекрасный день перемена действительно наступила. Мистеру Хэю понадобилось переписать несколько счетов. У него не было бухгалтера, а сам он не отличался особенным искусством в каллиграфии. Он спросил меня, какой у меня почерк, и попросил написать несколько строк для пробы. Результат оказался удовлетворительным, и с тех пор я всегда писал ему счета. Кроме того, я был довольно силен в счете, и скоро он убедился, что в его же интересах возложить на меня другие обязанности, чем те, которые лежали на мне до тех пор. Я думаю также, что им руководило еще и чувство симпатии к белокурому мальчику: у него было доброе сердце, он был шотландец, и ему хотелось удалить меня от машины.

Теперь на меня была возложена обязанность смачивать в масле готовые катушки. К счастью, эта процедура производилась в особом помещении, и я работал там один. Но вся моя энергия, которую я пускал в ход, и все мое негодование на собственную слабость не могли победить упрямства моего желудка. Запах масла неизменно вызывал у меня приступы морской болезни. В этом случае даже Уоллес и Брюс не могли мне помочь. Но если благодаря этому обстоятельству мой завтрак и обед пропадали, то с тем большим аппетитом я принимался за ужин. Тот, кто действительно

но научился чему-нибудь от Уоллеса и Брюса, никогда не сдастся, он скорее умрет.

Моя работа у мистера Хэя была для меня решительным шагом вперед. Он вел свои книги по системе простой бухгалтерии, и справляться с этим делом для меня не составляло затруднений. Но когда я узнал, что во всех больших фирмах введена двойная бухгалтерия, я посоветовался со своими друзьями Джоном Фиппсом, Томасом Миллером, Уильямом Каули, и мы все решили поступить зимой на вечерние курсы, чтобы изучить эту систему. Мы вчетвером стали ходить к некоему мистеру Вильямсу и изучили у него двойную бухгалтерию.

Однажды, в начале 1850 года, вернувшись вечером домой, я услышал от родителей, что мистер Дэвид Брукс, заведующий телеграфом, справлялся у моего дяди Хогана, не знает ли он подходящего мальчика, которому можно было бы поручить обязанности рассыльного при телеграфе. Они оба были страстными игроками в шашки, и во время одной из партий и возник этот важный вопрос. Так пустяки нередко влекут за собой большие последствия. Иногда бывает достаточно слова, взгляда, оттенка голоса, чтобы повлиять на судьбу не только отдельного человека, но и целых народов. Считать что-нибудь пустяками — очень самонадеянно. Я не помню, кто был тот, кто на совет не обращать внимания на мелочи ответил, что он охотно последовал бы этому совету, если бы кто-нибудь мог ему объяснить, что такое мелочи.

В ответ на вопрос мистера Брукса мой дядя назвал меня и сказал, что он справится, согласен ли я занять это место. Я живо помню семейный совет, который собрался для обсуждения этого вопроса. Нечего говорить, что я так и горел. Ни одна птица, запертая в клетке, не могла томиться жаждой воли больше меня.

Мать разделяла мои желания, но отец был, по-видимому, другого мнения. Подобная работа будет мне не по силам, говорил он, я еще слишком юн и слишком мал. Меня могут среди ночи послать куда-нибудь с телеграммой, а это далеко не безопасно. Короче говоря, отец считал, что мне следует оставаться на своем месте. Но потом, посоветовавшись, как мне кажется, предварительно с мистером Хэем, он отказался от своих доводов и позволил мне в виде опыта пойти на новую службу. Мистер Хэй был того мнения, что это может принести мне пользу, и хотя это шло вразрез с его интересами, советовал решиться и попытаться счастья. В том же случае, если бы работа оказалась мне не по силам, он обещал снова взять меня на прежнюю службу.

Итак, мне предстояло явиться к мистеру Бруксу. Отец выразил желание сопровождать меня: мы условились, что он дойдет со мной до угла Четвертой улицы и Вуд-стрит, где помещался телеграф. Было солнечное утро, и я увидел в этом хорошее предзнаменование. От нашего дома в Аллегани-Сити до Питсбурга пришлось пройти пешком около двух миль. Когда мы дошли до телеграфной конторы, я попросил отца подождать меня на улице. Я настаивал на том, чтобы одному предстать перед великим человеком и узнать из его уст свою судьбу. Причина моего упрямства заключалась, может быть, в том, что я в то время уже начинал чувствовать себя наполовину американцем. В первое время пребывания в Америке мальчишки кричали мне вслед: «Шотландец! Шотландец!», а я отвечал им: «Да, я шотландец! И горжусь этим». Но с течением времени мой шотландский протяжный выговор и мои манеры более или менее сгладились, и мне казалось, что лучше мне говорить с мистером Бруксом один на один, чем в при-

сутствии моего старого отца-шотландца, которому, может быть, покажутся смешными мои манеры.

Исход наших переговоров оказался удачным. Я счел нужным сообщить, что я еще плохо знаю Питсбург, что работа, может быть, окажется для меня слишком трудной, потому что я еще недостаточно силен, но что тем не менее я готов попытаться. Мистер Брукс спросил меня, когда я готов начать свою службу; на это я ответил, что готов хоть сейчас, если это нужно. Теперь, вспоминая свой ответ, я думаю, что каждому юноше не мешает хорошенько подумать об этом. Не воспользоваться немедленно представляющимся случаем — большая ошибка. Мне предложили службу, и если бы я тотчас же не согласился на нее, что-нибудь могло бы произойти, и на моем месте мог оказаться другой мальчик. Но теперь я был тут и твердо решил остаться, если только будет малейшая возможность. Мистер Брукс обошелся со мной очень ласково; мне предстояло на первых порах исполнять обязанности запасного рассыльного — он позвал остальных мальчиков и велел им взять меня с собой и ознакомить с новыми обязанностями. Я улучил еще время, чтобы сбегать вниз за угол и сказать отцу, что все в порядке, и попросить его сообщить матери, что я уже на службе.

Питсбургский рассыльный. Расширение образования: книги и искусство

Таким образом, 1850 год оказался поворотным пунктом в моей дальнейшей жизни. Из темного подвала, где я, вымазанный сажей, возился за два доллара в неделю с паровой машиной, я был перенесен теперь на небеса, где среди солнечного света меня окружали газеты, перья, карандаши. Не было минуты в течение дня, когда я не мог бы научиться чему-нибудь новому или узнать, как много мне еще предстоит учиться и как мало я еще знаю. Было ощущение, что я стою на нижней ступеньке лестницы, по которой мне предстоит подниматься.

У меня была в то время только одна забота — что я недостаточно быстро запоминаю адреса различных торговых фирм, куда приходилось разносить телеграммы. Поэтому я списал все вывески этих домов по одному тротуару в восходящем порядке, по другому — в нисходящем; вечером я их все перенумеровал. И уже через короткое время мог, закрыв глаза, перечислить по порядку названия всех фирм с одного конца улицы до другого.

Следующим моим делом было познакомиться с людьми. Потому что рассыльный, который знает в лицо тех, кто служит в фирме, может сэкономить значительную часть пути, встретив по дороге кого-нибудь из них. Для нас, мальчиков, было большим торжест-

вом, если мы могли вручить кому-нибудь из них телеграмму на улице. К этому присоединялось еще чувство гордости, что великий человек (а для телеграфного рассыльного почти все — великие люди!) остановился на улице и сказал ему несколько приветливых слов.

В 1850 году Питсбург представлял собой далеко не то, что в настоящее время. Он все еще не мог оправиться от последствий большого пожара, опустошившего в 1845 году весь деловой квартал города. Почти все дома были в то время деревянные, каменных было очень немного, а огнеупорных — ни одного. Во всем Питсбурге и его окрестностях насчитывалось не более 40 тысяч жителей. Теперешняя Федерал-стрит состояла из нескольких домов, рассеянных среди больших пустырей, и я хорошо помню, как катался на коньках на небольшом пруду в самом центре нынешнего пятого района. Там, где теперь помещается наш металлургический завод, тогда и еще много лет спустя тянулся огород. Генерал Робинсон, которому я часто доставлял телеграммы, был первый белый, родившийся к западу от реки Огайо. Я видел первый телеграфный провод, протянувшийся с востока в город, а впоследствии видел там первый паровоз. В то время еще не существовало прямого железнодорожного сообщения с Востоком. Путешественники плыли по каналу до подножия Аллеганских гор, переправлялись через них и ехали дальше около 90 миль по железной дороге до Холидейсбурга, затем снова водным путем до Колумбии, а оттуда по железной дороге 81 милю до Филадельфии. Все путешествие длилось трое суток.

Великим событием в жизни Питсбурга был заход почтового парохода, шедшего в Цинциннати и обратно. Главное занятие жителей города составляла перевозка товаров с востока на запад, потому что в этом месте был пункт, где река соединялась с каналом.

В Питсбурге существовали прокатные станы, но в течение целого ряда лет они не производили ни одной тонны металла. Не было топлива, требуемого для обработки железной руды, несмотря на то что самый лучший уголь для получения кокса находился вблизи. Но никто не думал тогда применять кокс для выплавки чугуна, и точно так же никому не приходило в голову воспользоваться газом, сожротища которого долгое время лежали без употребления тут же под землей.

В те времена во всем городе едва ли можно было насчитать полдюжины людей, достаточно богатых, чтобы держать собственных лошадей. Около 1861 года в городе произошло событие, равного которому не было в летописях Питсбурга: некто мистер Фанесток, покидая дело, получил от компаньонов свою долю в виде неслыханной суммы в 174 тысячи долларов. Какой невероятной казалась эта цифра в те времена и какой ничтожной кажется она теперь!

Благодаря своей службе я вскоре познакомился с законами Питсбурга. С особенной добротой относился ко мне Эдвин Стентон¹, впоследствии военный министр и правая рука Линкольна². Моя жизнь в качестве мальчика-рассыльного была счастливой во всех отношениях. К тому времени относится начало моих самых близких дружеских связей. Когда старший рассыльный получил повышение по службе, на его место поступил Дэвид Маккарго, впоследствии директор железной дороги Аллегани. На нас двоих лежала обязанность доставлять телеграммы с восточной линии, а телеграммы, поступавшие с запад-

---

¹ Стентон Эдвин Макмастерс (1815–1869) — американский политический деятель, с 1868 года член Верховного суда.

² Линкольн Авраам (1809–1865) — американский политический деятель, президент США в 1861–1865 годах, освободитель американских рабов.

ной линии, разносили два других мальчика. Дэви и я быстро подружились. Уже одно то обстоятельство, что Дэви был шотландец, как и я, сблизило нас. Хотя он и родился в Америке, его отец был такой же истый шотландец, как и мой, даже по диалекту.

Вскоре после поступления Дэви на службу понадобился еще третий мальчик, и меня спросили, не могу ли я указать подходящего кандидата. Это не представило для меня никаких затруднений: я предложил своего товарища Роберта Питкерна, ставшего впоследствии моим преемником в должности директора Пенсильванской железнодорожной компании в Питсбурге. Роберт, как и я, был не только шотландского происхождения, но и сам родился в Шотландии. Итак, все телеграммы с восточной телеграфной линии в Питсбурге доставляли три шотландских мальчика: Дэви, Боби и Энди — за княжескую по тем временам плату в два с половиной доллара в неделю. В число их обязанностей входила ежедневная уборка телеграфной конторы. Мы делали это по очереди; из этого видно, что все мы должны были начинать службу с самых нижних ступеней. Почтенный Оливер, директор большой фабрики братьев Оливер, и Морленд, впоследствии городской юрисконсульт, начали служебную карьеру с того же, что и мы. Юноша, стремящийся добиться победы в борьбе за существование, должен опасаться не сыновей и родственников богачей, а тех незаметных аутсайдеров, которые получают призы на скачках. И чаще всего ими оказываются те, кто начал карьеру с подметания конторы.

В жизни рассыльного было немало радостей. Имелись фруктовые магазины, где пареньку набивали полный карман яблок в награду за аккуратно доставленную телеграмму; имелись булочные и кондитерские, где иногда на его долю перепадали пирожные. Иной раз

приходилось встречаться с каким-нибудь уважаемым старым джентльменом, и он, случалось, говорил мальчику несколько ласковых слов, хвалил его за добросовестность или давал какое-нибудь поручение в контору. Едва ли найдется другое положение, в котором легче было бы обратить на себя внимание, а это все, что требуется дельному мальчику, чтобы пробиться.

Большим соблазном в жизни каждого телеграфного рассыльного была добавочная плата в десять центов за доставку телеграмм за пределами определенной черты. Мы, конечно, все гнались за этим добавочным заработком, и нередко у нас возникали споры из-за того, чья очередь. Только это и служило единственным поводом для серьезных недоразумений между нами. Чтобы положить этому конец, я предложил вносить наши экстренные заработки в общую кассу и в конце каждой недели делить эту сумму поровну. Меня выбрали казначеем, и начиная с этого дня между нами снова водворились мир и согласие. Это была моя первая попытка финансовой организации.

Мальчики считали, что они вправе немедленно истратить свои заработки, и имели открытый счет у соседнего кондитера. Но иногда случалось, что итог счета превышал сумму, которую был в состоянии уплатить должник. Вследствие этого казначею приходилось в подобающей форме доводить до сведения кондитера, что он не отвечает за долги слишком голодных или жадных до лакомств мальчиков. Самым отчаянным лакомкой был Роберт Питкерн. Однажды, когда я выговаривал ему за жадность, он по секрету сообщил мне, что у него в желудке водятся живые существа, которые набрасываются на его внутренности, если он не кормит их сладостями.

Наша жизнь состояла не из одних только удовольствий, нам приходилось очень напряженно работать.

Через день наша служба кончалась только тогда, когда закрывалась контора, и в такие вечера я редко приходил домой раньше 11 часов. В остальные дни мы освобождались в 6 часов вечера. Понятно, что при таких обстоятельствах у меня оставалось мало времени для дальнейшего образования. Кроме того, потребности семьи были таковы, что у меня не было лишних денег на книги. И вдруг, точно свалившись с неба, передо мной открылась сокровищница книг.

Полковник Джеймс Андерсон — вечная ему память! — оповестил, что предоставляет свою библиотеку, состоящую из 400 томов, в распоряжение юных рабочих, которые могут каждую субботу вечером брать на дом по одной книге и обменивать ее через неделю. Мой друг Томас Миллер недавно напомнил мне, что книги полковника Андерсона первоначально предназначались только для юных «рабочих» (working boys) и что было, следовательно, неизвестно, имеют ли право ими пользоваться также рассыльные (messenger boys), служащие в конторах и вообще не являющиеся рабочими. Следствием этого явилось мое первое выступление в печати — я написал письмо в редакцию «Pittsburgh Dispatch». В нем я убедительно просил не исключать нас, потому что среди нас немало таких, которые прежде были чернорабочими и, следовательно, имеют право считаться «юными рабочими»¹. После этого письма полковник

---

¹ «Заметка была подписана “Working Boy”. Редактор ответил на страницах “Dispatch”, отстаивая правило, что рабочий должен иметь какую-нибудь профессию (a Working Boy should have a trade). Ответ Карнеги был подписан: “Юный рабочий без профессии” (A Working Boy, though without Trade), и через день или два после этого в “Dispatch” появилась фраза: “Рабочего без профессии просят явиться в редакцию газеты”» (цитата из статьи Дэвида Хомера Бейтса: *Bates D. H. // Century Magazine. — 1908. — July*). — *Примеч. из американского издания.*

Андерсон изменил в нашу пользу свое первоначальное распоряжение. Таким образом, мое первое выступление в печати имело успех.

Мой ближайший друг Том Миллер, живший по соседству от полковника Андерсона, познакомил нас. Таким образом раскрылись двери моей темницы, и свет знания проник в нее. С тех пор и рабочий день, и долгие часы ночной службы озарялись для меня книгой, с которой я никогда не расставался и которую читал каждую минуту, какую только мог урвать от своей работы. Когда я думал о том, что в следующую субботу в моих руках будет новая книга, будущее представлялось мне блестящим и светлым. Таким образом я ознакомился с «Очерками» Маколея¹ и его историческими сочинениями, а также с «Историей Соединенных Штатов» Банкрофта², которую я изучал с большим усердием, чем все книги, попадавшие до тех пор в мои руки. Особенную радость доставили мне «Очерки» Лэма³. Но величайшего из писателей — Шекспира⁴ — я в то время еще не знал за исключением нескольких отрывков, помещенных в моих школьных учебниках; только последующее посещение питсбургского театра вызвало во мне интерес к Шекспиру.

Мои ближайшие друзья — Джон Фиппс, Джеймс Вильсон, Томас Миллер и Уильям Каули — разделяли

---

¹ Маколей Томас Бабингтон (1800—1859) — английский историк, публицист и политический деятель. Э. Карнеги упоминает его «Критические и исторические очерки» (1843).

² Банкрофт Джордж (1800—1891) — американский политический деятель, дипломат, историк и публицист.

³ Лэм Чарльз (1775—1834) — английский эссеист, критик, поэт. Речь идет о его сборниках «Очерки Элии» (1823) и «Новые очерки Элии» (1833). Рус. перевод: *Лэм Ч. Очерки Элии.* — Л.: Наука, 1981. — (Лит. памятники).

⁴ Шекспир Уильям (1564—1616) — английский драматург, поэт, актер.

со мной драгоценное право пользоваться библиотекой полковника Андерсона. Благодаря его великодушному разрешению я имел в своем распоряжении книги, которые без него оставались бы для меня недоступными. Ему я обязан своей любовью к литературе, которую не променял бы на все сокровища в мире. Без нее жизнь была бы для меня непереносима. Ее влияние охраняло меня и моих товарищей от дурного общества и дурных привычек. Впоследствии, когда счастье мне улыбнулось, я счел своей первой обязанностью поставить памятник человеку, ставшему моим благодетелем. Этот памятник находится в Аллегани-Сити в сквере напротив здания основанной мною библиотеки, и на нем имеется следующая надпись:

«Полковнику Андерсону, основателю бесплатных библиотек в Западной Пенсильвании. Он каждую субботу предоставлял свою библиотеку в пользование молодым рабочим и отдавал для этой цели не только свои книги, но и самого себя, так как сам исполнял обязанности библиотекаря. Этот памятник воздвиг ему в знак признательности Эндрю Карнеги, один из тех “юных рабочих”, перед которыми благодаря ему открылась чудная сокровищница науки и поэзии, указывающих юношеству путь ввысь».

Это лишь ничтожная дань благодарности за то, что Андерсон сделал для меня и моих товарищей. Таким образом, я на собственном раннем опыте пришел к тому, что сделалось моим убеждением впоследствии: для блага молодых девушек и юношей, обладающих хорошими способностями и стремлением к дальнейшему развитию, нельзя сделать более целесообразного употребления своим деньгам, нежели устраивая общественные библиотеки. Я твердо уве-

рен, что будущее основанных мною библиотек докажет правильность моего мнения. Потому что если в каждом библиотечном районе подобная библиотека окажет хотя бы на одного мальчика такое влияние, какое оказали на меня 400 читавшихся нарасхват книг полковника Андерсона, значит, она была основана не напрасно. Сокровища, скрытые в этих книгах, стали для меня доступными в надлежащий момент. Наибольшая польза библиотеки состоит в том, что заключенные в ней сокровища приходится добывать собственными усилиями. Юноши должны сами приобретать свои познания. От этого никто не может быть избавлен.

Яблоко от яблони недалеко падает. С чувством глубокого удовлетворения я узнал много лет спустя, что мой отец был одним из пяти ткачей в Данфермлине, которые, соединив скудный запас своих книг, положили с их помощью начало первой библиотеке в городе. Интересна история этой библиотеки. По мере того как она разрасталась, ее приходилось переносить из одного помещения в другое; в первый раз это сделали сами основатели библиотеки, которые перетаскивали книги в своих фартуках и в двух ящиках из-под угля в новое помещение. Отец мой был одним из учредителей первой библиотеки в моем родном городе, а я имел счастье основать последнюю. Я, сам того не подозревая, основывая библиотеку, следовал примеру своего отца, и это было для меня всегда источником величайшего удовлетворения. Такой отец, как мой, мог служить примером; это был один из самых добрых, чистых и хороших людей, каких я знал.

Я уже упоминал о том, что любовь к Шекспиру развилась во мне благодаря театру. Когда я был телеграфным рассыльным, питсбургский театр процветал под руководством мистера Фостера. Его те-

леграммы доставлялись безвозмездно, и благодаря этому телеграфисты имели бесплатный доступ в театр. Эта привилегия распространялась до известной степени и на рассыльных. Я боюсь, что они иногда несколько задерживали доставку телеграмм, приходивших во второй половине дня, для того чтобы иметь возможность, сдавая их вечером у входа в театр, обратиться с робкой просьбой впустить их на второй ярус. Обычно эта просьба исполнялась. Мальчики поэтому несли вечернюю службу поочередно, чтобы каждый имел возможность попасть в театр, куда страстно стремился.

Благодаря этому я познакомился с миром по ту сторону театрального занавеса. Обыкновенно давались пьесы, не отличавшиеся особенными литературными достоинствами, но способные вызвать восторг пятнадцатилетнего мальчика. Я никогда до тех пор не видел ничего подобного. Я ни разу еще не был ни в театре, ни в концертном зале, ни разу не принимал участия ни в одном общественном увеселении. То же можно было сказать и о Дэви Маккарго, Гарри Оливере и Бобе Питкерне. Мы все подпали под чары сцены и с необычайным восторгом приветствовали каждую возможность побывать в театре.

Мои вкусы переменились с тех пор, как Эдвин Адамс, знаменитый трагик того времени, выступил на сцене питсбургского театра с циклом шекспировских ролей. С тех пор для меня не существовало ничего, кроме Шекспира. Я без малейшего труда выучил наизусть все его произведения. До тех пор я не замечал, какое очарование может заключаться в словах; ритм и мелодия буквально заполонили мою душу, готовые излиться наружу по малейшему поводу. Это был новый для меня язык. Я научился понимать его только благодаря театру, потому что до того, как

я увидел впервые на сцене «Макбета», у меня не было ни малейшего интереса к Шекспиру, и я даже не читал его пьес.

Значительно позднее мне открылся дух Вагнера¹ в его «Лоэнгрине». Я почти ничего о нем не знал, пока однажды в музыкальной академии в Нью-Йорке увертюра к «Лоэнгрину» не потрясла меня как новое откровение. Да, это был гений, значительно превосходивший своих предшественников, новый путь ввысь — и, как Шекспир, новый друг.

---

¹ Вагнер Вильгельм Рихард (1813—1883) — немецкий композитор, дирижер, музыкальный писатель и театральный деятель.

Мои дальнейшие успехи в телеграфной службе

Прошел приблизительно год с тех пор, как я поступил на телеграф. Около этого времени Джон Гласс, заведующий отделением телеграфа по приему депеш от публики, начал передавать мне свои обязанности на время кратковременных отлучек. Так как он пользовался чрезвычайной популярностью в городе и принимал большое участие в политике, его отлучки становились все продолжительнее и чаще, и я скоро совершенно освоился с работой. Я принимал у публики телеграммы и следил за тем, чтобы депеши, поступающие с аппарата, немедленно передавались рассылным для доставки адресатам.

Для мальчика такая работа представлялась в высшей степени заманчивой. Поэтому я в то время не пользовался особенной любовью остальных мальчиков, которые недоброжелательно относились к тому, что меня освободили от прежней работы. Меня попрекали также и тем, что я очень плохо одет. Я не тратил своих экстренных заработков, почему — они этого не знали. Я знал, что дома нуждаются в каждом пенни, который мне удавалось сберечь. Родители были благоразумны и ничего от меня не скрывали. Мне было известно, каков еженедельный заработок трех кормильцев семьи: отца, матери и мой. Я знал

также и все наши расходы. Мы сообща обсуждали, каким образом пополнить нашу скудную мебель и одежду, и каждый новый предмет, который нам удавалось приобрести, как бы он ни был ничтожен, становился источником величайшей радости. Трудно представить себе более дружную семью, чем наша.

Каждый серебряный полудоллар, который мать могла отложить, старательно прятался в чулок, где и хранился. Когда их набралось двести штук, мне было поручено возвратить те двадцать фунтов стерлингов, которые нам дала в долг наша приятельница миссис Гендерсон. Какой это был праздник для нас! У семьи Карнеги больше не было долгов. О, как мы были счастливы в тот день! Материальный долг был уплачен, но долг благодарности никогда не может быть погашен. Мы не можем забыть старую миссис Гендерсон.

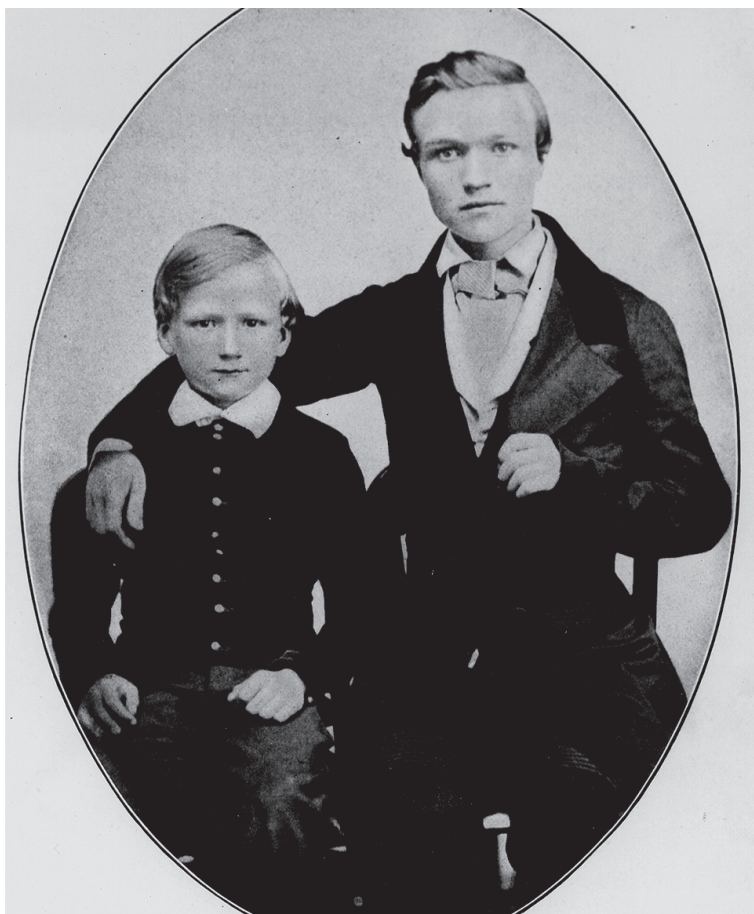
Однажды вечером, когда мистер Гласс выплачивал мальчикам ежемесячное жалованье, в моей жизни телеграфного рассыльного произошло событие, заставившее меня почувствовать себя на седьмом небе. Мы стояли, выстроившись в ряд, перед столом, за которым происходила выдача жалованья; я стоял ближе всех и протянул руку к первым одиннадцати с четвертью долларам, которые мистер Гласс подвинул к нам. Но, к моему величайшему удивлению, он пропустил меня и подвинул деньги следующему мальчику. Я подумал, что он ошибся, потому что до тех пор я обыкновенно первым получал жалованье. Но та же самая история повторилась со всеми следующими мальчиками. Сердце у меня забилося так, что готово было выскочить из груди. Очевидно, я впал в немилость. Что же я такое натворил, какое сделал упущение? Я, наверное, сейчас услышу, что мне здесь больше нечего делать. Я — позор своей семьи; это

было для меня ужаснее всего. Когда все мальчики получили жалование и разошлись, мистер Гласс сказал мне, что я стою больше остальных и начиная с этого времени буду получать ежемесячно тринадцать с половиной долларов.

У меня закружилась голова, мне показалось, что я его не понял. Но он отсчитал мне тринадцать с половиной долларов. Не помню, поблагодарил ли я его, мне кажется, я забыл это сделать. Я взял деньги, одним прыжком очутился за дверью и бежал всю дорогу до самого родительского дома. Я отчетливо помню, как мчался по Аллеганскому мосту, прямо по проезжей части, потому что на пешеходной дорожке в субботу вечером слишком много народу. Я отдал матери, исполнявшей обязанности казначея в нашей семье, одиннадцать с четвертью долларов и не сказал, что у меня в кармане еще два с четвертью доллара. Они мне до сих пор дороже всех миллионов, которые я заработал в жизни.

Том, которому в то время было девять лет, спал вместе со мной в мансарде. Когда мы очутились в постели, я на ухо сообщил маленькому брату мою великую тайну. Несмотря на возраст, он понял, что это означает, и мы стали говорить о будущем. В этот вечер я впервые размышлял о том, что мы со временем откроем торговлю, и фирма наша будет носить имя «Братья Карнеги», и что мы подарим отцу и матери карету. Это казалось нам в то время вершиной богатства и самой желанной целью в жизни. Одна старая шотландка, дочь которой вышла замуж за лондонского купца, получила от зятя приглашение переселиться в Лондон и обещание, что у нее там будет своя карета. Но она ответила ему: «Какой мне толк в карете, если жители Стрэтбоуги не увидят меня в ней?». Я мечтал о том, чтобы не только все в Питс-

Э. Карнеги в шестнадцать лет с братом Томасом. *Фотография предоставлена ДМЭК*

бурге видели отца с матерью в карете, но и чтобы они могли показаться в таком блестящем виде на своей старой родине в Данфермлине.

Когда в воскресенье утром вся семья собралась за завтраком, я вынул из кармана свои два с четвертью

доллара. Изумление было велико, и прошло немало времени, прежде чем родители поняли, в чем дело. Но тогда выражение нежной гордости на лице отца и заблестевшие слезами глаза матери выдали их чувства. Это был первый большой успех в жизни их мальчика и несомненное доказательство того, что он достоин своего повышения. С тех пор никакие дальнейшие успехи, ничье признание моих заслуг не доставили мне такой радости. Я чувствовал себя на седьмом небе. Весь мой маленький мирок проливал слезы радости.

Во время утренней уборки телеграфной конторы мы, мальчики, имели возможность упражняться на аппаратах до прихода служащих. Это было для меня новым шансом. Я скоро научился обращаться с аппаратом и таким путем завязал телеграфные сношения с мальчиками в других телеграфных конторах. Если чему-нибудь обучаешься, всегда находится возможность практически использовать свои познания. Однажды утром я услышал громкий сигнал, вызывающий Питсбург. Я заключил из этого, что кто-то спешно желает передать телеграмму. Недолго думая, я решил ответить и пустил в движение ленту. Оказалось, что Филадельфия хочет срочно послать в Питсбург депешу с извещением о смерти. Могу ли я ее принять? Я ответил, что готов попробовать, если она будет передаваться медленно. Все сошло как нельзя лучше, и я побежал отнести телеграмму адресату. С волнением я стал дожидаться прихода мистера Брукса и сообщил ему, на что я отважился. К счастью, он одобрил мой поступок, похвалил меня вместо того, чтобы упрекать за самовольные действия, и отпустил с миром. С тех пор меня стали допускать к аппарату во время кратковременных отлучек телеграфистов. Таким образом я научился телеграфировать.

Для меня было большим счастьем, что в то время аппарат обслуживал довольно ленивый телеграфист, который как нельзя более охотно предоставлял мне исполнять за него работу. Она заключалась в том, что депеша передавалась на движущейся бумажной ленте, и телеграфист, принимавший ее, диктовал содержание переписчику. Но до нас уже дошли вести, что на Западе существует человек, который умеет непосредственно расшифровывать депешу, то есть принимать ее на слух. Я попробовал практиковаться в этом новом способе. Один из наших телеграфистов, мистер Маклин, быстро научился принимать таким способом депеши, и его успех подзадорил меня. Я сам удивился, с какой легкостью мне удалось научиться новому языку. Однажды в отсутствие телеграфного служащего я хотел продиктовать нашему старому писцу депешу, но он обиделся и заявил, что не намерен писать под диктовку мальчишки-рассыльного. Тогда я взял бумагу и карандаш и на слух записал депешу. Никогда не забуду его оторопевшее лицо. Он взял обратно свой карандаш и блокнот, и с тех пор у меня больше не было никаких недоразумений с милым старым Хьюго Кортни. Отныне он был моим преданным другом и переписчиком.

Вскоре после этого мистер Тейлор, телеграфист в Гринсбурге, отстоящем от Питсбурга на тридцать миль, собираясь на две недели в отпуск, обратился к мистеру Бруксу с просьбой, не может ли тот прислать ему на это время заместителя. Мистер Брукс призвал меня и спросил, не решусь ли я взяться за это дело. Я поспешил дать утвердительный ответ.

— Хорошо, — сказал мистер Брукс, — мы пошлем вас туда для пробы.

Путешествие в почтовой карете оказалось восхитительным. Это был мой первый выезд за город

и первый случай посмотреть окрестности. Отель в Гринсбурге был первым общественным местом, где я впервые в жизни обедал вне дома. Обед показался мне княжеским. Это было в 1852 году. В то время около Гринсбурга производились земляные работы для будущей Пенсильванской железной дороги, и я часто по утрам ходил туда и наблюдал, как подвигается дело. Мне тогда и во сне не снилось, что я скоро буду служить в этой крупной железнодорожной компании.

В Гринсбурге я занял свою первую ответственную должность на телеграфе. Я так старался быть всегда на месте в случае необходимости, что однажды ночью во время грозы еще долго сидел в служебном помещении, не желая прерывать сообщение. Я придвинулся слишком близко к замыкателю тока и в наказание за легкомыслие был сброшен со стула. Я был на волосок от того, чтобы быть убитым молнией. С тех пор я стал известен на службе своей осторожностью во время грозы.

Я выполнял свои несложные обязанности по службе в Гринсбурге к полному удовольствию начальства и вернулся в Питсбург с некоторым ореолом славы. Вскоре после этого последовало мое повышение. Потребовался новый телеграфист, и мистер Брукс телеграфировал Джеймсу Рейду, ставшему впоследствии моим близким другом, а в то время главному директору линии, и порекомендовал ему меня в качестве запасного телеграфиста. Ответная телеграмма из Луисвилла гласила, что мистер Рид согласен предоставить вакансию «Энди», если мистер Брукс считает его подходящим кандидатом. В результате я оказался принятым на службу в качестве помощника телеграфиста с баснословным месячным окладом в двадцать пять долларов. Эта сумма казалась мне це-

лым состоянием. Мистеру Бруксу и мистеру Рейду я обязан своим повышением от простого рассыльного до поста телеграфиста. Мне было тогда шестнадцать лет, годы учения для меня кончились. Я уже не был больше ребенком, я стал взрослым человеком и работал, как взрослый, — ведь я зарабатывал по доллару в день!

Служебное помещение телеграфа — прекрасная школа для молодого человека. Здесь могут отлично развиться его находчивость и способность комбинировать. Мне пригодилось знание английских и европейских условий. Всякое знание полезно; рано или поздно оно находит себе применение. Известия из-за границы шли тогда через мыс Рейс, и наше главное занятие состояло в том, чтобы принимать поступавшие одна за другой телеграммы с пароходов. Я предпочитал эту работу всем остальным, и по молчаливому соглашению она была предоставлена мне. Устройство телеграфа в то время было еще очень несовершенно, и нередко приходилось, особенно во время грозы, угадывать текст телеграммы. По части отгадывания я считался гением, и моим главным удовольствием было самому заполнять пробелы вместо того, чтобы поминутно останавливать передающего депешу и терять драгоценное время из-за двух-трех пропущенных слов. Это не представляло большого риска, поскольку дело касалось иностранных известий, а если смелый телеграфист и позволял себе кое-какие вольности, то они были не такого свойства, чтобы повлечь серьезные неприятности. Мои познания по части иностранных, в особенности английских условий значительно возросли, и я по одной или двум первым буквам всегда угадывал остальные.

Питсбургские газеты обычно посылали на телеграф репортера, чтобы получить самые срочные из-

вестия. Впоследствии одно лицо исполняло это поручение для всех газет. Для этого требовалось снять известное количество копий каждой принятой телеграммы. Мы условились, что я за еженедельную плату в один доллар буду доставлять ему по пять копий с каждой телеграммы для печати. Это была не особенно доходная работа, но она повышала мой заработок до тридцати долларов в месяц, а в те времена каждый доллар имел для меня значение. Моя семья понемногу выбивалась из самой тяжелой нужды; на нашем небе уже занималась заря будущего благосостояния.

Дальнейшим решительным шагом в жизни было вступление мое и моих друзей в Уэбстерское литературное общество. Мы пятеро составляли тесный кружок и были неразлучны. Это членство оказалось для всех нас чрезвычайно полезным. У нас уже был свой маленький дискуссионный клуб, собиравшийся в сапожной мастерской, принадлежавшей отцу Фиппса. Том Миллер напомнил мне недавно, что однажды я там говорил почти полтора часа подряд на тему «Должны ли судьи избираться народом», но я готов допустить, что память несколько изменяет ему. Уэбстерское общество считалось тогда первым клубом в городе, и мы немало гордились тем, что нас туда приняли. Основанием для этого послужили только наши прежние дебаты в сапожной мастерской.

Участие в работе такого клуба является большим преимуществом для каждого молодого человека. Готовясь к предстоящим дискуссиям, я много читал, и это делало мои мысли более ясными и точными. Я несомненно обязан дискуссиям в Уэбстерском обществе той уверенности, с которой выступал впоследствии в больших собраниях. С тех пор я руководствуюсь в публичных выступлениях двумя главными

правилами. Во-первых, хорошенько подготовиться дома к тому, о чем собираешься выступать, и говорить со своими слушателями самым простым образом, не через их головы. Второе: не стараться казаться другим не тем, что ты есть, оставаться всегда самим собой, не болтать попусту до тех пор, пока у тебя не зашумит в голове.

С течением времени я стал принимать на службе все депеши только на слух и совершенно перестал пользоваться записями на ленте. В те времена это было таким редким явлением, что многие приходили в телеграфную контору только для того, чтобы посмотреть на этот фокус. Я прямо-таки прославился благодаря данному умению. Когда после большого наводнения оказались разрушенными телеграфные провода на протяжении двадцать пять миль между Стьюбенвиллом и Уиллингом, меня послали в Стьюбенвилл, чтобы принять все депеши, шедшие в то время между Западом и Востоком, и каждый час или два часа переправлять их на лодке в Уиллинг. Эти лодки на обратном пути привозили депеши, которые я пересылал на Восток. Только благодаря этому способу удалось в течение недели с лишним поддерживать телеграфное сообщение между Востоком и Западом через Питсбург.

Во время пребывания в Стьюбенвилле я узнал, что мой отец отправился через Уиллинг в Цинциннати, чтобы продать сотканые им скатерти. Я спустился к реке и стал дожидаться судна, на котором поздно вечером приехал отец. Я еще сейчас помню, как мне было больно, когда я увидел, что он приехал на палубе, чтобы не платить лишних денег за билет в каюте. Я был огорчен до глубины души, что такой человек принужден совершать переезд в подобных условиях. Но я утешился своей любимой мыслью.

— Ничего, отец, — сказал я, — недалеко то время, когда вы с матерью поедете в собственной карете.

Мой отец был человек очень застенчивый, сдержанный и (как настоящий шотландец) очень скупой в выражении похвалы из боязни сделать своих сыновей высокомерными. Но стоило ему растрогаться чем-нибудь, и он совершенно терял власть над своими чувствами. Это случилось и теперь. Он взял меня за руку, посмотрел на меня взглядом, которого я никогда в жизни не забуду, и сказал медленно и тихо:

— Эндрю, я горжусь тобою!

Голос его дрожал, и казалось, что он стыдится своих слов. Когда он пожелал мне спокойной ночи и велел вернуться в контору, я с растроганным чувством увидел, что глаза его влажны. В течение многих лет слова его звучали в моих ушах и согревали сердце. Мы понимали друг друга. До чего, однако, сдержанны шотландцы! Чем глубже они чувствуют, тем меньше говорят, и хорошо, что это так. Есть священные глубины, освещать которые было бы святотатством. Молчание часто бывает красноречивее слов.

Вскоре после возвращения в Питсбург я познакомился с замечательным человеком — Томасом А. Скоттом, который по справедливости должен считаться гением в своей области. Он приехал в Питсбург в качестве начальника отделения Пенсильванской железной дороги. Между ним и главным директором дороги мистером Ломбертом в Алтуне поддерживались оживленные телеграфные сношения. Благодаря этому мистер Скотт часто заходил по вечерам на телеграф, и нередко случалось, что как раз в это время дежурил я. Однажды, к моему великому удивлению, один из его помощников, с которым я был знаком, сообщил мне, что мистер Скотт спросил его, не соглашусь ли я занять у него место

секретаря и телеграфиста. В ответ на это мой знакомый сказал:

— Совершенно невозможно, ведь он служит телеграфистом!

Но я немедленно возразил:

— Вы напрасно поторопились! Я могу поступить к нему, потому что мне очень хотелось бы бросить эту службу. Пожалуйста, передайте это мистеру Томасу Скотту.

Таким образом, 1 февраля 1853 года я перешел на службу к мистеру Томасу Скотту в качестве секретаря и телеграфиста с ежемесячным окладом в 35 долларов.

На железнодорожной службе

Итак, я покинул тесную телеграфную контору и сразу очутился в вольном мире. Мне было тогда восемнадцать лет. Для меня началась новая жизнь, совершенно не похожая на ту, которой я жил до тех пор.

Вскоре после моего поступления на железнодорожную службу мистер Скотт послал меня в Алтуну за ежемесячными ведомостями жалованья и чеками. В то время железная дорога через Аллеганские горы была еще не закончена, и пришлось ехать по холмистому предгорью, что делало для меня эту дорогу чрезвычайно интересной.

На обратном пути со мной произошло приключение, чуть не погубившее мою служебную карьеру. Получив ведомости и чеки, я отправился обратно в Питсбург. Так как пакет оказался очень объемистым и не влезал в карман, я засунул его под жилетку. Я очень увлекался в то время ездой по железной дороге и с особенным удовольствием путешествовал на паровозах. Итак, я влез на локомотив, и мы двинулись в путь. Дорога была очень тряская. Вдруг я вспомнил про пакет, ощупал жилетку и к своему ужасу обнаружил, что он исчез.

Я понимал, что этот случай может мне дорого обойтись. Данное мне поручение было актом доверия, и я должен был беречь ведомости и чеки как зеницу ока;

их исчезновение, понятно, должно было произвести уничтожающее впечатление. Я крикнул машинисту, что пакет, вероятно, вывалился за милю или две отсюда на полотно дороги, и попросил его поехать обратно. Добряк согласился. Я внимательно оглядывался по сторонам, и на берегу реки, у самой воды, действительно увидел пакет. Едва веря глазам, я соскочил с паровоза и поднял его. Он был цел и невредим. Нечего и говорить, что я уже не выпускал его из рук, пока мы не доехали до Питсбурга. Машинист и кочегар были единственными, кто знал о моей оплошности, они дали мне слово молчать об этом происшествии. Лишь много времени спустя я решился сам рассказать эту историю. Если бы пакет упал лишь на несколько футов ближе к реке и был унесен водой, потребовались бы годы добросовестной работы, чтобы загладить впечатление от этой единственной оплошности. Я лишился бы доверия людей, от отношения которых зависела моя дальнейшая судьба. Мне кажется, это происшествие научило меня впоследствии не относиться строго к ошибкам начинающих. В таких случаях я всегда думал о том, что моя жизненная карьера сложилась бы, может быть, совсем иначе, если бы счастливая случайность не помогла мне тогда найти оброненный пакет на берегу реки.

Я с юных лет был ожесточенным противником рабства и с восторгом приветствовал первый съезд Республиканской партии, состоявшийся в Питсбурге 22 февраля 1856 года, несмотря на то что сам в то время еще не имел права голоса. Стоя на улице, я ожидал появления знаменитых участников съезда — Уилсона ¹, Хейла ² и других — и с восторгом смотрел

---

¹ Уилсон Генри (1812—1875) — американский политический деятель, вице-президент США в 1873—1875 годах.

² Хейл Юджин (1836—1918) — американский политический деятель, сенатор.

на них. Незадолго до этого я организовал среди железнодорожных служащих клуб при «New York Weekly Tribune», он насчитывал около сотни членов. Кроме того, я посылал время от времени краткие сообщения о его деятельности главному редактору Хорасу Грили, который много потрудился над тем, чтобы пробудить население от равнодушия и вызвать в нем интерес к этому жгучему вопросу. Газета «New York Weekly Tribune» являлась страстной поборницей свободы негров, и тот день, когда я впервые увидел свое имя на страницах этой газеты, был великим днем в моей жизни. Я многие годы хранил этот номер.

Оглядываясь на прошлое, я до сих пор скорблю о том, что наша страна избавилась от проклятия рабства, только заплатив за это такой дорогой ценой, как Гражданская война. Но дело заключалось не только в уничтожении рабства. Слабая союзная конституция, предоставлявшая такие широкие права штатам, без сомнения, явилась бы препятствием для образования сильного и твердого центрального правительства или по меньшей мере надолго задержала бы его. У южных штатов были центробежные стремления. А в настоящее время преобладает центростремительная тенденция, все концентрируется вокруг Верховного суда, решения которого не только имеют силу закона, но и носят политический характер. Единство безусловно необходимо во многих областях управления.

В это время железнодорожная компания приступила к постройке собственной телеграфной линии. Нам нужно было послать туда служащих. Большинство из них получили подготовку в нашей питсбургской конторе. Телеграфное сообщение разрасталось тогда с невероятной быстротой, и требовалось открывать все новые и новые телеграфные отделения.

11 марта 1859 года я назначил своего прежнего сотоварища по службе Дэви Маккарго, бывшего рассыльного, как и я, заведующим таким отделением. Мы с Дэви можем гордиться тем, что первыми в Америке ввели женский труд на железнодорожном телеграфе. А может быть, даже на телеграфе вообще. Мы обучали девушек в различных телеграфных конторах, а затем давали им служебные назначения. Одной из первых телеграфисток была моя двоюродная сестра мисс Мария Хоган. Она служила на товарной станции в Питсбурге. Наш опыт показал, что на женщин-телеграфисток можно больше полагаться, чем на мужчин.

Мистер Скотт был самый доброжелательный начальник, какого только можно себе представить. Я все больше привязывался к нему. В моих глазах он был великим человеком, и все преклонение перед героями, на какое способен юноша, сосредоточилось у меня на нем. Под его руководством я с течением времени исполнял все больше служебных функций, которые не входили в круг моих непосредственных обязанностей.

Одно происшествие, отчетливо сохранившееся у меня в памяти, послужило поводом к моему решительному повышению по службе. В то время железные дороги были еще однопутными. Поэтому приходилось передавать по телеграфу распоряжения об отправке поездов. Насколько мне известно, только директор дороги имел на это право. Эти телеграфные приказы не были вполне безопасны, так как в то время железнодорожное движение еще только начиналось и не хватало достаточно квалифицированного персонала. Мистеру Скотту приходилось чуть ли не каждую ночь проводить на железнодорожной станции, потому что то и дело происходили сходы

поездов с рельсов и другие расстройтва движения, требовавшие его вмешательства. Поэтому сплошь да рядом случалось, что мистера Скотта утром на станции не было.

Придя однажды утром на службу, я узнал, что на Восточной линии произошла серьезная катастрофа, задержавшая отправление экстренного поезда на запад, и что пассажирский поезд, шедший на восток, продвигался вперед только с помощью железнодорожного сторожа, сигнализировавшего на каждом повороте пути. Товарные поезда, шедшие в обоих направлениях, давно уже были отведены на запасные пути. Мистера Скотта нигде нельзя было найти. Я не мог устоять перед искушением вмешаться в это дело — на свой страх и риск послать по телеграфу нужные распоряжения и таким образом снова наладить движение. «Смерть или Вестминстерское аббатство»¹, — пронеслось у меня в голове. Я ясно понимал, что в случае ошибки меня ожидает отставка, опала и, быть может, даже предание суду. Но, с другой стороны, передо мной была перспектива дать отдых измученному персоналу товарных поездов, пробывшему всю ночь на железнодорожных путях. В моей власти было снова пустить в ход весь механизм. Я точно знал, что могу это сделать. Мне часто приходилось передавать по телеграфу распоряжения мистера Скота. Я знал, как надлежит действовать в данном случае, и тут же приступил к делу. Я начал отдавать распоряжения от имени мис-

---

¹ Смысл восклицания в том, что Вестминстерское аббатство (X—XIII века), главная национальная святыня Англии, расположенная в одном из центральных районов Лондона, — это место упокоения многих королей, литераторов, военачальников и других людей, удостоенных этой высокой чести.

тера Скотта и, сидя за телеграфным аппаратом, отправлял поезда, передвигая их с одной станции на другую, предпринимал все необходимые меры предосторожности — и привел все в полный порядок, когда наконец появился мистер Скотт. Он уже знал о перерыве в движении. Его первые слова были: «Ну, в каком положении дело?». Он поспешно подошел к моему столу, взял бумагу и карандаш и начал писать распоряжения. Тут я вынужден был заговорить и очень робко начал:

— Мистер Скотт, я нигде не мог вас найти, поэтому посчитал необходимым сегодня утром сделать все нужные распоряжения от вашего имени.

— А теперь все в порядке? Где находится в данное время Восточный экстренный поезд?

Я показал ему телеграммы и объяснил, в каких местах находятся все поезда — товарные, смешанные и рабочие, показал также ответные депеши различных обер-кондукторов и последние донесения с вокзалов, мимо которых прошли поезда. Все оказалось в полном порядке. С минуту он молча смотрел на меня. Я едва осмелился поднять глаза. Я не знал, что меня ожидает. Не говоря ни слова, он еще раз подробно просмотрел все бумаги. Потом молча отошел от моего стола к своему, и этим дело кончилось. Очевидно, он не был расположен одобрить мой образ действий, но по крайней мере не высказал мне порицания. Если все сойдет благополучно — хорошо, если нет — отвечать буду я. Таково было положение вещей, но мне не могло не броситься в глаза, что в последующие дни мистер Скотт очень аккуратно и рано стал появляться по утрам на службе.

Конечно, я никому не рассказывал о том, что произошло. Ни один человек из служебного персонала не подозревал, что телеграфные распоряжения в тот

день исходили не непосредственно от мистера Скотта. Я уже было принял твердое решение — если бы такой случай повторился, действовать самостоятельно лишь при условии, что получу на это специальные полномочия. Я был в отчаянии при мысли о том, что натворил. Но вдруг я узнал от мистера Фрэнсискуса, заведовавшего товарным движением в Питсбурге, что мистер Скотт вечером того памятного для меня дня сказал ему:

— А знаете, что наделал мой маленький шотландский чертенок?

— Нет.

— Не больше и не меньше как то, что, пользуясь моим именем, восстановил все остановившееся движение на линии, не получив от меня решительно никаких полномочий.

— И что же, он хорошо справился с этой задачей?

— О да, даже очень хорошо.

С меня этого было достаточно. Теперь я знал, как мне следует действовать, если повторится подобный случай. С тех пор мистер Скотт лишь в редких случаях отдавал самоличные распоряжения по движению поездов.

Через некоторое время после этого мистер Скотт собрался в двухнедельный отпуск и обратился к директору дороги с просьбой назначить меня на это время его заместителем. Это был очень смелый шаг с его стороны, потому что мне тогда не было еще и двадцати лет. Просьба его была удовлетворена. Теперь мне представился желанный случай сделать дальнейший шаг на своем жизненном пути. Все сошло у меня благополучно за исключением одного несчастного случая, происшедшего вследствие непростительной небрежности, проявленной персоналом товарного поезда.

В течение тех лет, о которых идет речь, благосостояние нашей семьи продолжало возрастать. Мое ежемесячное жалованье поднялось с тридцати пяти до сорока долларов. Эта прибавка произошла по инициативе мистера Скотта без всяких просьб с моей стороны. В мои обязанности среди прочего входило составление ежемесячных ведомостей на жалованье. Я как сейчас помню, что, выписывая мистеру Скотту жалованье в 125 долларов ежемесячно, каждый раз с удивлением спрашивал себя, что он делает с такой кучей денег. Я получал жалованье ежемесячно в виде двух золотых монет по двадцать долларов каждая. Они казались мне самыми прекрасными художественными произведениями на свете. На семейном совете было решено купить участок земли с двумя деревянными домиками; в одном из них жили мы сами, в другом — тетя Хоган. Мы внесли при покупке сто долларов, оставшуюся сумму нужно было уплачивать в рассрочку.

Но прежде чем мы успели погасить весь долг, смерть пробила первую брешь в нашей семье: 2 октября 1855 года скончался мой отец. Хорошо, что неотложные обязанности занимали все наше время и поглощали все мысли. Наш день был заполнен работой. Расходы, вызванные болезнью отца, заставили нас войти в долги, которые предстояло погасить.

Со смертью отца мне пришлось усиленно заботиться о семье. Моя мать продолжала шить обувь, Том посещал школу, а я по-прежнему состоял на службе у мистера Скотта.

Круг моих знакомств был довольно ограничен. Мне никогда еще не случалось проводить ночь в чужом доме, и я был немало удивлен, когда мистер Стокс, юрисконсульт Пенсильванской железной дороги, пригласил меня провести воскресный день в его загородном доме. Причиной, вызвавшей с его

стороны такое внимание ко мне, была моя статья, напечатанная в «Pittsburgh Journal» и посвященная отношениям между городом и Пенсильванской железной дорогой. Это посещение принадлежит к моим лучшим воспоминаниям. С того дня мы стали добрыми друзьями.

Изящная обстановка в доме мистера Стокса произвела на меня большое впечатление. Но все это было ничто в сравнении с мраморным камином в библиотеке. Посередине мраморной облицовки над камином была вделана раскрытая книга, и на страницах ее была выгравирована следующая надпись:

*Кто не может думать, тот глуп,
Кто не хочет – слеп,
Кто не дерзает – раб.*

Эти слова проникли мне в душу. «Когда-нибудь, — подумал я, — у меня тоже будет подобная библиотека, и эти слова будут украшать мой камин». И действительно, эта надпись по сей день красуется в моем нью-йоркском доме.

Несколько лет спустя я пережил в доме мистера Стокса еще один памятный мне день. Я уже был в то время начальником питсбургского отделения Пенсильванской железной дороги. Юг отделился от Севера. Я пламенно стоял за союзное знамя. Мистер Стокс, бывший одним из вождей «демократов»¹, оспаривал право Северных Штатов поддержать Союз путем насилия. Его взгляды вывели меня из себя, и я вскричал:

— Мистер Стокс, не пройдет и шести недель, и люди вашего образа мыслей будут болтаться на виселице.

---

¹ То есть членов Демократической партии.

Я и теперь еще слышу его голос, когда он крикнул в соседнюю комнату жене:

— Нэнси, Нэнси, послушай-ка, что говорит этот дьявол-шотландец! Не пройдет и шести недель, как люди моего образа мыслей будут болтаться на виселице!

Странные вещи происходили тогда на свете. Спусти очень короткое время тот же мистер Стокс обратился ко мне в Вашингтоне с просьбой посодействовать его вступлению в добровольческую армию. Я работал в то время в военном министерстве над организацией железнодорожного и телеграфного сообщения для военных надобностей. Просьба его была исполнена, и он превратился в майора Стокса: тот самый человек, который еще недавно оспаривал право Соединенных Штатов с оружием в руках бороться за Союз, теперь вступил в ряды тех, кто поднялся на защиту правого дела.

**Пост директора Питсбургского отделения
Пенсильванской железной дороги.
Компания спальных вагонов.
Загородный дом в Хомвуде**

В 1856 году мистер Скотт был назначен директором Пенсильванской железной дороги. Он предложил мне поехать с ним в Алтуну. Мне было чрезвычайно тяжело оборвать все личные связи в Питсбурге, но этого требовали интересы службы, и мои личные отношения должны были отступить на второй план. Моя мать была очень огорчена, но покорилась необходимости.

Незадолго до своего перемещения мистер Скотт лишился жены и чувствовал себя очень одиноко на новом месте жительства. У него не было там ни одного близкого человека, кроме меня. На первых порах мы поселились с ним вместе в железнодорожной гостинице и даже спали в одной комнате.

Вскоре после нашего переезда среди рабочих вспыхнула стачка. Однажды ночью меня разбудили известием, что служебный персонал товарных поездов покинул свои посты на станции Миффлин, вследствие чего произошла полная остановка движения, грозившая всей линии. Мистер Скотт спал крепким сном. Мне не хотелось его будить, так как я знал, что он переутомлен и нервно разбит. Но он сам проснулся, и я сказал ему, что сейчас пойду узнать, как обстоят дела. Он спросонья что-то пробормотал, и я принял это за согласие. Я поспешил в контору и вступил

от его имени в переговоры с железнодорожниками. Мне удалось уговорить их приступить к работе и возобновить движение.

Но волнения происходили не только среди поездного персонала, они распространились и на рабочих железнодорожных мастерских, и те начали организовываться, чтобы присоединиться к недовольным. Мне это стало известно довольно странным образом. Однажды вечером, возвращаясь домой, я заметил, что за мной следом идет какой-то человек. Поравнявшись со мной, он сказал:

— Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь увидел меня вместе с вами. Но вы когда-то оказали мне услугу, и я тогда же решил, что отплачу вам за это при первой возможности. Я пришел тогда в контору в Питсбурге, сказал, что я кузнец, и попросил работу. Вы мне ответили, что в Питсбурге сейчас нет свободных мест, но, может быть, найдется какая-нибудь служба в Алтуне, и если я подожду несколько минут, вы справитесь по телеграфу. Вы дали себе этот труд, просмотрели еще раз мои рекомендации и направили меня в Алтуну. Я получил очень хорошую службу, мои жена и дети переехали ко мне, и никогда в жизни мне не жилось так хорошо, как теперь. В благодарность за это я хочу тоже оказать вам услугу.

И я узнал от него, что среди рабочих железнодорожных мастерских пущен подписной лист, призывающий их начать стачку в следующий понедельник. Я увидел, что нельзя терять времени, и на другое утро сообщил о положении вещей мистеру Скотту. Тот немедленно распорядился, чтобы в мастерских были развешаны объявления, извещающие, что все рабочие, которые согласятся принять участие в стачке, получают расчет. Тем временем в наши руки попал лист с подписями, и это тоже стало известно рабо-

чим. Они были чрезвычайно поражены таким оборотом дела, и стачка не состоялась.

Происшествия, подобные случаю с кузнецом, происходили в моей жизни не раз. До сих пор мне приходится встречать людей, которых я давно забыл, но которые помнят о какой-нибудь ничтожной услуге, оказанной им в свое время. Особенно часто это происходило во время Гражданской войны, когда я работал на правительственных железных дорогах и телеграфе. Я занимал в то время такое положение, что мог провести человека через железнодорожные линии, мог дать возможность отцу навестить раненого или заболевшего сына на фронте, мог оказать содействие, чтобы перевезти тело павшего на поле битвы, и так далее. Благодаря таким мелким услугам мне приходилось испытывать впоследствии самые отрадные переживания. С подобного рода поступками дело обычно обстоит так: они совершаются без всяких корыстных побуждений, но награда за них оказывается тем прекраснее, чем ниже положение человека, который чувствует себя обязанным за оказанную ему услугу. Гораздо ценнее оказать услугу бедному рабочему, чем миллионеру, который легко и щедро может отплатить за нее.

Самое важное по последствиям событие за время нашего двухлетнего пребывания с мистером Скоттом в Алтуне произошло во время одной моей поездки в Огайо. Я сидел в заднем вагоне и смотрел в окно, когда ко мне подошел человек, похожий с виду на фермера, с зеленым мешком в руке. Он узнал от кондуктора, что я имею отношение к Пенсильванской железной дороге, и хотел показать мне модель изобретенного им вагона для ночных поездок. С этими словами он достал из мешка небольшую модель, изображавшую спальный вагон в разрезе.

Это был ставший впоследствии знаменитым Вудрафф, изобретатель спальных вагонов. Мне сразу стало ясно все значение этого изобретения. Я обещал ему немедленно по возвращении изложить это дело мистеру Скотту и спросил, может ли он в случае надобности приехать в Алтуну. Мысль о спальных вагонах не давала мне покоя, и я спешил скорее вернуться в Алтуну, чтобы рассказать об этом мистеру Скотту. Он не отнесся отрицательно к этой идее и велел мне телеграммой вызвать изобретателя. Тот не замедлил явиться, и в результате переговоров было условлено, что он построит два спальных вагона и мы пустим их в обращение на нашем отделении. Вслед за этим мистер Вудрафф, к моему величайшему изумлению, спросил меня, не хочу ли я сделаться участником его предприятия, и предложил мне восьмую часть прибыли.

Недолго думая я принял его предложение. Как-нибудь, думалось мне, я уж раздобуду деньги, необходимые для уплаты моей доли в предприятии. Стоимость постройки вагонов должна была погашаться ежемесячными отчислениями. Когда настало время сделать первый взнос, оказалось, что на мою долю приходится двести семнадцать с половиной долларов. Тогда я решился на смелый шаг и отправился к местному банкиру, мистеру Ллойд, чтобы попросить его дать мне заем. Я изложил ему все дело, и, как сейчас помню, он, обняв меня рукой за плечи, сказал: «Конечно, я вам дам заем. Вы ведь всегда хорошо ведете свои дела, Энди!». Итак, я впервые написал вексель и нашел банкира, который принял его. Спальные вагоны имели большой успех: ежемесячная выручка вполне покрывала наши платежи. Первая значительная сумма, которую я получил в своей жизни, была именно из этого источника.

Мать и брат вскоре переселились вслед за мной в Алтуну, и тогда в нашей жизни произошла большая перемена: нам пришлось взять в помощь матери прислугу. Моя мать вначале очень сопротивлялась предложению взять в дом чужого человека, и понадобилось немало усилий, чтобы ее переубедить. До тех пор она жила исключительно для детей и решительно все делала для них, а теперь чужой человек должен был войти в дом и распоряжаться в ее хозяйстве. Но мне хотелось освободить ее от чрезмерной работы, предоставить ей больший досуг, дать возможность больше читать и поддерживать отношения с друзьями.

— Дорогая матушка, — сказал я ей, — до сих пор ты делала все для нас с Томом; позволь мне теперь сделать что-нибудь для тебя. Настало время, когда ты можешь зажить спокойно. Возьми себе в помощь девушку. Ты этим доставишь удовольствие Тому и мне.

Победа была одержана. Несмотря на все сопротивление матери, эта перемена оказалась неизбежной. В доме появилась прислуга; но с ее появлением исчезла доля того интимного счастья, которое возможно только тогда, когда семья живет в своем тесно замкнутом кругу.

Мистер Скотт оставался в Алтуне около трех лет, пока он в 1859 году не был избран вице-президентом компании и должен был переселиться в Филадельфию. Возник трудный вопрос: что будет дальше со мной? Я не знал, возьмет ли меня мистер Скотт с собой или я останусь под началом нового директора. Эта перспектива казалась мне невыносимой; достаточно тяжело было расстаться с мистером Скоттом, но служить его преемнику казалось мне совершенно невозможным.

Когда мистер Скотт вернулся из Филадельфии, куда ездил для переговоров с президентом, он пригласил меня к себе и сообщил, что вопрос о его переводе в Филадельфию окончательно решен и что его место здесь займет мистер Енох Льюис. Волнение мое все возрастало по мере того, как мы приближались к неизбежному вопросу о моей дальнейшей судьбе. Наконец он сказал:

— Теперь я перехожу к вам. Считаете ли вы возможным взять на себя управление питсбургским отделением?

Я находился тогда в том возрасте, когда все кажется возможным: не было ничего на свете, на что бы я не отважился. Но до сих пор никому — а меньше всего самому мистеру Скотту — не приходило в голову, что я в состоянии занять пост, подобный тому, который мне только что был предложен. Мне было в то время 24 года, но моим образцом был лорд Джон Рассел¹, который готов был принять командование флотом в любой момент, когда это могло оказаться нужно. Точно так же поступили бы и мои герои Уоллес и Брюс. Поэтому я сказал мистеру Скотту, что готов занять это место.

— Хорошо, — ответил он, — мистер Поттс (теперешний начальник питсбургского отделения) получит другое назначение, а я предложу президенту вашу кандидатуру на его место. Я уже говорил с ним об этом, и он склонен предоставить вам эту должность. Какое жалованье вы хотели бы получать?

---

¹ Рассел Джон (1792—1878) — английский государственный деятель. Занимал посты министра внутренних дел (1835—1839), министра по делам колоний (1839—1841), премьер-министра (1846—1852, 1865—1866), министра иностранных дел (1852—1853 и 1859—1865).

— Жалованье? — переспросил я с негодованием. — Какое мне дело до жалованья? Это для меня вопрос второстепенный, главное для меня — положение. Для меня большая честь занять ваше прежнее место в питсбургском отделении. Назначьте мне жалованье по вашему усмотрению, мне не нужно платить больше того, что я получал до сих пор.

Мое жалованье составляло 65 долларов в месяц.

— Вы знаете, — ответил мистер Скотт, — что в Питсбурге я получал ежегодно 1500 долларов, а мистер Поттс получает в настоящее время 1800 долларов. Я думаю, вы могли бы начать с 1500 долларов, а немного погодя, когда оправдаете оказанное вам доверие, жалованье можно будет повысить до 1800 долларов в год.

— Оставим денежные вопросы! — возразил я. Таким образом, вопрос о моем новом назначении был решен. Теперь мне предстояло самостоятельно вести отделение, и отныне все распоряжения по линии между Питсбургом и Алтуной будут подписываться не Т. А. С. (Scott), а А. С. (Carnegie). Это было для меня большой честью.

Приказ о моем назначении на пост начальника питсбургского отделения был подписан 1 декабря 1859 года. Предстоящее переселение было встречено в моей семье с большой радостью. Жизнь в Алтуне, правда, представляла известные преимущества, так как у нас был большой дом с садом. Но все это было ничто в сравнении с перспективой снова вернуться к старым друзьям и знакомым.

Первая зима после моего вступления в новую должность оказалась очень трудной. Линия едва была закончена, подвижного состава не хватало. Рельсы были уложены на большие каменные глыбы и крепились чугунными брусьями. Я помню, как в одну

ночь лопнуло 47 штук. Неудивительно, что при таких условиях сходы поездов с рельсов были обычным явлением. В это время начальнику отделения приходилось почти каждую ночь дежурить на станции, нередко и самому выезжать на линию, на место схода поезда с рельсов, и вникать во все детали. Однажды мне пришлось восемь дней и ночей подряд провести на линии, потому что несчастные случаи происходили один за другим. Чувство ответственности поддерживало мою энергию, и я не знал усталости. Мне было достаточно уснуть на полчаса где-нибудь в грязном товарном вагоне.

Гражданская война ставила такие непомерные требования к Пенсильванской железной дороге, что я вынужден был ввести ночную службу. Но мне трудно было добиться от начальства разрешения поручить ночной надзор за отделением особому лицу. В конце концов я самостоятельно учредил ночную службу на Пенсильванской железной дороге.

В 1860 году состоялось наше возвращение в Питсбург. Правдивое описание тогдашнего Питсбурга, наверное, покажется теперь невероятным преувеличением. Весь город был пропитан копотью. Стоило положить руку на перила, и она мгновенно становилась черной, напрасно было мыть лицо и руки — через час они снова были грязны. Сажа оседала на волосах и раздражала кожу. После прекрасного горного воздуха в Алтуне пребывание в Питсбурге показалось нам малоприятным. Мы начали подумывать о том, как бы переселиться за город. Счастливый случай помог нам: мистер Д. А. Стюарт, служивший экспедитором в нашей компании, указал нам на прекрасный дом в Хомвуде по соседству с ним. Мы поспешили занять его; мне поставили там телеграфный аппарат, благодаря чему я в случае на-

добности мог руководить отделением, сидя у себя на квартире.

Здесь началась для нас новая жизнь. Прекрасные дороги и чудные сады украшали местность, в которой мы поселились. При каждом доме был участок в 5—20 моргов¹ земли. Наш дом тоже стоял в саду, к нему примыкало поле. Здесь среди цветов и цыплят, окруженная всеми радостями сельской жизни, моя мать провела самые счастливые свои годы. Цветы были ее страстью, она не решалась срывать их. Я помню, как она однажды упрекнула меня за то, что я сорвал какое-то дикое растение. «Ведь это тоже зелень», — сказала она. Я унаследовал от матери это свойство; мне часто случалось обойти весь сад, чтобы сорвать себе цветок в петлицу, и вернуться без цветка, потому что я не мог найти такой, который мне не жаль было погубить.

Переселение за город доставило нам немало новых знакомств. В этом очаровательном предместье жило множество семейств, и я стал бывать во многих домах. Я слышал там разговоры о таких предметах, о которых до тех пор ничего не знал, и поставил себе за правило каждый раз, когда заходила речь о чем-то мне не известном, знакомиться с этим предметом. Благодаря этому у меня было радостное сознание, что я каждый день приобретаю новые знания.

Здесь я познакомился с семьей почтенного судьи Уилкинса. Ему было в то время около восьмидесяти лет. Это был высокий красивый старик, еще очень бодрый телом и духом и на редкость образованный. Меня очень радовало, что я, по-видимому, был желанным гостем в этом доме. У них часто устраивались концерты, живые картины и домашние

---

¹ Морг (морген) — старинная земельная мера, в разных странах составляла от 25 до 56 ар.

спектакли, дававшие мне случай расширить свое образование. Судья Уилкинс встречался за свою жизнь с многими историческими личностями. Я никогда не забуду впечатления, какое на меня производили мимоходом сказанные им в разговоре слова: «президент Джексон ¹ сказал мне...» или: «я сказал герцогу Веллингтону ²...». Мне казалось в такие минуты, что я сам переживаю частичку истории. В этом доме была совершенно новая для меня атмосфера, служившая стимулом для моего честолюбия и дальнейшего развития.

Только в политических вопросах между мной и семьей Уилкинса существовали резкие разногласия. В те времена, когда в Америке быть аболиционистом ³ значило то же, что в Англии быть республиканцем, я являлся пламенным приверженцем фрисойлеров ⁴. А семья Уилкинса держалась строго «демократических» убеждений ⁵ и явно тяготела к Южным Штатам. Придя к ним однажды, я застал всю семью в величайшем волнении по поводу «ужасного случая».

— Представьте себе, — обратилась ко мне миссис Уилкинс, — Даллас [внук миссис Уилкинс] пишет мне, что начальник военной академии заставил

---

¹ Джексон Эндрю (1767—1845) — президент США в 1829—1837 годах.

² Веллингтон Артур Уэлсли (1769—1852) — английский военный и государственный деятель, дипломат.

³ То есть сторонником аболиционизма (от лат. abolitio — «уничтожение, отмена») — движения в США в конце XVIII — XIX веке за отмену рабства негров.

⁴ Фрисойлеры (англ. free soilers, от free — «свободный» и soil — «земля») — члены массовой радикально-демократической партии в США в 40—50-х годах XIX века. Они выступали за бесплатную раздачу земли переселенцам, против распространения рабства на новые территории. После создания в 1854 году Республиканской партии вошли в ее состав.

⁵ То есть свойственных приверженцам Демократической партии.

его сесть рядом с негром! Разве это не неслыханная вещь? Какой позор! Негр в военной академии!

— Ах, — сказал я, — миссис Уилкинс, на свете бывают еще худшие вещи. Я слышал недавно, что теперь негры попадают даже на небо.

Последовало общее неловкое молчание. И только минуту спустя миссис Уилкинс сказала:

— Это совсем другое дело, мистер Карнеги.

Моя служба во время Гражданской войны. Первое посещение Шотландии

Лишь только в 1861 году разразилась Гражданская война ¹, как мистер Скотт, исполнявший обязанности помощника военного министра по департаменту перевозок, затребовал меня в Вашингтон. Меня назначили его помощником в департаменте военной железнодорожной и телеграфной службы, а кроме того, я помогал ему при организации железнодорожных отрядов. В начале войны это был один из самых важных департаментов.

Война началась для нас неудачно. Первые полки союзных войск, проходя через Балтимор, подверглись нападению неприятеля, и железнодорожная линия между Балтимором и узловым пунктом возле Аннаполиса была разрушена, вследствие чего прервалось железнодорожное сообщение с Вашингтоном. Мне пришлось поэтому взять вспомогательный отряд и от-

---

¹ Гражданская война в Соединенных Штатах (1861–1865) — война между буржуазными штатами Севера и 11 рабовладельческими штатами Юга, отделившимися от Союза и поднявшими в апреле 1861 года мятеж с целью увековечения и распространения в стране рабства. Политические и общественные организации, противостоявшие рабовладению, образовали в 1854 году Республиканскую партию. Победа на президентских выборах 1860 года кандидата этой партии Авраама Линкольна стала для рабовладельцев сигналом опасности и привела к их выходу из состава Союза.

правиться с ним из Филадельфии в Аннаполис, откуда по ветке, шедшей до узлового пункта, можно было добраться до главной линии на Вашингтон. В течение нескольких дней нам удалось восстановить движение на этой ветке и приспособить ее для тяжелых поездов. Когда через короткое время туда прибыл генерал Батлер¹ со своими полками, мы уже оказались в состоянии доставить в Вашингтон всю его бригаду.

Я ехал на первом паровозе, пущенном в столицу, и зорко смотрел по сторонам. Не доезжая до Вашингтона, я заметил, что телеграфные провода прижаты к земле деревянными брусьями. Я приказал остановить паровоз и побежал поднять провода, но не обратил внимания на то, что они были предварительно свернуты. В тот момент, когда я их освободил, они выпрямились и с такой силой ударили меня по лицу, что рассекли щеку, и кровь полилась из раны. В таком виде я вступил в Вашингтон с первыми войсками и имел право сказать, что (если не считать двух солдат, раненных перед тем у Балтимора) я был одним из первых, проливших кровь за отечество. Я гордился тем, что приношу пользу стране, которой я стольким обязан, и могу сказать без преувеличения, что работал день и ночь, чтобы поддерживать сообщение с Югом.

Мне скоро пришлось перенести свою главную квартиру в Александрию (штат Вирджиния). Я находился там, когда произошло несчастное сражение у Булл-Ран². Мы сначала не поверили дошедшим до

---

¹ Батлер Бенджамин Франклин (1818–1893) — американский политический и военный деятель, генерал, после Гражданской войны — член Конгресса, кандидат в президенты.

² Имеется в виду первое серьезное сражение Гражданской войны, происшедшее в Вирджинии у железнодорожной станции Манассас 21 июля 1861 года, когда плохо обученные войска северян, перейдя ручей Булл-Ран, атаковали южан, но были вынуждены начать отступление, превратившееся в бегство.

нас слухам, но вскоре они подтвердились, и стало ясно, что нужно немедленно послать на фронт все сколько-нибудь годные паровозы и вагоны, чтобы доставить оттуда наши разбитые войска.

Ближе всех к фронту оказалась станция Бёрк. Я сам поехал туда и стал отправлять один за другим поезда, набитые ранеными добровольцами. Говорили, что неприятель преследует нас по пятам, и в конце концов нам пришлось оставить этот пункт. Начальник станции и я уехали на последнем поезде в Александрию.

Там царил полная паника, некоторых наших служащих не оказалось на месте, кое-кто из машинистов и кондукторов добыли лодки и переправились через Потомак. Но большинство все-таки оставалось на своих местах, несмотря на то что в каждом звуке среди ночи люди готовы были слышать пальбу надвигающегося неприятеля. Среди наших телеграфистов на следующее утро не оказалось ни одного отсутствующего.

Вскоре после этого я возвратился в Вашингтон и поселился в военном министерстве у полковника Скотта. Так как в моем ведении находились железнодорожная и телеграфная службы, я имел возможность видеть президента Линкольна, министра Камерона¹ и мистера Сьюарда², а иногда и входить в личные сношения с ними.

Мистер Линкольн иногда приходил в контору и сидел у нас за столом в ожидании ответа на телеграмму или какой-нибудь справки. Все портреты этого

---

¹ Камерон Саймон (1799—1889) — американский политический деятель, сенатор, военный министр.

² Сьюард Уильям Генри старший (1801—1872) — американский политический деятель, губернатор Нью-Йорка, военный министр.

необыкновенного человека очень на него похожи. Обычно его лицо не производило особого впечатления. Но стоило ему взволноваться или начать о чем-нибудь рассказывать, и его живые глаза начинали сверкать, придавая лицу такое оживленное выражение, какое я редко видел у других людей. Его обращение было исполнено благородной простоты, и для каждого, даже для последнего мальчика в конторе, у него находилось ласковое слово. Он был одинаково внимателен ко всем без исключения, начиная с министра Сьюарда и кончая рассыльным. Секрет обаяния, исходившего от всего его существа, заключался в том, что он отличался полной простотой и безыскусственностью. Не столько то, что он говорил, сколько то, как он говорил, привлекало к нему все сердца. Это был истинный демократ, и он доказывал каждым своим словом и делом, что для него все люди равны.

Всеобщий хаос, царивший в то время в Вашингтоне, не поддается никакому описанию. Когда я в первый раз увидел тогдашнего главнокомандующего, генерала Скотта ¹, два человека вели его под руки к экипажу. Это был отживший, дряхлый человек, парализованный не только физически, но и духовно. И на этой почтенной реликвии прошлого держалась вся организация республиканских боевых сил!

Его главный уполномоченный, генерал Тейлор, являлся его достойным сподвижником. С этими двумя старцами и еще несколькими столь же мало пригодными сотрудниками нам приходилось совещаться о перевозке воинских частей и боеприпасов. Они все стояли за самую строгую дисциплину, но уже давным-давно вышли из того возраста, когда человек бывает

---

¹ Скотт Уинфилд (1786–1866) — американский военный и политический деятель, дипломат.

на что-нибудь годен. Иногда приходилось дожидаться целыми днями, чтобы добиться от них решения самых экстренных вопросов. Я не помню, чтобы во главе хотя бы одного департамента в то время стоял молодой энергичный офицер.

То же самое, говорят, творилось и в морском ведомстве, но с ним я не имел непосредственных сношений. В начале войны флот играл второстепенную роль, первенствующее значение имели сухопутные войска. Нельзя было ожидать ничего, кроме поражений, пока во главе департаментов стояли подобные руководители, а это, конечно, нельзя было изменить сразу. Вполне понятно было нетерпение населения, вызванное тем, что организация боевых сил происходила чересчур медленно, и все-таки я до сих пор удивляюсь, с какой быстротой хаос, царивший во всех департаментах, превратился в стройный порядок.

Что касается нашей деятельности, то мы имели то большое преимущество, что военный министр Камерон уполномочил мистера Скотта предпринимать то, что тот найдет нужным, не дожидаясь решений чиновников военного министерства. Мы в полной мере использовали это право, и большое значение, какое приобрели железнодорожное и телеграфное ведомства с самого начала войны, в значительной степени объясняется могущественной поддержкой, оказанной нам министром Камероном.

Когда я в 1861 году был вызван в Вашингтон, мы все предполагали, что война скоро кончится. Но очень скоро пришлось убедиться, что она может затянуться на годы. Вследствие этого возникла необходимость назначить на посты в военном министерстве постоянных служащих. Пенсильванская железная дорога не могла долго обходиться без мистера Скотта, а он, в свою очередь, решил, что и я должен вернуться

ся в Питсбург, где мое присутствие было крайне необходимо. Поэтому мы передали департамент в другие руки и вернулись каждый на свою должность.

После моего возвращения из Вашингтона наступила реакция: первый раз в жизни я серьезно заболел. В течение некоторого времени я еще пытался выполнять свои обязанности, но вскоре был вынужден на время выбыть из строя. Однажды днем, находясь на открытом участке пути, я получил легкий солнечный удар. Я, правда, выздоровел, но с тех пор уже не мог переносить жару. Я должен был беречься от солнца и в жаркие дни чувствовал полное изнеможение. Вследствие этого мне приходилось в течение многих лет проводить жаркие летние месяцы в горах Шотландии.

Я получил отпуск от компании Пенсильванской железной дороги, и таким образом мне представился долгожданный случай поехать в Шотландию. Моя мать, мой старый друг Том Миллер и я 28 июня 1862 года уехали из Америки на пароходе «Этна». Мне было в то время двадцать шесть лет. Высадившись в Ливерпуле, мы немедленно поехали в Данфермлин. Ничто в жизни не вызвало во мне такого волнения, как возвращение на родину. Мне казалось, что все это сон. С каждой милей, приближавшей нас к родным местам, волнение все росло. Моя мать тоже была чрезвычайно взволнована. Я очень хорошо помню, как она при виде хорошо знакомого куста вскричала: «Вот он, наш дрок, наш милый дрок!». Ее сердце было до того переполнено, что слезы полились у нее из глаз. Чем больше я старался ее успокоить, тем сильнее она волновалась. Я сам готов был упасть ниц и целовать эту священную землю.

В таком настроении мы прибыли в Данфермлин. Мы узнавали все, до самых мелочей, но в срав-

Э. Карнеги в 26 лет со своим другом Томом Миллером во время поездки в Данфермлин. Фотография предоставлена ДМЭК

нении с тем, что жило в моих воспоминаниях, все казалось теперь таким маленьким, что я был совершенно смущен. Когда мы, наконец, приехали к дяде Лодеру и сидели в его старой комнате, где Дод и я так много учились, у меня невольно вырвалось: «Вот я снова вижу всех вас и все, что я когда-то оставил, но все это кажется мне теперь каким-то игрушечным». Хай-стрит, представлявшая мне в воспоминаниях чем-то вроде Бродвея в Нью-Йорке, дядина лавка, которую я, бывало, сравнивал с нью-йоркскими магазинами, маленькие холмы, окаймлявшие город, на которых мы играли по воскресеньям, высота домов — все как-то съежилось. Это был точно город лилипутов. Я почти доставал рукой до водосточной трубы в доме, где родился, а до моря — прогулка на морской берег в прежние годы казалась мне большим путешествием — было не более часа ходьбы. Скалы на берегу, среди которых я искал ракушки, как будто исчезли, и вместо них теперь виднелись мирные дюны. Школьный дом, с которым было связано столько детских воспоминаний (единственная школа, которую я посещал в своей жизни), площадка, на которой разыгрывались наши битвы и происходили наши состязания, — все приняло до смешного микроскопические размеры. Прежние великолепные дома и оранжереи в Доннбристле казались мне теперь маленькими, мизерными. Ощущения, которые я испытывал впоследствии в Японии при виде ее игрушечных домиков, во многом напоминали те чувства, которые волновали меня теперь при возвращении на старую родину. Все представлялось мне в миниатюрном виде. Даже колодец, возле которого происходили мои первые сражения, казался мне теперь иным, чем в те времена.

Одно только оставалось неизменным, в том виде, в каком его сохранила память, — чудесный старый монастырь и его долина не разочаровали меня. Он казался мне и теперь таким же величественным и большим, как прежде, и знаменитые вырезанные в камне буквы на верхушке башни короля Роберта Брюса так же, как и в прежние времена, радовали мое сердце. И монастырский колокол тоже не разочаровал меня, и звуки его, как в былые времена, преисполнили меня теми же чувствами, с какими я слышал их в первый раз. Я был очень счастлив. Это стало для меня опорной точкой, и прошло совсем немного времени, как все приспособилось к старому монастырю с его ущельем и развалинами замка и снова приняло прежние размеры.

Наши родственники встретили нас с трогательной любовью, и самая старая из моих теток, милая тетя Лотта, с воодушевлением воскликнула:

— Да, будет еще такой день, когда ты вернешься сюда и откроешь лавку на Хай-стрит!

Лавка на Хай-стрит казалась ей величайшим успехом, какого может достигнуть человек на земле.

Тетусшка, которая нянчила меня ребенком, рассказывала, что я был ужасным крикуном и меня приходилось кормить двумя ложками сразу, потому что я поднимал неистовый рев, как только ложку вынимали у меня изо рта. Капитан Джонс, ставший позже директором на нашем сталелитейном заводе, уверял, что я родился на свет сразу с двумя рядами зубов и с таким же количеством дыр для новых зубов — до того велик был мой голод.

Я, конечно, поселился у моего любимого учителя и друга — дяди Лодера, которому обязан тем, что из восьмилетнего ребенка вышел человек с романтическими, патриотическими и поэтическими настро-

Э. Карнеги в 27 лет. Фотография предоставлена ДМЭЖ

ениями. Теперь я был взрослым человеком, но для меня он остался прежним дядей Лодером, и никто не мог бы мне его заменить. Мы очень много гуляли вместе и вели бесконечные разговоры.

Я все еще был точно во сне, и мои нервы так возбуждились, что по ночам я не мог спать, вдобавок я

еще простудился, и у меня сделалась сильная лихорадка. Я прохворал в доме дяди Лодера шесть недель, и одно время моя жизнь была в серьезной опасности. Шотландская медицина была в то время столь же радикальна, как и шотландская теология (теперь та и другая стали умереннее!), мне сделали кровопускание, и моя жидкая американская кровь потекла таким потоком, что я долгое время после того, как меня считали выздоровевшим, не мог стоять на ногах без посторонней помощи. Эта болезнь положила конец моему пребыванию в Шотландии. Но морское путешествие оказало на меня такое хорошее действие, что еще до прибытия в Америку я почувствовал себя снова вполне работоспособным.

Накопление богатства. Сооружение железных мостов

Во время Гражданской войны цена на железо поднялась до 130 долларов за тонну. Тем не менее главное затруднение заключалось не столько в дороговизне, сколько в транспортных условиях. Недостаток в новых рельсах был так велик, что в Америке стало почти опасно ездить по железным дорогам. Это навело меня в 1864 году на мысль основать компанию по производству рельсов. Таким образом в Питсбурге возник Первый рельсовый завод.

Спрос на паровозы был в то время тоже очень велик, и я вместе с мистером Томасом Миллером открыл в 1866 году Питсбургский паровозный завод, который работал очень успешно и приобрел такую репутацию, что изготовленные там паровозы получили широкое распространение по всей Северной Америке. Если рассказать, что в 1906 году акции этой компании номинальной стоимостью в сто долларов продавались по три тысячи долларов, то есть в тридцать раз дороже первоначальной стоимости, это звучит теперь почти как сказка. Компания выплачивала ежегодно значительные дивиденды и достигала блестящих результатов, что служит достаточным доказательством правильности положения «производи только самый лучший продукт». Мы всегда держались этого правила.

В Алтуне я видел в мастерских Пенсильванской железной дороги первый маленький металлический мост, который на практике показал очень хорошие результаты. Я пришел к убеждению, что для железнодорожных сооружений постоянного пользования нельзя полагаться на деревянные мосты. Незадолго до того на участке Пенсильванской дороги сторел очень важный мост, и движение было прервано на целых восемь дней. Необходимо было строить такие мосты из железа. Я возымел намерение учредить в Питсбурге компанию по постройке таких мостов и с этой целью вызвал туда Х. И. Линвилла, строителя виденного мной железного моста, Джона Л. Пайпера и его компаньона мистера Шиффлера, которые имели от Пенсильванской дороги заказ на постройку мостов. Кроме того, я пригласил своего друга мистера Скотта принять участие в этом смелом предприятии. Каждому из участников пришлось внести пятую часть, что составляло 1250 долларов. Я взял заем в банке и благодаря этому получил возможность внести свою долю.

Таким образом в 1862 году возникла фирма «Пайпер и Шиффлер», переименованная в 1863 году в «Кистонскую компанию по сооружению мостов», и я очень гордился тем, что придумал такое подходящее название для новой компании в штате Пенсильвания¹. С этого времени железные мосты получили всеобщее распространение в Америке и, если не ошибаюсь, во всем мире. Мы построили небольшие деревянные мастерские и взяли несколько заказов на постройку мостов. Мы работали преимущественно с чугуном, но конструкция мостов была настолько солидная, что некоторые из них существуют еще и поныне.

---

¹ Keystone — «краеугольный камень». Пенсильвания получила название «Keystone State» благодаря тому, что там в 1876 году была принята Декларация независимости.

Тогда было решено приступить к постройке моста через Огайо у Стьюбенвилла, и вопрос заключался только в том, возьмемся ли мы построить железнодорожный мост с пролетом более 90 метров. Сейчас тогдашние опасения, справимся ли мы с этой задачей, кажутся почти смешными. Но надо принять во внимание, что дело было еще до наступления эры стали и даже железо тогда в Америке почти не применялось; фермы и быки делались в то время главным образом из чугуна. Я был того мнения, что следует рискнуть и взять этот заказ; дело кончилось тем, что он официально был закреплен за нами контрактом. Но я очень хорошо помню, что председатель железнодорожной компании Джуитт посетил наши мастерские и, увидев тяжелые чугунные быки находившегося в работе моста, обернулся ко мне и сказал, указывая на них:

— Я не думаю, что эти тяжелые чугунные штуки будут в состоянии выдержать собственный вес, когда вы их установите, а тем более что они выдержат нагрузку поезда через Огайо.

Этому скептику пришлось впоследствии изменить свое мнение. Мост стоял до самого последнего времени, его только пришлось несколько укрепить для более тяжелой нагрузки.

Мы надеялись, что этот первый крупный заказ даст нам порядочный заработок, но во время работы произошло повышение цен на материалы, почти поглотившее ожидаемый доход. Узнав об этом, директор дороги мистер Эдгар Томсон приказал выдать нам дополнительную сумму, чтобы избавить от убытков; обе стороны, говорил он, не могли предвидеть последующих событий в то время, когда заключали договор.

Кистонские мостовые сооружения всегда были для меня источником величайшего удовлетворения. Почти

ни одна из компаний, образовавшихся в Америке для постройки железнодорожных мостов, не имела успеха, многие их сооружения обрушились, что повлекло за собой самые тяжелые железнодорожные катастрофы, многие мосты оказались просто не в состоянии выдерживать напор ветра. Но ни с одним из кистонских мостов не произошло подобного несчастья, несмотря на то что некоторые из них были построены в местах, особенно сильно подверженных влиянию бурь. И это отнюдь не следует приписывать счастливой случайности. Мы применяли для постройки наших мостов только самый доброкачественный материал и никогда на этом не экономили, мы сами производили необходимый для наших целей чугун, а впоследствии и сталь, мы сами были наиболее строгими контролерами собственной работы, и если оказывалось, что мы не в состоянии построить совершенно безопасный мост, мы предпочитали отказаться от работы. Мы отказывались от заказа всякий раз, когда убеждались, что конструкция недостаточно прочна или не рассчитана в соответствии с наукой. Мы принимали на себя ручательство за каждую часть работы, которая носила нашу фабричную марку (а в Северной Америке мало таких штатов, где бы не было наших мостов). Мы так же гордились своими мостами, как Карлейль¹ гордился мостом, построенным его отцом. «Честный мост», как справедливо говорил его великий сын. В этом принципе заключается вся тайна успеха. Всякому вновь возникающему предприятию требуется несколько лет, чтобы доказать свою жизнеспособность, но после этого перед ним уже открыта широкая дорога. Качество работы — самая верная основа всякого предприятия. Позже, но только значительно позже, можно подумать и о цене.

---

¹ Карлейль (Карлайл) Томас (1795—1881) — английский (шотландский) публицист, историк, философ.

В течение нескольких лет я уделял исключительное внимание кистонским мостовым сооружениям и часто принимал личное участие в переговорах, когда предстояло заключение важных договоров. По одному из таких поводов мне пришлось однажды поехать с нашим инженером Уолтером Кэттом в Дубьюк. Мы были в числе тех фирм, которые конкурировали за заказ на один из самых больших железнодорожных мостов. Этот мост предполагалось построить через широкую Миссисипи у Дубьюка, ширина пролетов там была совершенно небывалая, и подобного моста еще никогда никто не строил. Дело было зимой, и мы ехали по замерзшей реке на санях. Эта поездка — доказательство того, как часто успех зависит от мелочей. Оказалось, что предложенные нами условия далеко не самые дешевые. Наиболее опасным нашим конкурентом был концерн из Чикаго, и комиссия решила отдать заказ ему. Я медлил уходить и разговаривал с директорами, которые высказывали свои мнения о преимуществах чугуна и железа, не обнаруживая при этом глубоких технических знаний. Мы всегда изготавливали мостовые фермы из стали, между тем как наши конкуренты использовали для этой цели чугун. Это и составляло предмет нашего разговора. Я объяснил им, что может произойти, если пароход наскочит на стальную или чугунную мостовую ферму. Стальная ферма, по всей вероятности, только погнется, а чугунная разлетится на куски, и тогда весь мост окажется под водой. К счастью, один из директоров поддержал меня и заявил комиссии, что я безусловно прав, по крайней мере в том, что касается чугуна. Он рассказал, что накануне вечером в темноте налетел со своими санями на чугунный фонарный столб, и тот немедленно разлетелся на куски.

— Ну вот, господа, — сказал я, — в этом-то и вся суть. Заплатите подороже, и у вас будет прочный стальной мост, выдерживающий какой угодно напор парохода. Мы никогда не строили дешевых мостов и впредь не будем строить. Наши мосты в состоянии выдержать любое давление.

Наступило молчание. Затем председатель, извинившись передо мной, попросил оставить их на несколько минут одних. Я удалился. Через некоторое время меня снова пригласили в зал и предложили взять заказ по более дешевой цене. Разница составляла всего несколько тысяч долларов. Я согласился. Сломавшийся так кстати фонарный столб доставил нам один из самых выгодных заказов, а главное — победу над всеми конкурентами.

Мораль этой истории очевидна. Кто хочет получить заказ, должен лично быть там, где решается его судьба. Сломанный фонарный столб или какое-нибудь другое непредвиденное обстоятельство может сыграть решающую роль, если тот, кто добивается заказа, присутствует тут же. И по возможности не следует уходить с поля битвы раньше, чем дело окончательно решится, и тогда можно унести с собой в кармане подписанный договор. Мы так и поступили в Дубьюке, хотя нас уверяли, что мы спокойно можем уехать, так как договор будет прислан нам на подпись. Мы предпочли все-таки остаться под тем предлогом, что хотим еще ознакомиться с красотами Дубьюка.

**Металлургические заводы и нефтяные источники.
Уход с железнодорожной службы.
Путешествие в Европу**

К Кистонским заводам я всегда испытывал особенную любовь, потому что им обязаны своим происхождением все остальные. Очень скоро после их открытия с очевидностью обнаружилось, что кованое железо имеет несомненные преимущества перед чугуном. Поэтому мы решили заняться также и производством кованого железа, чтобы обеспечить определенное качество этого материала и быть в состоянии изготавливать некоторые изделия таких моделей, которые мы тогда не могли получить со стороны. Мой брат и я вместе с Томасом Миллером, Генри Фипсом и Эндрю Кломаном открыли небольшой металлургический завод.

Мистер Томас Миллер был настоящим пионером нашей металлургической промышленности, и мы все обязаны ему самой глубокой благодарностью.

Эндрю Кломан был собственником небольшого завода, поставлявшего Пенсильванской железной дороге колесные оси. Это был отличный механик. Он первый открыл принцип, не известный в то время в Питсбурге: стоит производить только такие предметы, которые отличаются безусловно высоким качеством. Он, как все немцы, был основательный человек. Его конструкции были невероятно дороги, но зато отличались необычайной прочностью. В те време-

на при поставке осей было лишь делом случая, будут они действовать в течение какого-то времени или сломаются еще прежде, чем их пустят в ход. Ни об анализе материалов, ни о научно-технических расчетах тогда не было и речи.

Я уже упоминал, что мы были очень дружны с семьей Фиппса. В ранней молодости я особенно дружил со старшим братом Джоном. Генри был на несколько лет моложе меня и тогда уже обращал на себя внимание способностями и умом. Однажды он попросил у брата взаймы четверть доллара. Джон не стал его расспрашивать, что он затевает, и дал деньги. На следующий день в газете «Pittsburgh Dispatch» появилось объявление, гласившее: «Мальчик, жаждущий работы, ищет занятий». Вот как употребил эти деньги энергичный мальчик. Ответ последовал очень скоро: известная фирма «Dilworth and Bidwell» попросила явиться «мальчика, жаждущего работы». Он отправился туда, и ему было предложено место рассыльного; по тогдашнему обычаю в его обязанности входило и подметание конторы. И вот таким образом смелый мальчик впервые пустился в открытое море самостоятельной жизни. И тут повторилась старая история. Он скоро оказался незаменимым на службе, обратил на себя внимание мистера Миллера, и дело кончилось открытием металлургического завода, куда он вошел в качестве участника.

Таким образом прежний мальчик на побегушках превратился с течением времени в одного из самых богатых людей в Соединенных Штатах и лишний раз доказал, какое хорошее употребление можно найти своим богатствам. Много лет назад он подарил Питсбургу и Аллегани-Сити прекрасные оранжереи, оговорив в дарственной, что они должны быть

открыты для публики не только в будни, но и по воскресным дням. Это распоряжение вызвало большое волнение. Духовные лица яростно нападали на него с церковной кафедры, видя в этом «осквернение воскресного дня». Но население единодушно высказалось против такой точки зрения, и городское управление с благодарностью приняло дар Фиппса. В ответ на укоризненные речи одного духовного лица он сказал:

— Вам, господа, хорошо так рассуждать. Вы работаете один день в неделю, а все остальные дни свободны и можете сколько угодно любоваться красотами природы. Но я считаю позорным, что вы хотите лишить трудящиеся массы возможности использовать один-единственный день в неделю для развлечений и просвещения.

Недавно на съезде в Питсбурге духовенство высказалось против инструментальной музыки в церквях. Но пока они ведут свои дебаты, умные люди открывают по воскресным дням двери музеев, библиотек и оранжерей. И если эти господа не осознают необходимость дать народу в этой жизни то, что ему действительно нужно, дело кончится тем, что их церкви опустеют.

К несчастью, между Кломаном и Фиппсом, с одной стороны, и Миллером — с другой, возникли деловые разногласия, и ему пришлось уйти из фирмы. Так как я был того мнения, что с Миллером поступили несправедливо, я объединился с ним для создания нового предприятия. Благодаря этому в 1864 году возник завод «Циклоп». Дело пошло хорошо, и скоро появилась возможность слить старый и новый заводы в общее предприятие, которое и было основано в 1867 году под названием «Объединенные металлургические заводы».

Мы приобрели для этих заводов семь моргов земли. Это считалось в те времена очень крупным земельным участком, и первые годы мы сдавали часть земли в аренду. Но прошло немного времени, и этого пространства оказалось недостаточно для нашего все расширявшегося предприятия.

Чем больше я знакомился с металлургическим производством, тем более меня поражало, что стоимость различных его процессов оставалась совершенно невыясненной. Я обратился с запросом к другим питсбургским промышленникам и убедился, что мои предположения верны. Производство велось наугад, и до окончания года, когда определялась наличность товара и подводились итоги, предприниматели не имели ни малейшего понятия о результатах работы. Мне нередко приходилось слышать, как люди, опасавшиеся закончить год с дефицитом, к своему великому изумлению обнаруживали в производстве прибыль, и наоборот. Они напоминали кротов, роющих в темноте. Подобное положение представлялось мне совершенно недопустимым, и я самым решительным образом стал высказываться за введение системы взвешивания и калькуляции во всех отраслях нашего производства. Только такая система позволила бы определить стоимость каждого производства и контролировать работу каждого занятого в нем человека. Мы должны были иметь возможность установить, кто обращается с материалом экономно, кто тратит его нерасчетливо и кто достигает наилучших результатов.

Добиться этого оказалось труднее, чем можно было себе представить на первый взгляд. Служащие противились введению новой системы, и понадобились годы, прежде чем она начала функционировать

как следует. Лишь мало-помалу мы добились того, что получили полное представление о работе каждого отделения и каждого рабочего.

Одним из основных условий успеха во всяком производстве является такая отчетность, при которой каждый рабочий начинает чувствовать себя ответственным за доверенные ему материалы и деньги. Промышленники, которые не доверяют служащему и пяти долларов без расписки, изо дня в день отдают рабочим в бесконтрольное распоряжение целые тонны материалов, не зная, сколько их получается в переработанном виде.

В 1862 году в Америке впервые обратили внимание на богатые источники нефти в Пенсильвании. Мой друг Уильям Колман чрезвычайно заинтересовался новым открытием и уговорил меня поехать вместе с ним в нефтяные районы. Путешествие оказалось необыкновенно интересным. Это было настоящее великое переселение народов, и наплыв на нефтеносные поля был такой большой, что оказалось невозможно найти для всех пристанище. Но толпы, стекавшиеся со всех сторон, не обращали на это ни малейшего внимания. Достаточно было нескольких часов, чтобы сколотить барак, и через короткое время все жизненные удобства оказывались налицо. По большей части это были далеко не дюжинные люди, располагавшие большими суммами и имевшие что поставить на карту в погоне за счастьем.

Меня особенно поражало прекрасное расположение духа всех этих людей. Они точно собрались на грандиозный пикник. Все были веселы, оживленны; казалось, стоит только протянуть руку, чтобы начать загребать богатства. На верхушках кранов развевались флаги с самыми причудливыми

надписями. Помню, однажды я увидел на берегу реки двух нефтеискателей, усердно работавших насосами; на их флаге красовалась надпись: «Ад или Китай!». Они бурили скважины, не считаясь с глубиной.

Свойственная американцам приспособляемость проявилась здесь самым блестящим образом. Хаос немедленно превращался в стройный порядок. Я готов побиться об заклад, что тысяча американцев, прибывших в новую страну, сумеет организовать и создать школы, церкви, газеты, одним словом, все, что относится к культуре, прежде, чем такое же число англичан успеет столковаться насчет того, у кого из них более почтенная родословная и, следовательно, кто из них благодаря заслугам своих отцов имеет большее право на первенство. Американец знает только одно правило: дорогу достойнейшему!

Район, дававший первоначально в год по несколько тонн нефти, которую индейцы вылавливали одеялами с поверхности ручья, покрыт теперь множеством нефтеперерабатывающих заводов. В первое время ее добывали необыкновенно примитивным способом. Найдя где-нибудь нефть, ее напускали в плоскодонные лодки; но так как они сильно текли, вода проникала в них снизу, а нефть сверху переливалась через край и стекала в реку. В разных местах были устроены плотины; в определенное время открывались шлюзы, и наполненные нефтью лодки уносились течением по реке Аллегани до Питсбурга. Таким образом, не только ручей, но и река оказывались буквально покрыты слоем нефти. Утечка по дороге в Питсбург составляла приблизительно треть всей нефти, еще треть успевала вытечь раньше, чем лодки пускались в путь. Вначале добытая таким об-

разом нефть разливалась в Питсбурге по бутылкам и продавалась в качестве лекарства по очень высокой цене — по доллару за маленькую бутылочку. Она пользовалась громкой славой целебного средства от ревматизма. Но с тех пор как нефть стала добываться в больших количествах и упала в цене, ее целебные свойства начали ослабевать!

Самые знаменитые нефтяные скважины находились у фермы Стори. Нам предложили приобрести их за 40 тысяч долларов, и мы согласились. Мистер Колман, отличавшийся быстротой решений, предложил вырыть пруд вместимостью 100 тысяч тонн и наполнить его нефтью. Этот резервуар должен был сослужить нам службу, когда наступит время — а мы в этом не сомневались, — когда источники нефти иссякнут. Мы немедленно привели в исполнение его план, и еще по сей день напрасно ждем, когда они иссякнут. Колман высчитал, что в этом случае мы должны получить по 10 долларов за каждую тонну, другими словами, в нашем резервуаре накоплены запасы нефти на 1 миллион долларов. Но мы упустили из виду подземные запасы, из которых природа без малейших признаков истощения неустанно черпает день за днем тысячи тонн.

Я очень интересовался нефтяными источниками и много раз предпринимал туда поездки. В 1864 году я отправился в новый нефтеносный район в Огайо, где бурением удалось обнаружить мощное месторождение, дававшее особый сорт нефти, очень подходящий для получения машинного масла. Последняя моя поездка, предпринятая совместно с мистером Колманом и мистером Д. Ричи, — самая удивительная, какую мне пришлось совершить в жизни. Мы оставили железнодорожную линию на расстоянии нескольких сот миль от Питсбурга и углубились в

редконаселенную страну, где находился этот сказочный источник. Мы купили его и пустились в обратный путь.

Во время возвращения начались наши злоключения. Погода до тех пор стояла прекрасная, и дороги, по которым мы ехали, были в довольно хорошем состоянии. Но тут пошел сильный дождь, и не успели мы отъехать в нашем экипаже на небольшое расстояние, как картина резко изменилась. Дорога превратилась в липкую кашу, в которой наш экипаж увязал. Дождь лил как из ведра, и можно было ожидать, что он продлится всю ночь. Мистер Колман лежал, вытянувшись во весь рост, у одного края экипажа, мистер Ричи — у другого, а я, тогда еще довольно худой и легковесный, лежал, стиснутый между двумя толстяками. Время от времени наш экипаж отчаянными толчками продвигался вперед на несколько шагов, затем он окончательно застрял. Так мы провели ночь, но, несмотря на все злоключения, были очень веселы.

На следующий вечер мы благополучно добрались наконец до маленького городка, жителей которого нашли в большой тревоге. Небольшая церковка была ярко освещена, колокола вовсю звонили. Не успели мы остановиться в гостинице, как к нам явилась депутация и объявила, что нас уже ждут и вся община в сборе. Очевидно, они ожидали проповедника, задержавшегося, как и мы, из-за дурной погоды. Почему-то меня приняли за это духовное лицо и спросили, скоро ли я явлюсь в собрание. Я и мои спутники находились в таком настроении, что, пожалуй, не прочь были проделать эту мистификацию, но я чувствовал себя слишком утомленным. Никогда я не был так близок от церковной кафедры, как в тот день.

Мои предприятия в такой степени требовали теперь моего внимания, что я решил отказаться от железнодорожной службы и посвятить все свое время исключительно собственным делам. В 1865 году я вышел в отставку.

С тех пор я нигде больше не состоял на службе. Тот, кто находится в зависимости от других, далеко не пойдет. Даже если он доберется до председательского поста в какой-нибудь компании, он все-таки не сможет чувствовать себя хозяином дела, если только в его руках не будет большинство акций. Даже самый дельный председатель сплошь и рядом стеснен в своей деятельности остальными акционерами, не всегда разбирающимися в делах.

В 1867 году мистер Фиппс, мистер Вандерворт (он же «Ванди») и я совершили путешествие в Европу. Мы объехали Англию и Шотландию и оттуда отправились на континент. Мы посетили почти все столицы Европы и облазили все горные вершины с альпийскими мешками за плечами. Везувий был конечным пунктом нашего путешествия. Там мы договорились совершить со временем путешествие вокруг света.

Путешествие по Европе многому меня научило. До тех пор я мало смыслил в живописи и скульптуре и только в Европе научился понимать произведения великих мастеров. В этот же период я впервые имел случай испытать настоящее наслаждение от музыки. В то время в лондонском Хрустальном дворце праздновали годовщину Генделя¹. Ни до, ни после этого я не испытал такого впечатления от музыки.

---

¹ Гендель Георг Фридрих (1685—1759) — немецкий композитор. Большую часть жизни прожил в Англии.

В области деловой жизни я тоже получил много новых впечатлений. Стоит на короткое время вырваться из водоворота заокеанской республики, чтобы понять, как интенсивно течет там жизнь. Такое предприятие, как наше, не поспевало в своем росте, чтобы удовлетворить все потребности американской публики. А когда я попал за границу, у меня было чувство, что там ничего не двигается с места. За исключением нескольких европейских столиц весь континент казался мне погруженным в неподвижность, между тем как в Америке, куда ни повернешься, натыкаешься на картины, напоминающие вавилонское столпотворение в Библии: всюду видишь кипучую деятельность людских масс, все силы вкладывающих в завершение грандиозного здания.

**Переселение в Нью-Йорк.
Против биржевой спекуляции. Новые успехи.
Компания пульмановских спальных вагонов**

По мере того как разрастались наши предприятия, мне приходилось все чаще ездить в Нью-Йорк. Ни один концерн не мог обойтись без собственного представителя в этом центре всех сколько-нибудь серьезных предприятий в Америке. В Питсбурге нашими делами заведовали мой брат и мистер Фиппс. На мою долю выпала задача давать общие директивы фирмам, входящим в состав нашего концерна.

Таким образом, мне пришлось в 1867 году переселиться в Нью-Йорк и снова оборвать старые дружеские связи в Питсбурге. Это было тяжело для меня, но гораздо тяжелее для моей матери. Ей было очень грустно расставаться с нашим прекрасным домом в Хомвуде. В нем остался жить мой брат, женившийся на дочери моего друга и сотоварища по работе, мистера Колмана.

В Нью-Йорке на первых порах мы чувствовали себя совершенно чужими. Почти единственной нашей радостью были в то время посещения наших питсбургских друзей, приезжавших изредка в Нью-Йорк, а без питсбургских газет мы, казалось, не могли существовать. Но с течением времени завязались новые дружеские отношения, появились новые интересы, и понемногу мы обжились в Нью-Йорке.

Я достаточно долго принимал участие в деловой жизни Питсбурга, чтобы уяснить разницу между духом планомерной коммерческой работы и спекуляцией. Благодаря службе на телеграфе я познакомился с некоторыми фирмами и отдельными лицами, которые работали с нью-йоркской биржей, и внимательно следил за ними. По-моему, они просто вели азартную игру, но тогда подобных фирм было так мало, что их можно было пересчитать по пальцам. Питсбург прежде всего был промышленным городом.

В Нью-Йорке я, к своему удивлению, нашел совершенно иное положение вещей. Там в деловом мире оказалось очень мало людей, которые не играли на бирже. Меня осаждали со всех сторон расспросами о различных железнодорожных компаниях, с которыми у меня были связи. Люди, желавшие поместить куда-нибудь свои капиталы, предлагали мне взять на себя посредничество, исходя из предположения, что я, будучи лучше знаком с деловым миром, смогу выгоднее поместить их деньги. Мне предлагали войти в компании, имевшие намерение скупить главные акции известных промышленных предприятий. Вся сфера спекуляции развернулась передо мной в самых соблазнительных красках.

Но я устоял перед всеми этими искушениями. Ни разу в жизни я не купил со спекулятивными целями ни одной акции. Я придерживался правила никогда не покупать то, что не могу оплатить, и не продавать то, что мне не принадлежит. Только в начале карьеры у меня было некоторое количество ценных бумаг и акций, котирувавшихся на нью-йоркской бирже, вследствие этого я каждое утро, взяв в руки газету, прежде всего просматривал биржевые отчеты. Но я тогда же решил продать все имевшиеся у меня акции чужих компаний и сосредоточить все внимание на

наших собственных предприятиях. Я добросовестно придерживался этого правила. Спекуляция — это паразит, пожирающий ценности, но не создающий их.

Первой моей крупной работой после переселения в Нью-Йорк было строительство моста через Миссисипи.

Я уже упоминал, что в 1867 году совершил путешествие в Европу, где меня очень заинтересовало все, что пришлось там увидеть. Но из этого не следует, что я запустил за это время свои дела в Америке. Непрерывные почтовые сношения держали меня в курсе всего, что там происходило. Гражданская война поставила на повестку дня вопрос о постройке Тихоокеанской железной дороги. Земляные работы уже начались, и предполагалось довести линию до Сан-Франциско. Население желало, чтобы все области страны были соединены между собой железнодорожными путями и чтобы это было осуществлено как можно скорее. Конгресс дал согласие, и начались работы по сооружению новой линии. Я находился в то время в Риме, и однажды мне пришло в голову пустить по этой линии спальные вагоны. Я немедленно написал об этом мистеру Скотту и получил от него в ответ: «Нужно признать, мой молодой друг, что вы умеете воспользоваться случаем».

По возвращении в Америку я продолжал развивать эту мысль. Компания спальных вагонов, в которой я принимал участие, пользовалась таким успехом, что едва успевала изготавливать достаточное количество вагонов, чтобы удовлетворять все возрастающий спрос. Мы просто не имели возможности снабжать страну достаточным количеством спальных вагонов, и мистер Пульман¹, основавший подобную компанию в ве-

---

¹ Пульман Джордж Мортимер (1831–1897) — американский изобретатель и промышленник.

личайшем железнодорожном центре всего мира — в Чикаго, являлся для нас опасным конкурентом. Он так же, как и я, понял, что Тихоокеанская железная дорога должна оказаться самой доходной в мире линией спальных вагонов, и я видел, что он стремится к той же цели, что и я. Он стоял на нашем пути.

И тут произошло ничтожное, по-видимому, событие, о котором я знаю от самого Пульмана, показывающее, что самые важные решения иногда зависят от мелочей. Председатель правления Тихоокеанской железной дороги был проездом в Чикаго. Мистер Пульман явился к нему. Войдя в его комнату, он увидел на столе адресованную мистеру Скотту телеграмму следующего содержания: «Ваше предложение относительно спальных вагонов принято». Мистер Пульман невольно прочитал эти слова; телеграмма лежала на столе так, что не могла не броситься в глаза. Когда председатель Дюрран вошел в комнату, мистер Пульман сказал ему, что случайно прочел телеграмму, и прибавил:

— Я твердо надеюсь, что вы не примете окончательного решения, не рассмотрев моего предложения.

Мистер Дюрран обещал подождать. Вскоре после этого в Нью-Йорке должно было состояться заседание правления Тихоокеанской железной дороги. И я, и мистер Пульман пребывали в большом волнении, так как оба добивались приза, ценность которого была для нас одинаково очевидна. Однажды вечером мы с ним одновременно оказались на широкой лестнице отеля «Св. Николай». Мы уже однажды виделись с ним, но не были коротко знакомы. Поднимаясь по лестнице, я обратился к нему:

— Добрый вечер, мистер Пульман! Вот мы с вами оказались на одном пути. Вам не кажется, что мы оба поступаем неблагоразумно?

Он, по-видимому, не имел намерения вступать в разговор и коротко ответил:

— Что вы этим хотите сказать?

Я разъяснил ему истинное положение вещей, а именно: конкурируя друг с другом, мы сами лишаем себя тех выгод, которых добиваемся.

— Это правда, — сказал он, — но как же поступить?

— Действовать заодно, — ответил я, — сделать сообща предложение Тихоокеанской железной дороге. Я предлагаю, чтобы ваша и моя компании работали рука об руку и чтобы они слились в одну.

— А как будет называться эта компания?

— Назовем ее «Компания пульмановских спальных вагонов», — предложил я.

— Пойдемте ко мне в комнату и переговорим подробнее, — сказал король спальных вагонов.

Я последовал за ним, и в результате мы сообща подписали договор с Тихоокеанской железной дорогой. А дальнейшим следствием нашего разговора оказалось слияние обеих компаний.

Пульман сделал такую типичную американскую карьеру, что о нем стоит сказать несколько слов. Он был простым плотником, но когда потребовалось поднять Чикаго ¹, он начал брать заказы на подъем и перемещение домов. Это приносило ему порядочные доходы, так что в конце концов, начав с небольшого, он превратился в одного из самых крупных предпринимателей в этой области. Если требовалось поднять на три метра большой отель, не потревожив при

¹ Во второй половине 1850-х годов власти Чикаго столкнулись с серьезной проблемой затопления улиц построенного на болоте города в сезон непогоды. Выход состоял в создании комплексной коллекторной системы, для строительства которой требовалось значительно поднять фундаменты домов. Пульман, используя технологию переноса зданий, запатентованную его отцом, успешно справился с этой работой.

этом его многочисленных обитателей, обращались к мистеру Пульману. Он был одним из тех редких людей, которые мгновенно ориентируются в любой ситуации и, так сказать, плавают там, где течение всего сильнее. Он, как и я, понимал, что Америка не может обойтись без спальных вагонов.

Наша восточная компания ни в коем случае не могла бы конкурировать с компанией, организованной таким сильным человеком, как Пульман. Это было для меня очевидно. Правда, патенты были собственностью нашей компании, и мистер Вудрафф, изобретатель спальных вагонов, был нашим главным акционером. Но тем не менее нам было выгодно работать вместе. Мне было поручено вести переговоры по этому делу, и в результате произошло слияние наших компаний.

**Дальнейшее развитие наших предприятий.
Покровительственный тариф.
Финансовый кризис 1873 года**

Однажды я получил телеграмму от мистера Скотта, приглашавшую меня немедленно прибыть на заседание в Филадельфию. Дело заключалось в следующем. Некоторое время тому назад мистер Скотт возымел намерение построить Техасско-Тихоокеанскую железную дорогу. Я очень настойчиво советовал ему не приступать к строительству такой большой линии, пока у него не будет необходимого капитала, и не полагаться на займы. Но он не послушался моего совета. Теперь он сообщил, что наступил срок уплаты по большому займу, взятому им на постройку линии у Моргана в Лондоне, и что тот соглашается отсрочить платеж при условии, что я приму участие в займе. Я отказался. Тогда мне был поставлен вопрос: готов ли я своим отказом разорить своих друзей?

Это был один из самых мучительных моментов в моей жизни, но я не колебался ни минуты. Все мои капиталы были вложены в наши предприятия, и я не мог взять оттуда ни одного доллара. Я, хотя и в скромных еще размерах, был капиталистом нашего концерна и нес ответственность за судьбу всех его участников.

Я напомнил мистеру Скотту, что в свое время с моей стороны было сделано все, чтобы отговорить

его от этой постройки. Хотя я и не сочувствовал его планам, тем не менее я внес в это дело свою долю — 250 тысяч долларов наличными. Но ничто в мире не могло бы заставить меня предоставить свое имя для чуждого предприятия: я отвечаю своим именем только за собственную фирму.

В жизни делового человека нет большей опасности, чем поручительство за другое лицо. Этой опасности легко избежать, если поставить перед собой два вопроса. Первый: окажется ли у меня в случае необходимости достаточно свободных средств, чтобы уплатить всю сумму, за которую я поручился? И второй вопрос: готов ли я лишиться этой суммы ради того, за кого я даю поручительство? В случае утвердительного ответа — но только в этом случае — можно оказать другу подобную услугу. Но тогда возникает вопрос, не лучше ли сразу выложить эту сумму наличными, чем давать за нее поручительство. Я уверен, что в большинстве случаев лучше всего поступить именно таким образом.

На другое утро я вместе с участниками вчерашнего совещания возвращался в Нью-Йорк. По дороге один из них сказал, что видит во всем вагоне только одного разумного человека, все остальные — «идиоты». «Разумный человек», по его мнению, был «Энди» (это мое уменьшительное имя), который наличными деньгами внес свою долю, не должен никому ни доллара и не несет никакой ответственности за все это дело. Другой спросил меня, как я ухитрился благополучно проскочить через эту проклятую историю. Я ответил: «Только потому, что я добросовестно держался того, что считал своим долгом: никогда не подписывать вексель, не будучи заранее уверен, что буду в состоянии заплатить по нему, или, другими словами, никогда не соваться в воду, не зная броду».

В этот период моей жизни мне часто приходилось бывать в Европе по разным финансовым делам. Мой брат и мистер Фиппс так хорошо справлялись с управлением нашими предприятиями, что я спокойно мог отсутствовать целыми неделями. Мои дела в Лондоне шли настолько успешно, что я рисковал отойти от промышленной деятельности и целиком предаться финансовым и банковским мероприятиям. Но меня все сильнее влекло к промышленности. Я хотел производить ощутимые ценности. Поэтому я продолжал вкладывать все свободные деньги в наши питсбургские заводы. С течением времени они значительно расширились и заняли первенствующее место во всех видах железных конструкций в Америке. Нашему делу предстояло большое будущее, и я решил целиком посвятить себя металлургической промышленности, чтобы довести ее до возможного совершенства.

Позиция, занятая правительством по вопросу о таможенном тарифе, совершенно рассеяла мои опасения за будущее нашего дела. Я видел, что Гражданская война вызвала в американском народе твердую решимость образовать самодостаточную нацию, независимую от Европы во всех жизненных вопросах. До тех пор Америке приходилось удовлетворять свои потребности в стали — и в значительной степени в железе — ввозом из-за границы, причем главным поставщиком являлась Англия. Теперь народ требовал, чтобы все это производилось внутри страны, и Конгресс поддержал отечественную промышленность, установив пошлину на ввоз стальных рельсов в размере двадцати восьми процентов стоимости.

Покровительственные тарифы оказали громадное влияние на развитие промышленности в Америке. До Гражданской войны это был партийный воп-

рос. Южные штаты были сторонниками свободной торговли, потому что ввозные пошлины приносили доход только северным штатам. Но после войны партийный вопрос превратился в вопрос национальный. Это был гражданский долг — изыскать новые источники существования для страны.

В свое время мы были поставлены перед необходимостью самостоятельно изготавливать кованое железо для постройки мостов и других сооружений, теперь мы сочли своевременным приступить к производству чугуна. С этой целью мы в 1870 году в виде опыта построили первую доменную печь. Успех этого предприятия превзошел самые смелые ожидания: доменная печь ежедневно давала нам 100 тонн чугуна — количество, на производство которого прежде требовалась целая неделя. Мы побили в этом отношении рекорд, и многие приходили к нам, чтобы посмотреть на невиданное чудо.

Мы обязаны моему двоюродному брату Джорджу Лодеру важным нововведением, до тех пор совершенно неизвестным в Америке. Он был инженером-механиком, и ему пришлось наблюдать в Англии способ промывки и коксования отходов из угольных шахт. Узнав об этом, я немедленно предоставил средства, необходимые для осуществления подобного предприятия. Мы заключили с угольными фирмами контракты на поставку отходов и заключили соглашение с железнодорожными компаниями относительно условий перевозки. В течение многих лет мистер Лодер руководил возведением и эксплуатацией коксовальных печей, впервые построенных в Америке. Успех этого дела был огромен.

Число таких печей постепенно возрастало и дошло до пятисот. Должен признаться, что всякий раз, когда я прохожу мимо коксовальных печей, мне при-

Э. Карнеги в 35 лет. Фотография предоставлена ДМЭК

ходит в голову одна мысль: «Тот, кто выращивает два стебля на том месте, где прежде был один, имеет заслуги перед своим народом. Но тот, кто добывает наилучшее топливо из таких материалов, которые прежде выбрасывались как негодные, имеет полное право гордиться делом своих рук. Прекрасно создать

что-нибудь из ничего; но еще прекраснее быть первой фирмой в нашей части света, которая этого добилась».

Когда теперь я оглядываюсь назад, мне кажется почти невероятным, что в семидесятых годах прошлого столетия в Америке химия не играла никакой роли при производстве чугуна. А между тем трудно переоценить ее важность в металлургической промышленности. В те времена доменной печью обыкновенно управлял какой-нибудь дюжий молодец — чаще всего иностранец, — который при случае мог и поколотить рабочего для острастки остальных. О состоянии своей доменной печи он судил по наитию, напоминая в этом отношении своих деревенских земляков, о которых шла слава, что они посредством волшебной палочки могут определить, где скрывается под землей источник воды или нефти.

Подобное положение вещей было совершенно нетерпимо. Дело кончилось тем, что мы сместили прежнего управляющего, назначили вместо него другого, а в помощники ему пригласили химика доктора Фрике, образованного немца, который открыл нам вещи, о существовании которых мы даже не подозревали. Например, мы узнали, что железная руда, добытая на самых лучших рудниках, содержит нередко на десять, пятнадцать и даже двадцать процентов железа меньше, чем мы предполагали. Вдруг оказалось, что рудники, имевшие до тех пор не очень хорошую репутацию, дают руду высокого качества. То, что считалось хорошим, оказалось плохим, и наоборот; все стало с ног на голову. Девять десятых нашего неведения в области производства чугуна растаяло как воск под ярким солнцем химических знаний.

Какими же мы были глупцами! Но мы могли утешиться тем, что наши конкуренты были еще глупее.

Годы прошли с тех пор, как мы передали руководство всем производством чугуна химику, а владельцы других доменных печей все еще продолжали утверждать, что у них не хватает средств на содержание химика. Если бы они ясно представляли себе положение вещей, то давным-давно поняли бы, что эксплуатация без химика обходится несравненно дороже.

В 1855 году английский техник Генри Бессемер изобрел способ переработки чугуна в сталь, вызвавший целый переворот в сталелитейной промышленности. Благодаря этому способу оказалось возможно за двадцать минут получать такое количество литой стали, какое при прежних способах производилось двадцать четыре часа. Я внимательно следил за опытами Бессемера, и мне было ясно, что если они окажутся успешными, то кончится эра железа и наступит век стали. Будучи в Англии, я окончательно убедился, что этот метод, не требуя больших финансовых затрат, дает блестящие результаты. К такому же заключению пришел и мистер Колман, всегда с готовностью шедший навстречу новым методам. Мы образовали акционерную компанию и 1 января 1873 года открыли завод по производству стальных рельсов.

Дело уже было наладилось, как вдруг в сентябре 1873 года разразился финансовый кризис. Это был самый тревожный период за все время моей деловой жизни. Однажды утром, когда я отдыхал в Аллеганских горах, мне подали телеграмму, извещавшую о банкротстве фирмы «Jay Cooke & Co». За этой телеграммой посыпались известия о все новых банкротствах. Одна фирма за другой прекращала платежи. Каждое утро мы спрашивали себя, чья очередь на этот раз. Всякое новое банкротство ослабляло платежеспособность остальных фирм, пока в стране не наступил полный паралич деловой жизни.

Нас заботили не столько собственные деньги, сколько мысль о том, сколько нам должны другие. Не те счета, которые поступали к нам, а те счета, которые исходили от нас, требовали величайшего внимания. Дело дошло до того, что некоторые железнодорожные компании, линии которых скрещивались в Питсбурге, задолжали нам большие суммы за поставку материалов. Для питсбургских промышленников было совершенно невозможно выполнять свои обязательства, когда наши должники прекращали платежи. Занять же где-нибудь деньги было невозможно даже при наилучших отношениях. Но я продал ценные бумаги, имевшиеся у меня в запасе, и благодаря этому в нашем распоряжении оказались значительные суммы. Итак, мы благополучно пережили тяжелое время.

В самом начале кризиса я волновался и тревожился больше всех остальных акционеров. Но когда стало ясно, что наше финансовое положение не так уж плохо, я успокоился. Конечно, как только разразилась финансовая буря 1873 года, мы вынуждены были немедленно убрать паруса. Как это было ни тяжело, нам пришлось приостановить работы на новом рельсопрокатном заводе.

Первый порыв бури задел прежде всего финансовые круги, имевшие дело с биржей. Прошло некоторое время, прежде чем ее ощутил остальной деловой мир. Но положение неудержимо ухудшалось, и наконец разразился крах, который увлек в пропасть моих друзей с Техасско-Тихоокеанской железной дороги. Для меня это было самым тяжелым ударом. Вначале никто не верил, что я, при своих личных отношениях с Техасской группой, не участвовал в их финансовых обязательствах.

Директор Питсбургского обменного банка находился в Нью-Йорке, когда туда пришло известие о

банкротстве мистера Скотта и мистера Томсона. Он тотчас поспешил в Питсбург и на другой день на заседании правления банка заявил, что считает совершенно немыслимым, чтобы я не был причастен к данному делу. На этом основании он предложил, чтобы банк воздержался от дальнейшего учета наших векселей. Узнав об этом, я решил немедленно действовать. Первым же поездом я отправился в Питсбург и доказал всем заинтересованным лицам, что хотя и состою акционером Техасско-Тихоокеанской дороги, но уплатил наличными за свои паи. Ни на одном из их векселей не стояла моя подпись. У меня не было никаких финансовых обязательств по отношению к ним, и все, что имелось у меня на руках, было мною оплачено и принадлежало мне. Все мои обязательства ограничивались моим собственным предприятием, и тут я считал себя ответственным за каждый доллар.

После этого все сомнения по отношению к нам в финансовых кругах окончательно рассеялись и уступили место, быть может, недостаточно мотивированному доверию. Наш кредит стал с тех пор непоколебимым.

Рельсопрокатное производство. Писательство. Путешествие вокруг света

Работы на рельсопрокатном заводе настолько продвинулись вперед, что в 1874 году его можно было открыть. Мне представили план, согласно которому весь завод состоял из двух подразделений; одним должен был заведовать некий мистер Стивенсон, шотландец, другим — мистер Джонс. Я был того мнения, что на одном предприятии не должно быть места двум руководителям с одинаковыми полномочиями. При подобных условиях дело обречено на неизбежную гибель, как войско с двумя главнокомандующими или корабль с двумя капитанами. И я заявил:

— Так дело не пойдет. Я не знаю ни мистера Стивенсона, ни мистера Джонса, но командовать может только один из них, и только этот один должен нести ответственность.

Выбор пал на мистера Джонса. Таким образом, мы получили «капитана», имя которого известно всем, кто знаком с бессемеровским производством. «Капитан» в то время был еще очень молод и очень беден; он перешел к нам с соседней фабрики, где служил механиком с поденной платой в два доллара. Мы скоро убедились в том, что это замечательный человек. Ему мы в значительной степени были обязаны успехом нашего рельсового производства. Впоследствии

мы предложили ему участие в прибылях, что дало бы ему миллионы. И он отказался.

— Нет, — сказал он, — мне не хочется отвлекаться на коммерческую сторону предприятия. У меня достаточно дела с самим производством. Но если вы думаете, что я этого заслуживаю, то прибавьте мне жалованье.

— Хорошо, капитан, мы вам назначаем жалованье президента Соединенных Штатов.

— От этого я не откажусь, — ответил Джонс.

Наши конкуренты по производству стальных рельсов вначале не обращали на нас внимания. Зная трудности, с которыми им пришлось столкнуться в этом деле на первых порах, они не могли представить, что мы окажемся в состоянии обеспечить поставки рельсов уже через год, и не считали нас серьезными соперниками. Когда мы начали работать, цена стальных рельсов составляла около семидесяти долларов за тонну. Мы разослали по всей стране агентов, которым поручили собрать заказы по самым доступным ценам, и не успели конкуренты опомниться, как у нас оказалось такое количество заказов, что можно было приступить к делу.

Машины, которые поставил мистер Джонс, планы, по которым он работал, люди, которых он выбирал, были такими выдающимися, что дело пошло блестяще и результаты превзошли все ожидания. Достаточно сказать, что за первый же месяц мы заработали 11 тысяч долларов. Замечательно также и то, что введенная нами система счетов дала нам возможность рассчитать доход с величайшей точностью. Опыт наших металлургических заводов показал, какое значение имеет эта система. Нет ничего выгоднее для предприятия, чем несколько конторщиков, которые ведут точный учет материалов, перемещающихся в процессе производства из одного подразделения в другое.

Окрыленный успехом нашего нового предприятия, я счел возможным устроить себе на этот раз более продолжительные каникулы и исполнить свое давнее желание — совершить путешествие вокруг света. Итак, осенью 1878 года мистер Вандеворт («Ванди») и я двинулись в путь. Я взял с собой несколько блокнотов и каждый день заносил туда впечатления. Сначала я и не помышлял о книге, а просто думал переписать свои заметки в нескольких экземплярах для друзей. Но когда видишь собственные мысли напечатанными в книге — это совсем особенное чувство. Когда мне прислали ее из типографии, я пересмотрел ее еще раз, чтобы понять, стоит ли послать по экземпляру друзьям. И решил, что стоит.

Когда пишешь книгу для друзей, нет оснований предполагать, что она будет плохо принята. Но отзывы, которые я от них получил, превзошли мои ожидания, и я прожил несколько месяцев в полном упоении. Понадобилось несколько новых тиражей, чтобы удовлетворить просьбы людей, желавших ознакомиться с книгой, в газетах появились извлечения, и в конце концов издательство «Charles Scribner's Sons» обратилось ко мне с предложением выпустить ее в свет. Таким образом была издана книга «Вокруг света»¹, и я стал «писателем».

Кругосветное путешествие открыло мне новые горизонты. Вся моя умственная жизнь получила иное направление. Спенсер² и Дарвин³ находились тогда в зените своей творческой деятельности, ко-

---

¹ *Carnegie A. Round the World.* — New York; London: Charles Scribner's Sons, 1884. — *Примеч. из американского издания.*

² Спенсер Герберт (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма.

³ Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) — английский натуралист и путешественник, заложивший основы современной эволюционной теории.

торая вызывала во мне живейший интерес. Я начал рассматривать различные стадии жизни человечества с точки зрения эволюционной теории. В Китае я изучал Конфуция¹, в Индии — Будду² и священные книги индусов, у парсов в Бомбее — Зороастра³. В результате путешествия я ощутил в себе некоторую внутреннюю тишину. Где прежде был хаос, там теперь воцарился порядок. Моя душа умиротворилась. Я обрел наконец свою философию. Слова Христа «Царство Божие внутри вас» приобрели для меня совершенно новый смысл. Царство Божие не в прошлом и не в будущем, а в настоящем, здесь, на земле. Все наши обязанности относятся к настоящему миру и настоящему времени, и тщетны все стремления заглянуть за эти пределы.

Остатки церковных воззрений, среди которых я вырос, перестали оказывать влияние на мое мышление.

В это время появилась книга Эдвина Арнольда⁴ «Свет Азии» о жизни и учении Будды, которая доставила мне величайшее наслаждение. Я был перед тем в Индии и при ее чтении почувствовал себя снова перенесенным туда. Впоследствии, когда в Лондоне

---

¹ Конфуций (Кун-Цзы; около 551 до н. э. — 479 до н. э.) — китайский мыслитель и философ.

² Будда (буквально — «пробудившийся») — в буддизме существо, достигшее просветления. В более узком значении Будда — эпитет Сиддхартхи Гаутамы (примерно 563—483 до н. э.), являющегося согласно буддийской традиции основателем буддизма.

³ Зороастр (Заратуштра) — пророк и реформатор древнеиранской религии. Жил в восточном Иране ориентировочно между X и первой половиной VI века до н. э. Основатель зороастризма.

⁴ Арнольд Эдвин (1832—1904) — английский поэт и журналист. Его главный труд «The Light of Asia: The Great Renunciation» («Свет Азии: Великое отречение») вышел в свет в Лондоне в 1879 г.

я познакомился с автором, он подарил мне рукопись этой книги. Я свято храню ее.

Каждый, кто имеет малейшую возможность, должен совершить кругосветное путешествие хотя бы ценой больших жертв. В сравнении с ним все остальные путешествия кажутся незаконченными, потому что дают нам лишь неполные впечатления от обрывков целого. Но тот, кто объездил все страны, возвращается домой с таким чувством, что видел (правда, в общих чертах) все, что можно увидеть. Разрозненные части смыкаются в стройное целое, и познаешь человечество в его различных образах с различными идеалами и целями.

Путешественник вокруг света, подробно изучивший священные книги Востока, приходит к заключению, что каждый народ считает свою религию наилучшей. Каждый народ радуется судьбе, выпавшей на его долю, и считает, что в гостях хорошо, а дома лучше.

В доказательство приведу два эпизода из моей книги «Вокруг света».

Мы посетили однажды туземцев, собиравших маниоку в лесах Сингапура. Они усердно работали. Дети бегали совершенно нагишом, на родителях были кое-какие лохмотья. Наше появление вызвало у них величайшее удивление. Мы вступили с ними в разговор через переводчика и рассказали им среди прочего, что прибыли из такой страны, где в это время года вода в пруду становится настолько твердой, что можно по ней бегать, а иногда даже проехать на лошади. Они с изумлением спросили, отчего мы не селимся в таком случае в их стране. Очевидно, они чувствовали себя очень хорошо в своих условиях жизни.

А вот другой случай. По дороге к Нордкапу мы посетили оленьи стойбище в Лапландии. С нами был

матрос с нашего корабля. На обратном пути мы шли с ним вместе; подойдя к фиорду, мы остановились и стали смотреть на противоположный берег, где увидели несколько рассеянных хижин и строящийся двухэтажный дом.

— Что это за дом? — спросил я.

— Это, наверное, жилище человека, который родился в Тромсё, нажил за границей много денег и теперь вернулся сюда, чтобы прожить здесь остаток жизни. Он очень богат.

— Вы рассказывали мне, что во время своих плаваний тоже объездили весь мир. Вы знаете Лондон, Нью-Йорк, Калькутту, Мельбурн и всевозможные другие города. Где вы хотели бы жить на старости лет, если бы тоже разбогатели, как это человек?

Его глаза заблестели, и он ответил:

— О, в мире нет другого такого места, как Тромсё!

Этот Тромсё лежит в арктическом поясе, и ночь там длится полгода, но он родился в Тромсё. О родина, милая родина!

Многие условия жизни и законы природы кажутся нам несправедливыми и жестокими, но есть целый ряд таких, которые поражают своей красотой. К их числу, без сомнения, относится любовь к родине, не интересующаяся тем, какова эта родина и где она лежит.

В Шотландии. Смерть матери. Женитьба и семейная жизнь

12 июля 1877 года мой родной город Данфермлин преподнес мне почетное гражданство. Это было величайшей честью, оказанной мне в жизни. В книге почетных граждан города Данфермлина кроме моего стояло еще три имени. Одно из них принадлежит Вальтеру Скотту, первому почетному гражданину Данфермлина. Мои родители рассказывали, что видели его однажды, когда он делал набросок старого монастыря.

Мне пришлось снова побывать в Данфермлине летом 1881 года при закладке первой учрежденной мною народной библиотеки. Я уже рассказывал в другом месте, что в данном случае только пошел по стопам своего отца. Город решил назвать ее «Библиотекой Карнеги». Архитектор, строивший дом, обратился ко мне с вопросом, какой у меня герб. В ответ на это я сказал, что герба у меня нет, но предложил ему высечь на стене над входной дверью изображение восходящего солнца с расходящимися лучами, а под ним слова: «Да будет свет!». Он так и сделал.

В этот свой приезд я объехал вместе с некоторыми друзьями всю Великобританию на лошадях. Всего нас было девять человек. Это путешествие — одно из самых счастливых воспоминаний моей жизни.

Поездка по Шотландии от Брайтона до Инвернесса в 1881 году. Путешественники сделали остановку в Данфермлине, чтобы мать Э. Карнеги смогла заложить первый камень в здание первой библиотеки, построенной на его средства. *Фотография предоставлена ДМЭК*

Каждый вечер я заносил в записную книжку краткие заметки о впечатлениях дня. С этими записями произошло то же, что и с книгой «Вокруг света». Я сначала и не думал, что из них выйдет что-нибудь, кроме, быть может, газетной статьи или краткого отчета для друзей, участвовавших в этом путешествии. Но в один скверный зимний день, когда у меня не было охоты отправляться за три мили в нью-йоркскую контору, я стал придумывать, чем бы заполнить свободное время, и вспомнил о нашем путешествии на лошадях. Я достал записные книжки и принялся за работу. Дело пошло на лад, и к концу дня у меня оказалось написано около четырех тысяч слов. Через три недели книга была готова. Я передал ее из-

Библиотека в Данфермлине, построенная на средства Э. Карнеги. Фотография предоставлена ДМЭК

дателю Скрибнеру с просьбой напечатать несколько сот экземпляров на правах рукописи. Книга моим друзьям понравилась.

Через некоторое время один из них передал мне, что Скрибнер прочел книгу и предлагает напечатать ее для широкой публики. Нетрудно заставить тщеславного автора поверить, что его произведение превосходно, и я согласился. Таким образом увидела свет моя вторая книга «На четверке лошадей по Британии»¹.

Конец 1886 года принес мне тяжелое горе. Мои мать и брат умерли в ноябре после кратковременной болезни, в то время как я сам лежал в тяжелом тифе и боролся со смертью. Так кончилась счастливая пора моей молодости, и я остался в мире совершенно один.

Я заболел первым; мы были в то лето на отдыхе в Аллеганских горах и проводили там с матерью чудные дни. Перед самым возвращением в Нью-Йорк я почувствовал себя плохо. Доктор определил у меня тиф, и профессор Деннис, вызванный из Нью-Йорка, подтвердил этот диагноз. Вслед за этим слегла моя мать, а из Питсбурга пришло известие, что заболел и брат.

Врачи считали мое положение безнадежным. Мне ничего не говорили о серьезном положении матери и брата. А когда до меня дошла весть о том, что их уже нет, мне казалось совершенно естественной мысль, что я последую за ними.

Но судьба распорядилась иначе. Я начал медленно выздоравливать. В то время у меня было только одно утешение, один луч надежды. Я уже несколько лет

---

¹ Книга вышла в 1883 году в Нью-Йорке под названием «An American Four-in-Hand in Britain». — *Примеч. из американского издания.*

был знаком с мисс Луизой Уайтфилд. Она была из тех, к кому можно отнести слова Шекспира:

*Встречал я многих женщин. Много раз
Пленялся музыкою женской речи.
То тем у них прельщался, то другим.
Но каждый раз досадные изъяны,
Как ложка дегтя, портили весь мед,
Мешая полюбить. Но вы... О, вы
Вне всяких оговорок совершенны!
Чтобы создать вас, у земных созданий
Все взято лучшее ¹.*

Она не сразу приняла мое предложение. Против меня было мое богатство, и ей казалось, что она ничем в моей жизни быть не может. Ее идеалом был человек, борющийся за жизнь, для которого она могла бы быть настоящим товарищем, как когда-то ее мать для ее отца. Ей был двадцать один год, когда она лишилась отца, и с тех пор заботы о семье всецело лежали на ней. Теперь ей минуло уже двадцать восемь, это был вполне сложившийся человек. Мы изредка с ней переписывались.

Как только состояние моего здоровья настолько улучшилось, что я мог выдержать переезд, профессор Деннис перевез меня в Нью-Йорк к себе на квартиру, и там я находился под его личным наблюдением до полного выздоровления. Меня посетила мисс Уайтфилд. Теперь она видела, что я в ней нуждаюсь. Я остался совершенно один в мире. Теперь она могла быть моим товарищем во всех отношениях. Теперь ее сердце и рассудок не были больше в расладе.

28 апреля 1887 года мы обвенчались в Нью-Йорке и поехали в свадебное путешествие на остров Уайт.

---

¹ Уильям Шекспир, «Буря», акт III, сцена I (перевод О. Сороки).

Замок Скибо в Шотландии, купленный Э. Карнеги в 1898 году для своего семейства. *Фотография предоставлена ДМЭК*

Моя жена пришла в восторг, увидев впервые в жизни полевые цветы. Она слышала, что существуют на свете чабрец, анютины глазки, незабудки, первоцвет и тому подобное, но знала их до тех пор только по названиям.

Оттуда мы поехали в Шотландию и провели несколько дней в моем родном Данфермлине. Мы обошли с ней все уголки, бывшие местом действия самых важных происшествий моего детства, и я должен был рассказать ей все до последних мелочей. Она видела во всей красе наших шотландских музыкантов — волынщиков — и восхищалась их игрой. Она говорила, что если бы ее сослали на необитаемый остров и разрешили иметь только один музыкальный инструмент, она бы выбрала волынку. Ей

Замок Скибо. Фотография из Библиотеки Карнеги (далее — БКП) в Питсбурге. Все права защищены

хотелось иметь волынщика у нас в доме, и мне не стоило труда исполнить ее желание.

Дядя Лодер приискал нам на лето дом в Килграс-тоне, и там мы провели все остальное время. Жена непременно хотела видеть у себя всех моих старых дядюшек и тетюшек из Данфермлина. Они приехали к нам, а также многие из друзей.

Жена моя была в восторге от всего, что видела и слышала в Шотландии. Она много о ней читала, будучи молодой девушкой. Романы Вальтера Скотта и его «Герои Шотландии» были ее любимыми книгами. Она полюбила Шотландию чуть ли не больше меня самого. Таким образом, исполнились лучшие сны моей молодости. В течение целого ряда лет мы уезжали в Шотландию на жаркие месяцы.

В 1897 году у нас родилась дочь.

— Мы назовем ее Маргарет в память о твоей матери, — сказала мне жена. — А теперь у меня к тебе просьба.

— Какая?

— Сейчас, когда у нас малютка, я хотела бы иметь собственный дом на лето, чтобы не быть связанной сроками приезда и отъезда.

— Согласен, — сказал я с радостью.

— Но с одним условием.

— С каким же?

— Чтобы этот дом находился в горах Шотландии.

— Это и мое горячее желание. Ты же знаешь, я не переносу жаркого солнца. Где же лучше укрыться от него, как не в горах моей любимой родины?

Так состоялась покупка замка Скибо.

Прошло уже двадцать лет с тех пор, как жена вошла в мою жизнь, совершенно опустошенную утратой матери и брата, и придала ей новое содержание. Она дала мне столько счастья, что я совершенно не могу себе представить жизнь без нее.

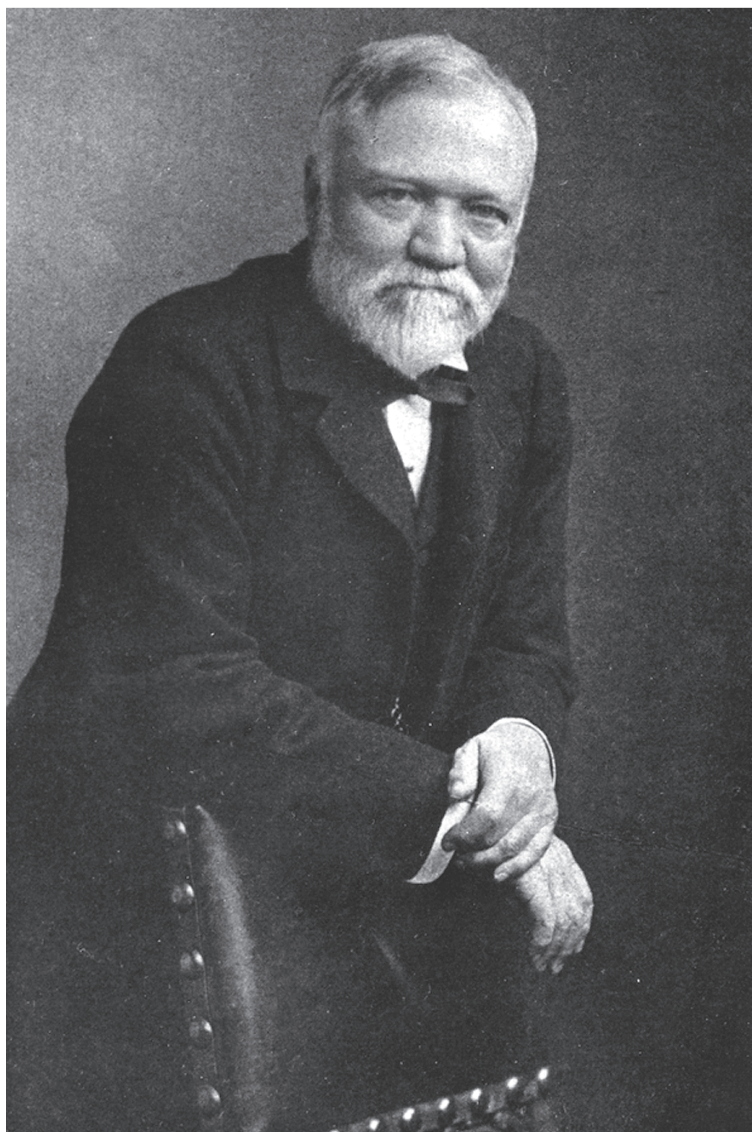
Развитие стального концерна. Стачка на Хомстедских заводах

Будучи в Англии, я убедился, как важно для металлургической промышленности иметь собственную добычу сырья и все стадии переработки до конечного продукта. Ввиду крайней трудности получения в нужные сроки чугуна в необходимых для нашего рельсового производства количествах мы решили построить еще несколько доменных печей и в одной из них стали изготавливать зеркальный чугун и ферромарганец.

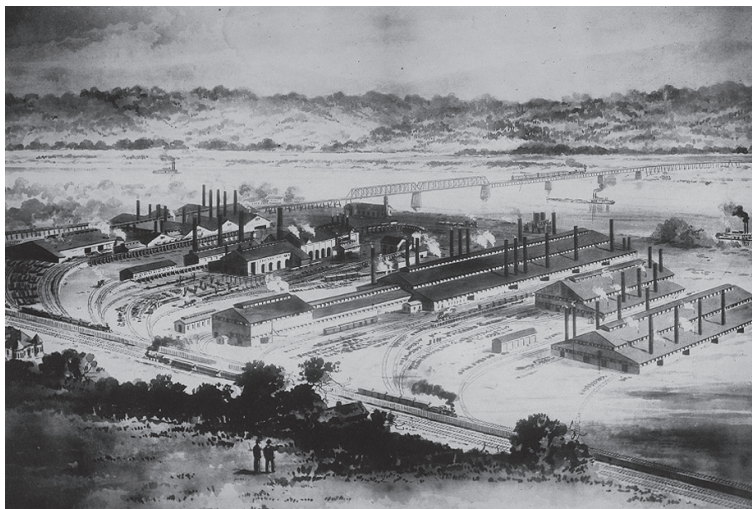
Мы были второй фирмой в Соединенных Штатах, которая сама стала заниматься производством необходимого ей зеркального чугуна, и на протяжении долгого времени — единственной фирмой на всю Америку, которая производила ферромарганец. До этого мы зависели от других в отношении этого драгоценного для нас материала и должны были платить за него по восемьдесят долларов за тонну. Первые же опыты с собственным производством ферромарганца дали блестящие результаты: мы оказались в состоянии удовлетворить спрос всей Америки, и цены на этот материал снизились с восьмидесяти до пятидесяти долларов.

Дальнейшим шагом к нашей независимости стало приобретение собственного производства кокса, необходимого для выплавки чугуна, а также собствен-

Э. Карнеги в 1896 году. Фотография из БКП. Все права защищены

Сталелитейное предприятие в Хомстеде. Фотография предоставлена ДМЭК

ных рудников. Мы отлично понимали, что в ближайшем будущем предстоит полное вытеснение железа сталью. Даже в нашем кистонском производстве мостов мы все больше заменяли железо сталью. Новая королева Сталь победоносно вступала в мир и готовилась свергнуть с престола своего предшественника — Железо.

В 1886 году мы решили построить еще один сталелитейный завод и как раз в это время узнали, что синдикат питсбургских промышленников собирается продать так называемые Хомстедские заводы. Я предложил им слиться с нашей фирмой. После этого нам оставалось только открыть предприятие, перерабатывающее в самые разнообразные изделия сталь с Хомстедских заводов. Мы производили там решительно все, что только можно сделать из стали, начиная с тоненьких гвоздей

и кончая двадцатидюймовыми балками. Это было последнее звено нашей пенсильванской цепи. В то время казалось, что у нас там больше нет поля для деятельности.

Интересно указать хотя бы кратко на успехи, достигнутые нами за десятилетие между 1888 и 1897 годами. В 1888 году в наше предприятие было вложено 20 миллионов долларов, в 1897-м — 45 миллионов. В 1888 году мы производили 600 тысяч тонн чугуна, по истечении десяти лет эта цифра утроилась. В 1888 году мы производили ежедневно 2 тысячи тонн железа и стали, в 1897-м — 6 тысяч тонн и так далее.

Чтобы получить тонну стали, нужно было добыть полторы тонны железной руды, перевезти ее на сто миль до озер, перегрузить на суда, везти сотни миль по воде, погрузить в вагоны и доставить за сто пятьдесят миль до Питсбурга; далее, надо было добыть полторы тонны угля, превратить его в кокс и переправить на расстояние пятьдесят миль по железной дороге. Кроме того, надо было добыть тонну известняка и везти сто пятьдесят миль до Питсбурга. Возможно ли было при таких условиях без убытка продавать три фунта стали за два цента? Признаюсь, мне это самому непонятно, но было именно так.

Америка в недалеком будущем станет самой дешевой страной с точки зрения продукции сталелитейной промышленности. Она уже теперь обслуживает корабельные верфи в Белфасте. Но это только начало. При нынешних условиях Америка может поставлять такую же дешевую сталь, как и любая страна, а ее рабочие получают более высокую заработную плату, чем где бы то ни было. В области техники дорогой работник является самым дешевым. И Америка в этом отношении идет впереди всех других стран.

Заговорив о наших заводских делах, я должен упомянуть об единственном серьезном конфликте, происшедшем между нами и рабочими за все время нашей деятельности. Он произошел летом 1892 года в то время, когда я находился в горах Шотландии. В течение двадцати шести лет я постоянно играл роль посредника в переговорах с рабочими и очень гордился тем, что у нас всегда были наилучшие взаимоотношения. Мне думается, я заслужил отзыв, данный мне мистером Фиппсом в ответ на статью в «New York Herald», в которой говорилось, что мистер Карнеги из трусости не вернулся из Шотландии в Америку, когда вспыхнула Хомстедская стачка. Он ответил, что сотрудники мистера Карнеги знали его склонность удовлетворять все требования рабочих, даже неразумные, поэтому они просили его отложить возвращение, предпочитая, чтобы его не было в Хомстеде во время стачки.

Внедрение бессемеровского способа выплавки стали произвело полный переворот в металлургии. Применявшиеся прежде машины сделались непригодными. Наша фирма поняла это и истратила несколько миллионов на то, чтобы перестроить и расширить производство. Новые машины производили на шестьдесят процентов стали больше, чем старые. Двести восемнадцать рабочих-сдельщиков, получавших плату с каждой тонны стали, заключили с нами договор на три года, и в течение этого времени оказалось необходимым установить новые машины. Таким образом, до истечения срока договора их заработок повысился почти на шестьдесят процентов.

Поэтому фирма предложила на будущее установить новый тариф с таким расчетом, чтобы эти шестьдесят процентов делились между рабочими и предприяти-

ем: рабочие должны были получать прибавку в тридцать процентов по сравнению с прежним тарифом, а тридцать процентов должны были идти предприятию на покрытие издержек по установке новых машин. Так как эти новые машины представляли собой значительное усовершенствование по сравнению с прежними, то рабочим, несмотря на возросшую производительность труда, не приходилось исполнять более тяжелую работу, чем раньше. Таким образом, наше предложение являлось более чем корректным и при нормальных условиях, конечно, с радостью было бы принято рабочими. Но наша фирма как раз в то время должна была выполнить срочный заказ на поставку оружия правительству Соединенных Штатов, заказ, от которого мы уже дважды отказывались. Кроме того, мы обязались поставить материалы для всемирной выставки в Чикаго. Некоторые рабочие, зная о положении дел, продолжали настаивать на требовании получить все шестьдесят процентов в свою пользу, полагая, что фирме при данных обстоятельствах придется согласиться. Это можно было приравнять к выбору «кошелек или жизнь» под угрозой пистолета. В таких условиях представлялось совершенно естественным, что требование рабочих было отклонено. Будь я в то время на месте, я тоже ни за что не уступил бы такому требованию.

До этого случая все происходило довольно корректно. При разногласиях с рабочими я всегда держался выжидательной тактики и вел с ними переговоры в спокойном тоне, стараясь объяснить несправедливость их требований, но никогда не пытался заменить бастующих рабочих новыми. Директор Хомстедских заводов лишь недавно занял этот пост и не имел достаточного опыта в подобных делах. Он

поверил обещаниям трех тысяч рабочих, не принявших участия в стачке, что они готовы приняться за работу вместо двухсот восемнадцати забастовщиков. Введенный в заблуждение, он, в свою очередь, ввел в заблуждение остальных владельцев предприятия. Ему казалось, что серьезных конфликтов не предвидится и что те, кто выразил готовность занять место бастующих, выполнят свое обещание.

Теперь, когда все уже в прошлом, легко сказать, что предприятие ни в коем случае не должно было решиться на такой шаг, как возобновление работы. Фирма должна была сказать рабочим: «Мы находимся в конфликте с частью ваших товарищей, и вы должны разрешить спорный вопрос между собой. Вам сделано совершенно приемлемое предложение. Как только спор разрешится, работа будет немедленно возобновлена, но ни на минуту раньше. Ваши места остаются за вами и будут ждать вас». Или директор должен был сказать трем тысячам рабочих: «Вы хотите возобновить работу? Хорошо, ведите дело дальше на свой страх и риск». Другими словами, так как их было три тысячи против двухсот восемнадцати, он мог предоставить им самим взять на себя ответственность и заботу о своей безопасности. Вместо этого (из предосторожности) сочли возможным впустить на заводы шерифа со взводом солдат, чтобы защитить три тысячи человек от двухсот восемнадцати. Вожаки забастовщиков были горячие головы, готовые ринуться в бой, они вооружились пистолетами и тем самым нагнали страху на остальных. Началась стрельба, с обеих сторон были убитые. Тогда губернатор Пенсильвании распорядился, чтобы Хомстед заняли войска.

Когда разразился конфликт, я путешествовал в горах Шотландии, и известие об этом дошло до

меня только через два дня. Ничто не могло потрясти меня так, как это событие. Рабочие вне всякого сомнения были неправы. С новыми машинами и по новому тарифу они могли бы зарабатывать от четырех до девяти долларов в день, то есть на тридцать процентов больше прежнего. Я получил в Шотландии от группы рабочих телеграмму следующего содержания: «Дорогой мистер Карнеги, сообщите нам, как мы должны поступить». Но было уже поздно. Несчастье произошло, и Хомстед был в руках губернатора.

Во время пребывания за границей я получил много писем от друзей, которые узнали, что случилось, и легко могли представить, каким это было для меня ударом. Письмо, полученное мною от Гладстона ¹, доставило мне особенно большую радость. Вот оно:

«Мой дорогой мистер Карнеги!

Я думаю о том, какое горе Вы пережили и каким нападкам подверглись за то, что мужественно старались побудить богатых людей поступать более благоразумно, чем это им свойственно. Мне хотелось бы отвернуть от Вас упреки журналистов, судящих зачастую поспешно, высокомерно, поверхностно и недоброжелательно. Я слишком мало могу для Вас сделать; могу только уверить Вас, что никто из тех, кто Вас знает, не станет приписывать Вам вину за печальные события, происшедшие по ту сторону океана. Никто из Ваших друзей не потеряет доверия к Вашим широким взглядам и не изменит своего отношения к тем истинно великим делам, которые Вы уже совершили.

---

¹ Гладстон Уильям Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель, глава Либеральной партии, премьер-министр в 1868—1874, 1880—1885, 1886 и 1892—1894 годах.

В наши дни богатство — это чудовище, грозящее поглотить все моральное содержание человека; Вы своими словами и делами вырвали часть добычи из его жадной пасти. Я благодарю Вас за это.

Преданный Вам У. Гладстон».

Когда я в 1892 году вернулся в Питсбург, то отправился на предприятия, где встретил многих из старых рабочих, не принимавших участия в Хомстедской стачке. Они сказали, что, будь я на месте, дело не дошло бы до стачки.

Один из моих друзей, профессор Ван Дейк, сообщил мне о следующем эпизоде, имевшем связь со стачкой в Хомстеде. Я передаю этот рассказ от его лица.

«Весной 1900 года я отправился на ферму одного моего друга в Ла Нория Верде в Мексике возле Калифорнийского залива, чтобы поохотиться в горах. Ферма эта находится далеко от цивилизованных мест, и я не рассчитывал встретить там никого, кроме нескольких мексиканцев и кучки индейцев. Но, к своему величайшему удивлению, я наткнулся там на человека, говорящего по-английски, который оказался американцем. Я очень скоро узнал, что забросило его в этот край, потому что он чувствовал себя очень одиноким и рад был случаю встретить человека, перед которым можно высказаться. Его звали Маклаки, и до 1892 года он работал механиком на заводах Карнеги в Хомстеде. Он много зарабатывал, был женат, имел собственный дом и порядочный участок земли. Он пользовался большим уважением среди сограждан и даже занимал выборную должность бургомистра в Хомстеде.

Когда в 1892 году в Хомстеде вспыхнула стачка, Маклаки, конечно, стал на сторону бастующих и в

качестве бургомистра издал распоряжение об аресте детективов, которые прибыли в Хомстед, чтобы охранять завод и поддерживать порядок. Он считал себя вправе так поступить. Они представляли собой вооруженную силу, проникшую на его территорию, и он имел право арестовать и обезоружить их. Но это привело к кровопролитию, и конфликт принял серьезный оборот.

Все знают историю этой стачки. Она кончилась поражением забастовщиков. Маклаки было предъявлено обвинение в убийстве, подстрекательстве к мятежу, государственной измене и еще в целом ряде преступлений. Ему пришлось бежать из штата. Полиция преследовала его; он был ранен и должен был скрываться, пока не минует гроза. Потом обнаружилось, что на всей территории Соединенных Штатов его имя занесено в черные списки и он нигде больше не сможет найти работу в сталелитейной промышленности. Он истратил все деньги, в довершение всех несчастий у него умерла жена, и он оказался окончательно бесприютным и одиноким. После разных злоключений он решил отправиться в Мексику. В то время, когда я познакомился с ним, он искал место на рудниках, расположенных в 15 милях от Ла Нория Верде. Но ему никак не удавалось пристроиться, и он дошел до последней крайности. Он внушал мне жалость, тем более что производил впечатление человека очень интеллигентного и не плакался на судьбу.

Мне кажется, я ему ничего не говорил о знакомстве с мистером Карнеги, которого я посетил в Шотландии вскоре после Хомстедской стачки и от которого уже знал обратную сторону этой истории. Но мистер Маклаки не высказывал ни малейшего порицания в адрес мистера Карнеги; наоборот, он не-

сколько раз повторил, что дело не зашло бы так далеко, если бы “Энди” был на месте. Он, очевидно, был того мнения, что “ребята” хорошо ладят с “Энди”, лучше, чем со многими компаньонами его предприятия.

Я прожил на ферме целую неделю и все вечера проводил с Маклаки. Оттуда я направился в Аризону и написал мистеру Карнеги о моей встрече с Маклаки. Я прибавил, что мне его очень жаль и что я того мнения, что с ним дурно поступили. Мистер Карнеги немедленно ответил мне и на полях листка приписал карандашом: “Дайте Маклаки столько денег, сколько ему понадобится, и не называйте моего имени”.

Я, в свою очередь, тотчас же написал своему новому знакомому и предложил ему деньги. Я не называл определенной цифры, но дал понять, что он может получить столько, сколько ему нужно, чтобы снова встать на ноги. Он отказался от моего предложения, говоря, что предпочитает пробиться собственными силами. Это было чисто по-американски и привело меня в восторг.

Через некоторое время мне представился случай поговорить о нем с лицом, стоявшим во главе Сонорской железной дороги. Благодаря ему Маклаки получил место и хорошо продвинулся по службе. Прошло с год или около того, и я снова встретился с Маклаки в Гуайяме у Калифорнийского залива. Он работал там в железнодорожных мастерских. Он очень изменился к лучшему, производил впечатление счастливого человека и успел жениться на мексиканке. Теперь, когда он больше не нуждался, я счел возможным рассказать ему историю с денежным займом. Мне не хотелось, чтобы он дурно думал о тех людях, которые были принуждены бороться с ним. Я сказал ему на прощанье:

— Мистер Маклаки, теперь вы должны узнать, что деньги, которые я вам предлагал, были не мои. Это были деньги Эндрю Карнеги.

Маклаки так и остолбенел. Единственное, что он смог сказать, было:

— Черт побери, Энди славно поступил!».

Эти слова Маклаки были лучшим входным билетом в рай, чем все богословские догматы, придуманные людьми.

Мои отношения с рабочими

Здесь уместно рассказать о некоторых конфликтах с рабочими, которые удалось уладить за время моей деятельности на заводах.

Однажды мы получили от рабочих, занятых в доменном производстве, циркулярное обращение с многочисленными подписями, в котором они заявляли, что приостановят работу в понедельник, в четыре часа дня, если фирма не согласится на повышение заработной платы. Но дело заключалось в том, что срок тарифа, на основании которого у нас было достигнуто соглашение, истекал только в конце года, через несколько месяцев. Я сказал себе, что если эти люди намерены нарушить соглашение, нет никакого смысла заключать с ними новое соглашение. Несмотря на это, я ночным поездом выехал из Нью-Йорка и на другой день рано утром уже был на заводе.

Я просил директора пригласить на совещание все три рабочих комитета — не только от доменного производства, которое было непосредственно замешано в этом деле, но также от прокатного и сталелитейного подразделений.

Я обратился прежде всего к представителю прокатного подразделения. Это был старик в очках.

— Мистер Маккей, у нас с вами, кажется, заключен договор до окончания года?

Он медленно снял очки, смущенно подержал их в руке и сказал:

— Да, у нас есть контракт, но даже ваших денег, мистер Карнеги, не хватило бы на то, чтобы заставить нас нарушить его.

— Так говорит настоящий американский рабочий, — ответил я, — я горжусь вами. Мистер Джонсон [это был лидер рабочих сталелитейного подразделения], у нас с вами заключен такой же договор?

Мистер Джонсон был маленький худощавый человек. Он заговорил медленно и с расстановкой.

— Мистер Карнеги, когда мне дают для подписи контракт, я его внимательно прочитываю, и если он мне не подходит, я его не подписываю, а если он мне подходит, я его подписываю; и если я его подписываю, я его исполняю.

— И здесь сказывается сознательный американский рабочий, — сказал я.

Я обратился с тем же вопросом к представителю доменного производства. Это был ирландец по фамилии Келли.

— Мистер Келли, скажите мне, у нас с вами подписан договор до окончания года?

Мистер Келли ответил, что точно он сказать не может. Была какая-то бумага, он ее подписал, но не прочел как следует и толком не понял, что в ней, собственно, говорилось.

Наш директор, капитан Джонс, горячая голова, накинулся на него.

— Полноте, мистер Келли, вы очень хорошо помните, что я с вами дважды читал и обсуждал эту бумагу.

— Тише, тише, капитан! — остановил я его. — Мистер Келли имеет право изложить свое мнение. Мне тоже приходится иной раз подписывать бумаги не читая. Мистер Келли сказал, что он не читая поста-

вил свою подпись, и мы должны верить его словам. Но, мистер Келли, я того мнения, что если человек имел неосторожность подписать договор, он должен выполнять его и взять себе за правило на будущее быть осмотрительнее. Не лучше ли для вас будет проработать еще четыре месяца на основании этого договора, а когда вам придется подписывать новый, быть внимательнее и постараться понять его содержание?

Ответа на это не последовало. Тогда я поднялся с места и сказал:

— Представители доменного производства, вы угрожали фирме нарушить договор и — что может оказаться роковым — оставить работу, если не получите до четырех часов сегодняшнего дня удовлетворительного ответа на ваши требования. Еще нет трех часов, но ответ уже готов. Вы можете оставить доменную печь. Пусть лучше фабричный двор зарастет травой, чем мы отступим перед вашей угрозой. Самым позорным днем для рабочего станет тот, когда он нарушит договор и сам лишит себя чести. Больше мне вам нечего сказать.

Рабочий комитет медленно удалился. Потом мы узнали от наших служащих, чем закончилась эта история в доменном отделении. Келли и его товарищи вернулись в мастерские. Там уже собралась большая толпа рабочих, с нетерпением ожидавшая их. Увидев толпу, Келли закричал:

— Марш на работу, обезьяны! Чего вы тут стоите? Разрази меня Бог, если этот малый не взял опять быка за рога. Он не хочет с нами воевать, но говорит, что скорее даст себя убить, чем позволит сдвинуть себя с места. Становитесь же за работу, обезьяны!

Ирландцы и шотландцы — странные люди, но с ними легко сладить, надо только знать, с какого кон-

ца подойти. Этот Келли впоследствии превратился в моего преданного друга. Опыт показал мне, что на рабочих в массе можно положиться, они всегда поступают правильно и справедливо, если только не связаны безусловным повиновением своим вожакам.

Интересно также, как мы однажды справились с забастовкой на рельсопрокатном заводе. К сожалению, и в этом случае сто тридцать четыре рабочих из одного подразделения тайно сговорились за несколько месяцев до конца года потребовать увеличения заработной платы. Новый год обещал быть плохим для железного и стального производства, и промышленники повсюду уже объявили, что заработная плата будет снижена. Тем не менее наши рабочие сочли нужным упорствовать в своих требованиях только потому, что несколько месяцев назад поклялись, что бросят работу, если им не повысят заработную плату. Но мы никоим образом не могли ее повысить, в то время как наши конкуренты ее снижали. Вследствие этого они приостановили работу. Эта забастовка парализовала и остальные подразделения, и мы оказались в самом затруднительном положении.

Я поспешил в Питсбург и был чрезвычайно изумлен, когда увидел, что, несмотря на наш договор, доменные печи уже бездействуют. На этот день у нас на заводе было назначено собрание с рабочими. Они послали мне сказать, что оставили доменные печи и явятся ко мне на следующее утро. Недурной прием! Я велел им передать следующее: «Завтра они меня здесь не найдут. Бросить работу может всякий. Вопрос в том, как к ней снова вернуться. Настанет день, когда эти же рабочие захотят снова выйти на работу, но тогда им днем с огнем придется искать человека, который снова пустит дело в ход. Вот что я им тогда скажу: работа возобновится только после того, как

будет установлен дифференцированный тариф в зависимости от стоимости производства. Тариф будет действовать в течение трех лет, и установим его мы, а не рабочие. Они столько раз предъявляли нам тарифы, что теперь очередь за нами. Я возвращаюсь в Нью-Йорк, мне здесь больше нечего делать».

Спустя некоторое время после того, как рабочие получили мой ответ, они прислали ко мне узнать, могут ли они переговорить со мной до моего отъезда в Нью-Йорк. Я, конечно, ответил, что согласен. Они явились, и я сказал им следующее:

— Ваш представитель, мистер Беннет, сказал вам, что я приеду и улажу наши недоразумения, как это всегда делалось до сих пор. Это правда. Он вам сказал также, что я не буду бороться с вами. И это тоже верно, он хороший пророк. Но он сказал вам еще одну вещь, и в этом он, к сожалению, ошибся. Он сказал вам, что я не могу бороться. — Я посмотрел Беннету прямо в лицо и поднял кулак. — Он забыл, что я шотландец. Но вот что я вам скажу: я не хочу бороться с вами. У меня есть дела интереснее, чем бороться с рабочими. Бороться я не хочу, но я могу справиться с любым комитетом, если только захочу, а на этот раз я так хочу. Машины будут пущены в ход только после того, как рабочие большинством двух третей голосов решат возобновить работу, и тогда, как я уже говорил сегодня утром, они будут работать по дифференцированному тарифу. Больше мне вам сказать нечего.

Они ушли. Прошло недели две. Однажды утром я сидел в Нью-Йорке в своей библиотеке, когда вошел слуга и подал мне карточку, на которой были написаны имена двух наших рабочих и имя одного знакомого, к которому я относился с большим уважением.

— Они приехали из Питтсбурга и очень желали бы переговорить с вами, — прибавил лакей.

— Спросите этих людей, принадлежат ли они к числу тех рабочих, которые нарушили договор и бросили работу в доменных печах?

— Нет, — сказал слуга, вернувшись.

— В таком случае спуститесь вниз и скажите им, что я буду очень рад их видеть.

Мы очень сердечно поздоровались, и разговор начался с Нью-Йорка, который они видели первый раз в жизни.

— Мистер Карнеги, мы, собственно, явились для того, чтобы переговорить с вами об этой истории в мастерских, — приступил, наконец, к делу один из делегатов.

— Ах, так! — сказал я. — Ну что же, рабочие голосовали?

— Нет.

— Простите, но в таком случае я не желаю больше говорить на эту тему. Я уже сказал, что мы только тогда возобновим переговоры, когда рабочие большинством двух третей голосов постановят снова приступить к работе. Господа, вы еще не знаете Нью-Йорка. Позвольте пригласить вас на небольшую прогулку, я хотел бы показать вам Пятую авеню и парк, в половине второго, к ланчу, мы уже успеем вернуться.

Мое приглашение было принято. Мы касались в разговоре всевозможных предметов, кроме того единственного, о котором они хотели со мной говорить. Между американским и иностранным рабочим существует большая разница. Американский гораздо свободнее и увереннее в обращении и садится за стол, как настоящий господин.

Они вернулись в Питсбург, не проронив более ни слова о заводских делах. Но вскоре после этого произошло голосование (причем только несколько человек высказалось против возобновления работы), и

тогда я поехал в Питсбург. Я явился на заседание рабочего комитета и предложил им новый тариф. Это был переменный тариф, колеблющийся в соответствии с изменениями стоимости производства. При таком порядке предприниматель и рабочий являются настоящими партнерами, потому что наравне делят и удачи, и неудачи. Конечно, при таких условиях необходимо установить низший предел заработной платы, чтобы обеспечить рабочему минимум существования. Так как рабочие уже были знакомы с тарифом, не пришлось еще раз рассматривать его.

— Мистер Карнеги, — сказал лидер рабочих, — мы принимаем все ваши условия. — И затем прибавил с некоторым колебанием: — А теперь мы хотели бы попросить вас оказать нам услугу, в которой вы, надеюсь, нам не откажете.

— С удовольствием, если ваша просьба окажется приемлемой.

— Просьба наша состоит в следующем: разрешите, чтобы президиум нашего союза подписал договор от имени рабочих.

— Ну конечно! С величайшим удовольствием! А теперь, после того как я исполнил вашу просьбу, позвольте мне, в свою очередь, обратиться с просьбой к вам. Вы окажете мне личное одолжение, если под подписями президиума каждый рабочий поставит и свою подпись. Видите ли, мистер Беннет, этот тариф будет действовать в течение трех лет, и за это время может найтись какой-нибудь рабочий или группа рабочих, которым вдруг покажется, что президиум вашего союза вовсе и не имел права дать за него обязательство на такой продолжительный срок. Если же у нас будут подписи каждого рабочего в отдельности, то всякие недоразумения заранее исключаются.

Наступила небольшая пауза; затем рабочий, стоявший рядом с Беннетом, сказал ему тихо (но совершенно явственно для меня): «Сорвалось, черт побери!».

Так оно и было. Но я достиг своего не прямой атакой, а пустив в ход военную хитрость. Если бы я не дал согласия на подпись президиума, то это послужило бы для них поводом к дальнейшей борьбе. Теперь же, после того как я исполнил их желание, они не могли отказать мне в такой простой просьбе — чтобы каждый свободный и независимый гражданин Америки собственноручно подписался за себя. Насколько мне помнится, президиум и не подписал договор, но, возможно, я ошибаюсь. Да это было теперь излишним, раз требовалась подпись каждого рабочего в отдельности.

Это случилось в 1889 году, то есть двадцать семь лет назад. С тех пор тариф больше не менялся. Если бы рабочие и могли, они не стали бы его менять, потому что он давал им только выгоды, как я и предсказывал.

Из всех услуг, оказанных мною рабочим, одной из самых крупных является введение дифференцированного тарифа. Он означает разрешение рабочего вопроса, так как делает предпринимателя и рабочего партнерами в счастье и в несчастье. В прежние времена в Питсбурге работали по тарифу, менявшемуся каждый год, и это всякий раз влекло за собой неизбежную борьбу между работодателями и рабочими.

Часто без особого труда можно оказывать рабочим важные для них услуги. Однажды, будучи на собрании рабочих, я спросил, не могу ли что-нибудь для них сделать. Тогда встал один из наших рабочих, Билли Эдвардс, и сказал, что большинство его товарищей страдают от задолженности лавочникам из-за того, что им выплачивают жалованье только раз в

месяц. Я как сейчас помню его слова: «У меня дельная жена, отличная хозяйка. В ближайшую субботу после получки мы с ней отправляемся в Питсбург и покупаем все необходимое на целый месяц. Благодаря этому нам удастся сэкономить треть расходов. Но так могут поступать только очень немногие. Здешние лавочники дерут с нас очень дорого. А потом еще одно: они много берут за уголь. Если бы вы выдавали жалованье не раз, а два раза в месяц, это означало бы для нас то же, что повышение заработной платы на десять процентов, а может быть, и больше».

— Хорошо, мистер Эдвардс, это можно устроить, — сказал я.

Замечание о высоких ценах навело меня на мысль, что не худо было бы рабочим учредить потребительское общество. Осуществить это оказалось нетрудно, и таким образом возникло Брэддокское потребительское общество. Сложности с углем тоже удалось устранить: мы предложили продавать рабочим уголь по себестоимости, что составляло приблизительно половину того, что им приходилось платить в лавке. Кроме того, мы организовали доставку угля на дом тоже по себестоимости.

И еще одно. Мы видели, что рабочие озабочены вопросом, как им поместить свои сбережения, потому что к банкам они относились с недоверием, а наше правительство в то время, к сожалению, еще не последовало примеру Англии и не открыло сберегательные кассы при почтовых отделениях. Поэтому мы предложили рабочим хранить их сбережения, пока они не превышают двух тысяч долларов, и выплачивать им за это шесть процентов годовых. Эти сбережения хранились отдельно от наших собственных средств, и из них рабочим выдавались ссуды на постройку жилища.

Сталелитейное предприятие в Брэдоке (штат Пенсильвания).
Фотография предоставлена ДМЭК

Подобные мероприятия, касающиеся рабочих, очень целесообразны даже с чисто экономической точки зрения. Когда отношения с рабочими выходят за рамки буквы договора, это всегда оказывается выгодным для предприятия. Два участника нашей фирмы находили (по словам мистера Фиппса), что я всегда склонен уступать требованиям рабочих, как бы эти требования ни были несправедливы. Может быть, я и делал ошибки в этом отношении, тем не менее жалею теперь, что не был еще более снисходителен. Ничто так не послужило на пользу нашему предприятию, как доброе отношение к нам рабочим.

Благодаря этому у нас с течением времени образовались такие рабочие кадры, каких — я могу это сказать с уверенностью — трудно найти где-либо еще, лучших рабочих и лучших людей, каких мне прихо-

дилось встречать. Разногласия и забастовки отошли в прошлое. Если бы в Хомстеде были наши старые рабочие, а не случайно набранные с бору по сосенке, там не произошли бы волнения 1892 года. Тариф, введенный в 1889 году, остался в силе по сей день (в 1914 году), и я не помню, чтобы с тех пор возникали хоть малейшие недоразумения с нашими рабочими.

Интересы предпринимателя требуют, чтобы рабочий имел высокую заработную плату и постоянную работу. Переменный тариф дает предпринимателю возможность приспосабливаться к любому положению на рынке, иметь постоянные заказы и избегать необходимости прекращать производство, что существенно важно для рабочего: высокая заработная плата — прекрасная вещь, но прочное положение гораздо важнее.

Говорят, что и в настоящее время (в 1914 году) рабочие предпочитают работать в две смены, а не в три; но я не сомневаюсь, что в будущем мы перейдем к работе в три смены. Чем больше развивается наша культура, тем короче должен становиться рабочий день. Восемь часов работы, восемь часов сна и восемь часов отдыха.

Мне много раз приходилось на практике убеждаться в том, что конфликты с рабочими далеко не всегда возникают на денежной почве. Я думаю, самый лучший способ предупредить столкновения состоит в том, чтобы уметь подойти к ним и войти в их положение. Я могу по совести сказать, что мне всегда доставляли большую радость разговоры с рабочими, причем далеко не всегда речь шла о денежных вопросах. Чем больше я знакомился с этими людьми, тем милее они мне становились.

Рабочий обыкновенно бессилен перед капиталом. Если предприниматель почему-либо решает оста-

новить работу, он, конечно, лишается на некоторое время заработка, но тем не менее ему не приходится что-либо менять в своих привычках, питании, одежде и развлечениях, он не знает парализующего страха нужды. В этом заключается громадная разница между ним и его рабочими, для которых уменьшение заработка является источником тягчайших забот. Жизнь их лишена комфорта, они имеют возможность доставлять только самое необходимое жене и детям, а в случае болезни ни они, ни их семьи не могут пользоваться надлежащим уходом. Нам следует бояться не капитализма, а рабочего, ущемленного в своем существовании. Если бы мне завтра пришлось снова возобновить свою деятельность, я не боялся бы рабочих волнений.

**Удаление от дел. Распределение богатства:
основание рабочего вспомогательного фонда,
народных библиотек,
Института Карнеги и Фонда героев**

После того как в 1900 году вышла моя книга «Евангелие богатства»¹, я должен был начать жить согласно своему учению и перестать накапливать новые богатства. Я решил обратиться к более серьезной и трудной задаче — к мудрому распределению накопленных средств. В то время ежегодный доход с наших предприятий достиг сорока миллионов, и мы стояли перед перспективой, что эта сумма будет возрастать. Очень скоро после того, как мы продали свои предприятия, наши преемники «United States Steel Corporation» достигли ежегодного дохода в шестьдесят миллионов долларов. Я уверен, что мы дошли бы до семидесяти миллионов, если бы продолжали сами вести дело и расширили бы его согласно нашим первоначальным планам. Сталь успела завоевать всемирное господство и вытеснила все менее ценные

---

¹ В этой книге (*Carnegie A. The Gospel of Wealth and Other Timely Essays.* — New York, 1900) Карнеги утверждал, что крупное предпринимательство приносит большую пользу всему обществу не только путем создания рабочих мест и перераспределения части прибылей в виде зарплаты, но и через благотворительность, вкладывая средства в учреждения культуры и социальной защиты.

материалы. Было очевидно, что нас ожидает великая будущность.

Но мне лично было совершенно ясно, что я должен посвятить оставшиеся мне годы жизни распределению своих богатств. Вот в каком настроении я пребывал, когда весной 1901 года услышал от своего друга мистера Шваба, что Морган¹ просил его узнать, действительно ли я намереваюсь удалиться от дел. Он уже переговорил с остальными участниками нашей фирмы, и, по его словам, они склонялись к тому, чтобы уступить ему свои права, так как условия, предложенные мистером Морганом, кажутся им очень соблазнительными. Я ответил мистеру Швабу, что если мои компаньоны готовы продать наше предприятие, то я присоединяюсь к ним.

Так произошла продажа наших заводов. Мы продали их по себестоимости. Я отказался наживать что-либо на этой продаже. Мистер Морган впоследствии сказал мне, что наши заводы оценивались так высоко, что я с легкостью мог получить за них еще сто миллионов.

Но, как я уже указал выше, я был совершенно поглощен задачей, как распределить то, что у меня было, и эта работа отнимала у меня больше времени, чем прежде.

Мой первый дар предназначался нашим рабочим. Следующий документ дает представление о назначении этого фонда:

«Нью-Йорк, 12 марта 1901 года

В день моего удаления от дел я делаю первое употребление излишкам моих богатств и выделяю четыре миллиона долларов, выполняя этим долг глубокой благодарности пе-

---

¹ Речь идет о Джоне Пирпонте Моргане (1837–1913) – американском предпринимателе, банкире и финансисте.

ред моими рабочими, так много содействовавшими моему успеху. Цель фонда – оказывать помощь рабочим в несчастных случаях, а также выдавать небольшие пенсии тем, кто нуждается в пособии.

Кроме того, я жертвую миллион долларов, чтобы на проценты с этого капитала содержались рабочие библиотеки и читальни.

Э. Карнеги».

Вскоре после этого я уехал в Европу, и на пристани меня провожали по обыкновению некоторые из моих партнеров. Но, увы, на этот раз все было не так, как прежде. Произошла какая-то странная перемена. Я ясно чувствовал: что-то порвалось между нами с моим уходом от дел, и в словах «До свиданья» звучало печальное «Прощай».

Вернувшись спустя несколько месяцев в Нью-Йорк, я почувствовал себя, как растение, вырванное с корнями из почвы. Конечно, я очень обрадовался, когда, сходя с парохода, увидел на пристани кое-кого из старых друзей, пришедших встретить меня. Я не лишился прежних друзей, но лишился компаньонов по работе. Конечно, очень хорошо, что они по-прежнему оставались моими друзьями. Тем не менее в моей жизни зияла пустота. К счастью, мне предстояло выполнить добровольно взятую на себя задачу – распределить излишки моего богатства. Этого было достаточно, чтобы занять свои мысли.

Я принялся за работу, и первые пять с четвертью миллионов долларов пошли на открытие шестидесяти восьми библиотек в Нью-Йорке. За ними последовали двадцать библиотек в Бруклине. Вслед за этим я основал народную библиотеку и читальню в Аллегани-Сити, нашей второй родине в Америке. Вскоре после этого я подарил библиотеку Питсбургу, и с

Библиотека в Хомстеде. Фотография предоставлена ДМЭК

течением времени она разрослась в целый комплекс зданий, в которых помещались музей, картинная галерея, ремесленные школы и женская школа. Эту группу зданий я передал жителям города еще 5 ноября 1905 г. В Питсбурге я нажил свои богатства, и двадцать восемь миллионов, которые я подарил городу в виде этих учреждений, составляют лишь малую долю того, чем я ему обязан.

Следующей моей задачей было учреждение Института Карнеги в Вашингтоне. Я назначил для этой цели десять миллионов, но мало-помалу эта сумма возросла до двадцати пяти миллионов. Я представил весь план на утверждение президенту Рузвель-

Здание Института Карнеги в Вашингтоне

ту¹. Он чрезвычайно сочувственно отнесся к этому начинанию. Постановление Конгресса от 28 апреля 1904 года гласило, что институт учреждается в целях «широких и плодотворных исследований, наблюдений и открытий, практического использования всех знаний для развития человечества; особенно же для руководства и поощрения исследований во всех областях науки, литературы, искусства, а равно и естественных наук; для направленной на эти цели объединенной работы с правительствами, университетами, техническими училищами, учеными обществами и отдельными лицами».

---

¹ Рузвельт Теодор (1858–1919) — американский политик, президент США в 1901–1909 годах, лауреат Нобелевской премии мира 1906 года.

История последних начинаний института хорошо известна из его отчетов, поэтому я не стану вдаваться здесь в рассмотрение деталей. Считаю лишь необходимым остановиться на двух его начинаниях, единственных в своем роде.

Институт оказывает всему миру неоценимую помощь своей яхтой «Карнеги», построенной из бронзы и дерева и совершающей кругосветные плавания с целью исправления ошибок предыдущих морских измерений. Многие из этих измерений оказались неточными вследствие отклонений компаса. Бронза лишена магнитных свойств, в то время как железо и сталь обладают ими в высокой степени, и прежние измерения очень часто давали ошибочные выводы. Убедительным доказательством этого может послужить гибель парохода, произошедшая вблизи Азорских островов. Капитан яхты «Карнеги» счел нужным исследовать этот случай и установил, что капитан погибшего судна держал курс в точном соответствии с указаниями адмиралтейской карты, и, следовательно, крушение произошло не по его вине, а вследствие ошибочных результатов вычисления. Ошибка, возникшая из-за отклонения компаса, была немедленно исправлена.

Это только одна из многочисленных поправок, которые доводятся до сведения мореходных народов. Их благодарность является для нас лучшей наградой. В своей дарственной записи я высказал надежду, что когда-нибудь наша молодая республика окажется в состоянии до некоторой степени оплатить свой долг перед старыми странами. Ничто не может доставить мне большего удовлетворения, чем сознание, что она хотя бы частично уже приступила к этому.

Такое же единственное в своем роде начинание представляет собой деятельность другого учрежде-

Э. Карнеги. Фотография из БКП. Все права защищены

ния института — обсерватории, построенной в Калифорнии, на горе Уилсон, на высоте 1794 метра над уровнем моря. Во главе ее стоит профессор Хейл. На съезде астрономов в Риме он сообщил о сделанных

в этой обсерватории открытиях, которые произвели такое впечатление на собравшихся ученых, что они решили созвать следующий конгресс на вершине горы Уилсон. Он там и состоялся.

В этой единственной в мире обсерватории стараются фотографическим путем найти новые светила. На первой же проявленной пластинке было открыто, если я не ошибаюсь, шестнадцать новых миров. На второй пластинке в поле нашего зрения оказалось, кажется, шестьдесят новых миров, а на третьей их насчитали более ста, причем некоторые из них оказались в двадцать раз больше Солнечной системы. Многие из этих небесных светил так отдалены от нас, что требуется восемь лет, чтобы их лучи достигли Земли. Приходится признать, что все, что мы знали до сих пор, лишь частица по сравнению с неведомым. Кто знает, какие открытия еще предстоит нам совершить, когда будет установлен новый гигантский телескоп, который втрое больше всех существующих в настоящее время?

Третье дело, которому я отдался всей душой, было основание Фонда героев. До меня дошли вести об ужасной трагедии в угольной шахте близ Питсбурга. Узнав о случившемся, управляющий шахтой мистер Тейлор немедленно поспешил к месту катастрофы и вместе с другими добровольцами спустился вниз, чтобы спасти засыпанных обвалом. Но при этом, к несчастью, он сам погиб. Мысль об этом не выходила у меня из головы. На следующее утро я решил основать Фонд героев. Цель его — награждать героев и оказывать помощь семьям людей, заплативших жизнью при совершении подвига. Этот фонд, основанный мной 15 апреля 1904 года, оказался полезным во всех отношениях. Я отношусь к нему с особой любовью, потому что, так сказать, являюсь отцом этой

мысли. Насколько мне известно, никто не думал о подобном фонде, он поистине мое детище. Основанный первоначально в Америке, он был перенесен затем в Великобританию, а с течением времени его деятельность распространилась на Францию, Германию, Италию, Бельгию, Голландию, Норвегию, Швецию, Швейцарию и Данию.

Некоторые американские газеты на первых порах недоверчиво отнеслись к Фонду героев и раскритиковали его первый годовой отчет. Но с течением времени все сомнения рассеялись, и теперь деятельность фонда вызывает всеобщее одобрение.

Герои варварского прошлого убивали себе подобных; герои нашего цивилизованного времени ставят себе целью служить своим братьям и спасти их. В этом заключается разница между физическим и моральным мужеством, между варварством и культурой. Люди, принадлежащие к первой категории, должны исчезнуть с лица земли, и мы в конце концов дойдем до того, что будем смотреть на тех, кто истребляет друг друга, так же, как на каннибалов, пожирающих один другого. Но герои второго рода никогда не переведутся, пока люди будут жить на земле.

Фонд героев должен быть преимущественно пенсионным фондом. Многочисленные пенсионеры, которых он уже теперь обслуживает, — либо сами герои, либо вдовы и дети героев. Первое время о назначении этого фонда было неверное представление. Многие были того мнения, что он предназначен для поощрения героев к подвигам. Это отнюдь не входило в мои намерения. Истинный герой не помышляет о награде. Он следует более высокому побуждению и думает не о себе, а о людях, находящихся в опасности. Но если герой вследствие совершенного им подвига оказался нетрудоспособным или погиб

и оставил после себя семью, Фонд героев приходит на помощь. В настоящее время в одной только Америке в списках нашего пенсионного фонда значится 1430 героев и их семейств.

Я нашел достойного человека на пост председателя фонда в лице моего старого товарища Чарли Тейлора. Это поистине надлежащий человек на надлежащем месте.

Настало время, когда я мог отблагодарить Чарли, который всегда просил за других и никогда за себя. Он окончил Университет Лихай в городе Бет-лехем (штат Пенсильвания) и был преданнейшим его сыном. И вот этот университет обратился ко мне с просьбой построить для него новое здание. Чарли горячо поддерживал это ходатайство. Я ему ничего не сказал, но написал письмо ректору университета, в котором сообщил, что готов дать средства, необходимые на строительство здания, но с условием, чтобы мне было предоставлено право дать ему имя. Он согласился, и я назвал его «Taylor Hall». Когда Чарли узнал об этом, он горячо протестовал, уверяя, что попадет в смешное положение, потому что только сдал экзамен в университете и не имеет никаких притязаний на публичное чествование своего имени и тому подобное. Его волнение чрезвычайно забавляло меня. Я спокойно дал ему договорить до конца и сказал, что, назвав здание университета «Taylor Hall», я, может быть, действительно ставлю его в смешное положение, но должен же он принести какую-нибудь жертву своей alma mater. Не будь он так непомерно тщеславен, ему было бы решительно все равно, какое употребление будет сделано из его имени, лишь бы это пошло на пользу университету. Он может, впрочем, еще обсудить это дело. Или его имя, или

университет, чем-нибудь одним надо пожертвовать, это как ему будет угодно, но без Тейлора не будет и здания. На этом я его и поймал!

Если впоследствии посетители, осматривая здание университета, с удивлением спросят, кто такой был этот Тейлор, пусть они знают, что это был преданный сын своей alma mater, человек, проповедовавший евангелие деятельной любви не на словах, а всеми своими делами, лучший из людей, когда-либо живших на земле.

**Пожертвования на университеты
и на разные просветительские цели. Идея мира.
Передача Питтенкриффской долины
родному городу**

В 1905 году я учредил пенсионный фонд для престарелых профессоров (Фонд Карнеги в пользу науки). Он управляется попечительским советом, состоящим из 25 ректоров американских университетов.

Этот фонд мне особенно дорог, так как многие из тех, кому им предстоит скоро воспользоваться, известны мне лично, и я знаю, какие услуги они оказали человечеству. Из всех профессий учительская оплачивается наиболее скудно, а между тем именно этого рода труд должен был бы оцениваться особенно высоко. Выдающиеся в интеллектуальном отношении люди, посвятившие всю жизнь просвещению юношества, получают нищенские оклады. Когда меня избрали в совет Корнеллского университета, я пришел в негодование, узнав, что профессора в среднем получают меньше, чем многие из наших служащих. Они совершенно лишены возможности сделать какие-то сбережения на старость. Вследствие этого университеты, не имеющие собственного пенсионного фонда, вынуждены оставлять на службе профессоров, находящихся в таком возрасте, когда уже не в состоянии заниматься полноценно своей деятельностью.

Необходимость и полезность этого пенсионного фонда не вызывают никаких сомнений. Это доказал первый же опубликованный список получивших отсюда пенсию. В нем значились имена людей, пользующихся мировой известностью благодаря неисчислимым заслугам в расширении человеческого знания.

Мой друг Томас Шоу напечатал в английской газете статью, в которой доказывал, что в Шотландии люди не особенно состоятельные лишены теперь возможности давать образование детям из-за недостатка средств. Прочитав эту статью, я решил пожертвовать десять миллионов долларов, чтобы одна часть процентов с этого капитала шла в пользу нуждающихся студентов на плату за право слушать лекции, а другая — в пользу самих университетов.

Первое заседание попечительского совета этого нового общества, открытого при шотландских университетах, состоялось в Эдинбурге под председательством Бальфура¹. В нем принимали участие самые выдающиеся люди: Джеймс Брайс², Джон Морли³, лорд Розбери⁴, мистер Шоу и др.

Когда был оглашен устав нового общества, один из приглашенных мною в члены совета заявил, что не может принять на себя эти обязанности, не зная, в чем заключаются задачи фонда. Дело в том, что попечительскому совету по уставу предоставлялось

---

¹ Бальфур Артур Джеймс (1848–1930) — английский политический деятель, премьер-министр в 1902–1905 годах.

² Брайс Джеймс (1838–1922) — английский историк и политический деятель.

³ Морли Джон (1838–1923) — английский политический деятель, историк и критик.

⁴ Розбери Арчибальд Филипп Примроуз (1847–1929) — английский политический деятель, премьер-министр в 1894–1895 годах.

право большинством голосов изменять назначение и способ употребления фонда, если впоследствии окажется, что его задачи более не отвечают современным требованиям. Премьер-министр Бальфур сказал, что никогда еще не видел учредителя, который предоставлял бы столь широкие полномочия попечительскому совету, и выразил мнение, что это едва ли правильно.

— Мистер Бальфур, — сказал я, — мне никогда не приходилось слышать о законодательном собрании, которое было бы способно принимать разумные законы для будущих поколений, а иногда даже деятельность тех, кто принимает законы для современников, нельзя признать особенно успешной.

Это вызвало общий смех, к которому присоединился и премьер-министр.

— Вы правы, — сказал он, — но мне кажется, что вы первый жертвователь, высказывающий такой разумный взгляд.

С тех пор я стал оговаривать подобными условиями все свои крупные пожертвования и уверен, что отдаленное будущее покажет всю целесообразность такого способа действий.

В 1902 году в моей жизни произошло очень важное событие: я был избран почетным ректором университета Сент-Эндрюс. Это открыло мне доступ в университетский мир, от которого до тех пор я стоял в стороне. Мало событий в жизни произвело на меня такое сильное впечатление, как первое заседание факультета, когда я сел в то самое кресло, которое в течение почти пятисот лет занимало до меня столько почтенных людей.

Мы с женой пригласили к нам в Скибо погостить ректоров всех четырех шотландских университетов. С тех пор завелся обычай ежегодно повторять «рек-

Э. Карнеги в своей библиотеке в замке Скибо. *Фотография предоставлена ДМЭК*

торскую неделю». Эти ежегодные встречи во многом содействовали нашему сближению и объединению на почве общих интересов и задач. После первой «ректорской недели» ректор Ланг на прощанье взял меня за руку и сказал: «Пятьсот лет понадобилось ректорам шотландских университетов, чтобы положить начало их объединению. Истинное решение вопроса заключается в том, чтобы прожить вместе неделю».

В 1906 г. «ректорская неделя» в Скибо ознаменовалась участием правнучки Бенджамина Франклина¹ мисс Агнес Ирвин, бывшей в то время деканом Редклиффского колледжа. Почти сто пятьдесят лет назад Бенджамин Франклин получил первый докторский диплом от университета Сент-Эндрюс. А теперь, когда в Филадельфии готовилось торжественное празднование двухсотлетней годовщины со дня рождения Франклина, университет Сент-Эндрюс решил наравне с прочими университетами всего мира послать приветственный адрес, а кроме того, присвоил его правнучке докторский диплом. В качестве почетного ректора я имел поручение передать ей этот диплом. Вручение состоялось в первый день торжества при громадном стечении публики. На всех произвело очень сильное впечатление, что тот самый университет, который сто сорок семь лет назад выдал прадеду первый диплом, теперь оказал ту же честь его правнучке и послал диплом через Атлантический океан, чтобы передать руками того, кто, подобно Франклину, был по рождению британец и, подобно ему, стал американским гражданином.

---

¹ Франклин Бенджамин (1706—1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый.

Меня часто занимала мысль о поддержке американских университетов. Но я был того мнения, что наши главные университеты, такие, например, как Колумбийский и Гарвардский, с громадным количеством студентов ¹, уже достаточно велики, и дальнейшее их расширение не представляется желательным. Поэтому я сосредоточил свое внимание на небольших университетах, главным образом на так называемых колледжах. Я уверен, что поступил правильно.

Источником глубокого удовлетворения для меня служили мои отношения с институтами Хэмптон и Таскиджи, деятельность которых была направлена на поднятие духовного уровня негров, так долго бывших у нас в рабстве. Особое значение для меня имело знакомство с Букером Вашингтоном ². Это человек, который не только сам вышел из рабского состояния, но и поднял миллионы своих черных братьев на более высокую ступень цивилизации.

Я пожертвовал шестьсот тысяч долларов в пользу Института Таскиджи. Через несколько дней после этого ко мне явился Букер Вашингтон.

— Могу я сделать вам одно предложение?

— Конечно.

— Вы были так добры, что назначили часть пожертвованных денег пожизненно мне и моей жене. Мы вам очень благодарны, мистер Карнеги, но нам таких денег не нужно, они далеко превышают наши потребности, и моим соплеменникам это покажется целым состоянием. Они могут подумать, что я уже не

---

¹ В 1920 году в Колумбийском университете в Нью-Йорке числилось 25 тысяч студентов. — *Примеч. из американского издания.*

² Вашингтон Букер Тальяферро (1856—1915) — американский просветитель, духовный лидер негров, сторонник мирного разрешения расовой проблемы.

такой бедный человек, который оказывает им услуги бескорыстно, не думая о своей выгоде. Будете ли вы иметь что-нибудь против того, если бы я предложил вычеркнуть соответствующее место в вашей дарственной и заменить его словами «соразмерная с обстоятельствами сумма»? У нас с женой очень скромные потребности.

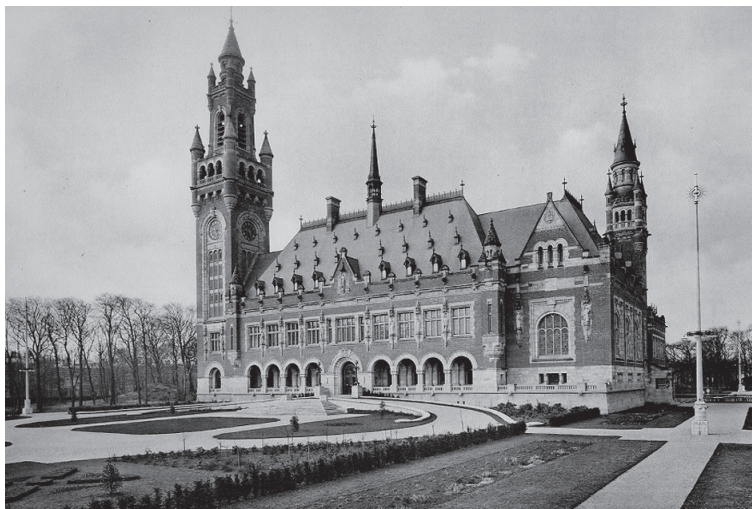
Я согласился, и поправка в дарственную была внесена. Этот случай вполне характеризует лидера негритянского народа. Я не встречал более искреннего, более самоотверженного человека. Когда узнаешь такие чистые, благородные души, невольно сам становишься лучше. Если бы меня спросили, кто тот человек, который поднялся с самой низшей до самой высшей ступени, то я ответил бы: Букер Вашингтон. Он был рабом и стал вождем своего народа — современным соединением Моисея и Иисуса Навина в одном лице.

Идея мира, в особенности мира между народами, имеющими общий родной язык — английский, давно уже занимала мои мысли. В один из первых приездов в Англию я чрезвычайно заинтересовался Британским обществом мира и нередко участвовал в его заседаниях. Позднее я стал увлекаться Межпарламентским союзом, который был основан Рэндалом Кримером¹, знаменитым представителем рабочих в парламенте. С тех пор мысль об уничтожении войн и замене их международным судом стала занимать меня все больше.

Тот день, когда вступит в силу международный суд, будет великим днем в истории человечества. Он будет означать конец взаимного истребления. Это будет день величайшего торжества для всех народов;

---

¹ Кример Уильям Рэндал (1828—1908) — английский политический деятель, пацифист. Лауреат Нобелевской премии мира 1903 года.

Дворец мира в Гааге. Фотография предоставлена ДМЭК

я верю, что он наступит, и, быть может, скорее, чем это можно предположить. И тогда многие, кого превозносят теперь как героев, будут преданы забвению, потому что вместо любви и мира они проповедовали войну.

В 1907 году мои друзья в Нью-Йорке предложили мне председательство в Обществе мира, которое они собирались основать. После некоторых колебаний я принял предложение. В апреле того же года состоялось первое общее собрание. В нем впервые принимали участие делегаты от 35 штатов, не говоря о многочисленных иностранцах ¹.

¹ Мистер Карнеги не упоминает о том, что в декабре 1910 года передал совету распорядителей 10 миллионов долларов, доход от которых должен был направляться на «избавление от войны между народами, самого отвратительного позора нашей цивилизации». Теперь эта организация известна как Фонд Карнеги за Международный Мир. — *Примеч. из американского издания.*

WEATHER
Fair tonight and Thursday;
warmer tonight; lowest temperature tonight about 30.

The

No. 18,340.
WASHINGTON, D

ANDREW CARNEGIE GIVES TEN MILLIONS TO PROMOTE PEACE THROUGHOUT WORLD

Makes Formal Transfer of Bonds to Trustees, Headed by Elihu Root.

"TO HASTEN ABOLITION OF INTERNATIONAL WAR"

Single Purpose of the Gift Explained in Informal Deal of Trust.

BOARD TO HAVE FULL POWERS

To Be Invested at Their Discretion "From Time to Time, From Age to Age" Until Universal Peace Is Established.

Andrew Carnegie today transferred to a board of trustees \$10,000,000 in 5 per cent first mortgage bonds, the revenue of which will be used to "hasten the abolition of international war" and "establish a lasting world peace."

The formal transfer was made at a meeting in the rooms of the Carnegie Research Foundation. The trustees organized by choosing as president United States Senator Elihu Root, the permanent representative of the United States at The Hague peace tribunal. President Taft has consented to be honorary president of the foundation.

The method by which the annual income of half a million dollars shall be expended is left by Mr. Carnegie entirely in the hands of the trustees. The foundation is to be perpetual, and when the

ANDREW CARNEGIE.

BAYONETS ARE USED WHEN BULLETS FAIL

Gen. Navarro's Troops Adopt Barbarous Methods in Battle With Insurrectos.

SOLDIERS ARE STABBED AFTER THEY SURRENDER

Indecisive Contest Near Cerro Prieto Lasts Five Hours.

TOTAL NUMBER OF DEAD, 74

Thirty Residents of Hamlet Shot Down After Fighting Ceases. More Serious Conflicts Are Expected.

AT THE FRONT, RANCHO SANTIAGO, NEAR PEDERNALTES, December 12, via El Paso, Tex., December 14.—In yesterday's engagement the revolutionists fought Gen. Navarro to a standstill, although inferior in numbers. All told, seventy-four persons are known by independent investigation to have been killed.

Navarro took no prisoners—it is contrary to his orders—and in his camp today there were no wounded of the other side. The bayonet had completed the work of the bullet.

A horrible instance of the barbarity of the campaign occurred after the battle. Every man in the hamlet of Cerro Prieto (Dark Hill) was brought before the mayor to prove his innocence of participation in the revolt. Thirty could not do this. As fast as their identity became known they were taken out and shot. They are included in the number of dead. Gen. Navarro places his own dead at one captain, one lieutenant and twelve soldiers. Twenty-seven of his men, including two officers, were severely wounded.

Newspaper Man Wounded.

Among the latter was Gen. Brandon, special correspondent of the Mexican Herald and a resident of Panama. A bullet hit his horse in the eye, passed through his neck and lodged in the rider's abdomen.

QUESTIONED BY TAFT

President Asks Why Snow Has Not Been Cleaned Off.

SENDS FOR GEN. JOHNSTON

Commissioner Explains That There Is Shortage of Funds.

SUM OF \$4,000 ALREADY USED

Thousands of Dollars. It Is Explained, Will Be Required to Make Headway.

President Taft today asked the District Commissioners why snow and ice still remain on the streets of the city. The President went walking yesterday afternoon and has been out several other afternoons of late. He has been disappointed over the condition of the streets. Sending for Commissioner Johnston to

Газета «Evening Star» от 14 декабря 1910 года со статьей о том, что Э. Карнеги пожертвовал 10 миллионов долларов на создание Фонда борьбы за международный мир (фрагмент)

k Times.

THE WEATHER.

Fair, brisk to high southwest winds to-day; fair to-morrow.

910.—EIGHTEEN PAGES.

ONE CENT

In Greater New York, (Monday, January 10), and Newark, (TWO CENTS).

RACING XMAS SHIP DUE AT MIDNIGHT

Mauretania Was 975 Miles Away at Noon Yesterday, Bucking Head Seas.

LIKELY TO DOCK ERE DAWN

Wireless Tells of Her Dash Through Snowstorms to Break the World's Record for a Round Trip.

By Marconi Wireless to The New York Times. ON BOARD S. R. MAURETANIA, Dec. 14, (via Cape Race, Newfoundland.)—The Mauretania, at the close of her official day's run at noon to-day, was on the Grand Banks, 975 miles from Ambrose Lightship, in her race to New York with the Christmas mail. She expects to complete the round trip to Queenstown in twelve days. Her day's run was 639 miles; average speed, 25.58 knots an hour.

This morning we passed through snowstorms, but the sky is now blue though still there is a big swell on the ocean. The day's pool figures were fixed at from 600 to 610 miles, which provoked much laughter in the smokeroom when the real figures came out. The high pool, sold for \$256, produced \$540. It was won by a New Zealand merchant, who always returns by this route from London, doing the journey in thirty-four days.

James B. Campbell, a Toronto saloon passenger, has made more than 100 Atlantic crossings. Another passenger is Mrs. Harrison, daughter of Lord Justice Moulton.

We were out of touch of land for fourteen hours yesterday, owing to gales and the slowness of encountering ships between the American and English wireless direct zones.

Yesterday's run totaled 516 miles, an average speed of 20.72 knots an hour. Gales and heavy seas destroyed our hope of beating the record outward, but will not affect the world's record for the double journey in twelve days. Great rollers and high-tumbling seas have compelled low speeds. For the last twenty-four hours we have been under full speed only six hours. The rest of the time

EXPLOSION ON BATTLESHIP.

Accident in the North Dakota's Coal Bunkers—A Seaman Killed.

CHERBOURG, Dec. 14.—An explosion occurred to-day in the coal bunkers of the American battleship North Dakota. A seaman named Evans was terribly burned by the explosion and died soon afterward.

BEDOUINS ROB AMERICANS.

Eight Tourists in Syria Are Set Upon and Lose All Their Property.

JERUSALEM, Dec. 14.—A party of eight American tourists conducted by Mr. Miller, a Chicago agent, have been robbed of their money.

While the Americans were camping at El Kerak, in the Vilayet of Syria, the Bedouins rebelled and attacked the town. The Americans were set upon and relieved of all their possessions, although they were not personally injured in any way. They succeeded in returning here in safety.

MADE AMERICAN NOTES.

Gang of Counterfeiters of \$10 and \$20 Bills Caught in Cuba.

HAVANA, Dec. 14.—The police to-night raided a house in Vedado, a suburb of Havana, and arrested an Italian named Roca and five others.

They were engaged in counterfeiting American Treasury notes of the denominations of \$10 and \$20.

GERMAN LINER IN DISTRESS.

The Swakopmund Unmanageable Off the West Coast of France.

BREST, Dec. 14.—A wireless message received here from the Italian liner Ancona stated that the Hamburg-American steamship Swakopmund was in distress sixty miles off Arman, a rock reef on the extreme west of the Department of Finistère.

The Swakopmund, the dispatch further stated, had lost her rudder and was unmanageable.

The port authorities have hurried a tug to the assistance of the Swakopmund.

WED AFTER MIDNIGHT.

Ceremony Within an Hour After the Bridegroom Proposes.

Special to The New York Times. NEW ROCHELLE, N. Y., Dec. 14.—Bodman Victor Pitman of 808 State Street, Brooklyn, proposed to Miss Jean

\$10,000,000 FOR PEACE NEW CARNEGIE GIFT

Perpetual Fund Set Apart for Task of Removing Blot of War from Earth.

METHODS LEFT TO TRUSTEES

These Include Elihu Root, Charles W. Eliot, George W. Perkins, John Sharp Williams and Oscar Straus.

Special to The New York Times. WASHINGTON, Dec. 14.—To advance the cause of international peace throughout the world—for years his favorite theme—Andrew Carnegie to-day established a great peace foundation to be administered for all time by a self-perpetuating Board of Trustees, and turned over to the first trustees \$10,000,000 of first mortgage 5 per cent. bonds, worth \$11,800,000. It was not specified what the securities are, but it is understood that they are part of the United States Steel Corporation bonds, of which Mr. Carnegie has such ample store. After international peace is firmly established, and war is no more, the income of the great fund is to be employed for the banishment of "the next most degrading evil or evils" which afflict mankind or the fostering of whatever "new element or elements would most advance the progress, elevation, and happiness of man." This is to go on "from century to century, without end."

The trustees are to form a corporation for the administration of the fund, and are to have power to dispose of the securities forming the original gift, to invest the proceeds and the income, to spend the income in such manner as they may deem most wise for the furtherance of the prescribed cause; to employ such assistance as they need; and to pay to the President of the corporation "such honoraria as the trustees think proper, and he can be prevailed upon to accept."

Mr. Carnegie's Statement.

At a meeting of the original Trustees this morning at the offices here of the Carnegie Research Foundation Mr. Carnegie read a letter which explained his purpose and his ideas for its development. This is the letter:

Gentlemen—I have transferred to you as trustees of the Carnegie Peace Fund, \$10,000,000 of 5 per cent. first mortgage bonds, value \$11,800,000, the revenue of

«New York Times» от 15 декабря 1910 года с материалом о создании Фонда борьбы за международный мир на средства Э. Карнеги

MR. CARNEGIE'S VIEWS.

"Although some important powers still decline that nations cannot submit all questions to a tribunal, others have quietly gone on doing so," said Mr. Carnegie at Washington. "Argentina and Chili were the first. They erected a statue to the Prince of Peace upon their boundary line upon the Andes, engraving thereon: 'Sooner shall these mountains crumble into dust than Chilians and Argentines break their vow never to attack each other, made at the foot of this statue to the Prince of Peace.'"

"Norway and Sweden did so—and more recently Belgium and the Netherlands have followed. Surely the two branches of our English-speaking race should follow their example. The obstacle in our path hitherto has been the desire of the nations to sit in judgment in their cause, a practice which would condemn any judge to infamy. No nation should do so. The man who sits in judgment in his own cause violates the first principle of natural justice and is dishonored. So should nations be who insist upon doing so. As for honor, no man ever dishonored another, no nation ever dishonored another. It is impossible; all honor's wounds are self-inflicted."

In his informal trust deed Mr. Carnegie made another suggestion, saying:

"At the opening of the International Bureau of American Republics at Washington on April 26, 1910, President Taft said: 'We twenty-one republics cannot afford to have any two or any three of us quarrel. We must stop this, and Mr. Carnegie and I will not be satisfied until all nineteen of us can intervene by proper measures to suppress a quarrel between any other two.' 'I hope the trustees will begin by pressing forward upon this line, testing it thoroughly and doubting not.'"

Mr. Carnegie drew attention to the concurrent resolution adopted by Congress in 1900 which authorized the President of the United States to submit to arbitration disputes between this country and any other country with which it might have diplomatic relations. He mentioned the fact that such a treaty was concluded between Lord Pauncefoot and Secretary Olney, which failed of passage by the necessary two-thirds vote of the Senate by only three votes, and added: "If the English-speaking race adopts such a treaty we shall not have to wait long for other nations to join."

WHOLESALE ENDOWMENT PLAN.

Hamilton Holt, editor of "The Independent," and noted as an ardent worker for the cause of international peace, is fruitful in suggestions. "There are two things that can be done," said he. "They are the endowment of persons and institutions prepared to undertake definite work toward the accomplishment of the object of the fund. The foundation ought to contribute to peace societies measuring up to a standard established by the trustees of the fund, putting upon the societies thus assisted the obligation of duplicating the amount of the gift in order to obtain it. The most important thing to do, in my opinion, is to search the world over for the men who have done the most efficient work, often at great sacrifice, and put them in a position to continue their labors without being obliged to make further personal sacrifices."

"Little money, I think, should be spent on investigation of phases of war of which we have a general idea already. It does not matter much whether we know that the proportion of revenue spent upon war is 10 or 15 per cent. We know that 'war is

ANDREW CARNEGIE.

He gave \$10,000,000 the other day to turn all weapons of war into agricultural machinery.

(Copyright, Davis & Sanford, N. Y.)

always buy brains, and public opinion is a great force."

When asked whether he could suggest any more definite plan to promote peace under the terms of the Carnegie Peace Fund than by arbitration, Judge Baldwin, Governor-elect of Connecticut, said that broad powers were conferred on the trustees to carry out the object of the foundation. Arbitration was at best indefinite, but it led up to a definite method. To prevent war there must be something equally effective to settle controversies, and this power could only be found in a court of competent jurisdiction like The Hague which could enforce its decisions.

John Mitchell, when asked if he thought the Carnegie money should be used in part for a peace campaign among workmen, either here or abroad, became interested at once.

WORKINGMEN WANT PEACE.

"The last people in the world," he said, "who need educating up to a peace propaganda are the workingmen. Practically all of them realize that rich men make wars and poor men fight them. Certainly all the labor unions, in all parts of the world, are opposed to war and openly profess their

Carnegie Foundation will want to do something to stimulate opinion in favor of peace. Another thing which I suspect, the trustees will want to support will be the interchange of friendly visits of men of influence, such as legislators, editors, great manufacturers and merchants. The great nations ought to get better acquainted with each other. England and Germany have done this quite extensively. The wage-earners of England and Germany do it. At one peace meeting in Berlin twenty thousand wage-earners were addressed chiefly by British speakers. Similar meetings are being held in England now, with speakers from Germany and France. I think the foundation also might well get behind the celebration of a century of peace between two countries, such as I understand is to be celebrated in Canada over the cessation of warfare between Canada and the United States."

Mrs. Gabrielle Stewart Mulliner, a well known woman lawyer of this city, when asked by a Tribune reporter for her opinion on how Carnegie's peace money should be spent, had the following to say:

"What in my opinion would be the best move in the direction of establishing universal peace would be the creation of an international supreme court. This court

Рождественский номер газеты «New York Daily Tribune» от 25 декабря 1910 года с сообщением о путях использования пожертвованных Э. Карнеги денег для обеспечения мира

После первой Гаагской конференции я по предложению голландского правительства пожертвовал полтора миллиона фунтов стерлингов на сооружение Храма мира в Гааге — самого священного здания на свете, ибо оно должно служить самой священной цели.

Но из всех пожертвований больше всего близок моему сердцу дар, сделанный родному городу и связанный для меня с самыми лучшими воспоминаниями детства. Я должен здесь рассказать историю Питтенкриффской долины.

К числу самых ранних воспоминаний моих детских лет относятся раздоры между городом Данфермлином и владельцем Питтенкриффа из-за права доступа на монастырские земли и к замку. Распри эти длились в течение целого ряда поколений. Еще мой дед Моррисон был одним из вождей в этой борьбе, и оба мои дяди — Лодер и Моррисон — продолжили ее; последний заслужил громкую славу тем, что вместе с другими снес до основания каменную стену, сооруженную владельцем Питтенкриффа. Город выиграл процесс, но землевладелец издал распоряжение, «чтобы никто из Моррисонов никогда не осмеливался переступить черту долины». Так как я принадлежал к роду Моррисонов, то и мне, значит, доступ туда был запрещен.

Долина эта — единственная в своем роде. Она соединяет монастырскую землю с замком и тянется к северо-западу от города на пространстве 70 моргов. Ее склоны густо поросли прекрасным лесом. Для данфермлинских детей это место было настоящим раем, особенно для меня. Когда я слышал слово «рай», то мысленно переводил его словами «Питтенкриффская долина». Мы были счастливы, когда могли случайно через открытые ворота бросить взгляд внутрь этого рая.

Почти каждое воскресенье мы, дети, совершали с дядей Лодером прогулку вокруг монастыря до того места, откуда можно было видеть долину; внизу под нами виднелись верхушки высоких деревьев, над которыми носились целые стаи ворон. Владелец долины казался нам самым богатым и могущественным человеком на свете. Правда, мы знали, что в Виндзорском замке живет королева, но ведь Питтенкрифф принадлежал не ей! И мы были уверены, что мистер Хант, владелец Питтенкриффа, не поменяется ни с ней, ни с кем-либо на свете. Мы, по крайней мере, ни за что не сделали бы этого. Когда я, бывало, ребенком, а позже и юношей строил воздушные замки, мои мечты никогда не поднимались до Питтенкриффа. Когда я стал старше, дядя Лодер пророчил мне всевозможные вещи; но если бы он мне сказал в один прекрасный день, что настанет такое время, когда у меня окажется достаточно денег, чтобы сделаться счастливым обладателем Питтенкриффа — я сошел бы с ума. А быть в состоянии подарить городу это владение — мечта моих детских лет! Ни на какие блага в мире я не променял бы такое счастье!

Когда мой земляк, доктор Росс, сообщил мне, что мистер Хант не прочь продать свои земли, я наворчал уши. Но он боялся, что тот заломит колоссальную цену. После этого в течение некоторого времени дело не двигалось с места, и я вспомнил о нем только в марте 1902 года, когда лежал больной в Лондоне. Я послал тогда телеграмму мистеру Россу с просьбой приехать ко мне. Он явился, и мы возобновили переговоры относительно Питтенкриффа. Я предложил, чтобы наш земляк и общий друг, мистер Шоу, позондировал в Эдинбурге почву через посредничество поверенных мистера Ханта.

Э. Карнеги на своей яхте с первым председателем благотворительного Фонда Карнеги в Данфермлине Джоном Россом (слева) и первым председателем благотворительного Фонда Карнеги в Великобритании Уильямом Робертсом

Тем временем я вернулся в Нью-Йорк. Вскоре после этого пришла телеграмма от мистера Шоу, в которой он сообщал, что мистер Хант готов продать свои владения за сорок пять тысяч фунтов стерлингов. Я телеграфировал: «Согласен» — и в ответ на это получил телеграмму от мистера Шоу: «Да здравствует владелец Питтенкриффа!».

Итак, я стал счастливым обладателем лучшего места, какое только существовало на земле. Король — он был только король. Ведь у него не было ни башни короля Малькольма, ни реликвий святой Маргариты, ни Питтенкриффской долины. По сравнению со мной он был бедняк. Ведь мне, а не ему принадлежали все эти сокровища.

Лишь сделавшись собственником парка и долины, я убедился, как много добра могут принести деньги, если только передать их в руки альтруистически настроенных людей. Я ознакомил мистера Росса со своими планами относительно Питтенкриффского парка. По его совету я пригласил некоторых лиц и предложил им на обсуждение план организации. Они предполагали, что дело ограничится только передачей парка городу, и были немало удивлены, когда узнали, что сверх этого я еще жертвую в пользу Данфермлина полмиллиона фунтов стерлингов.

Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как я передал городу долину с парком. Ежегодный детский праздник, праздник цветов и большое число посетителей, постоянно наполняющих парк, служат красноречивым доказательством того, с какой любовью население Данфермлина относится к нему. Питтенкриффская долина привлекает даже жителей соседних городов. Попечительский совет всеми способами старается выполнить те директивы, которые даны ему в дарственной... «Внести больше света и красоты в однообразную жизнь рабочего населения Данфермлина, доставить этому населению, в особенности юношеству, радость, счастье и утешение, которых они обыкновенно лишены. Пусть у сына моей родины, сколько бы он ни скитался по свету, остается на всю жизнь утешительное сознание, что его жизнь была счастливее и краше только потому, что колыбель его стояла в Данфермлине. Если в вашей работе вам удастся достигнуть этого результата, вы можете сказать себе, что ваши труды не пропали даром».

Я вижу какую-то поэтическую справедливость в том, что внук старого радикального вождя Томаса Моррисона и сын моего незабвенного отца и мужест-

венной матери возвысился в жизни настолько, что смог вытеснить прежних собственников из их старых владений и предоставить парк в вечное пользование жителям Данфермлина. Это романтическая, но подлинная история, с которой не могут сравниться никакие воздушные замки, никакой вымысел. Мне временами кажется, что ее написала сама судьба, и внутренний голос говорит мне: «Ты не напрасно жил — не совсем напрасно».

В кругу друзей и знакомых

Много лет прошло со дня моего ухода от дел, а я все не мог решиться посетить наши заводы. Это напомнило бы мне о многих, увы, уже ушедших из жизни людях. Почти не оставалось никого из моих друзей, кому я мог бы пожать руку, как в давно минувшие времена, и, может быть, только один или двое из тех, кто называл бы меня привычным именем «Энди».

Из этого не следует, что мои молодые товарищи были для меня чужими. Наоборот, они много содействовали тому, чтобы примирить меня с моим новым положением. Мне было особенно приятно, что они все вступили в Ассоциацию ветеранов Карнеги, которая перестанет существовать только тогда, когда умрет ее последний член. Раз в год они собираются у нас в доме на общий обед; многим из наших ветеранов приходится приезжать для этого издалека. Когда мы построили себе в Нью-Йорке новый дом, моей жене первой пришло в голову созвать на новоселье всех наших ветеранов. «Прежде всего товарищи по работе», — сказала она. Я рад, что она относится к ним с такой же симпатией, как и я. Полное доверие, общие цели, один за всех и все за одного, взаимная теплая привязанность — вот что объединяет нас всех, как братьев.

Другое торжество, тоже происходящее ежегодно в нашем доме, — это литературный обед, устраиваемый нашим другом мистером Ричардом Уотсоном Гилдером, издателем журнала «Century». Его остроумные выдумки очень оживляют наши сборища. Когда к обеду ожидается какой-нибудь почетный гость, Гилдер украшает меню у каждого прибора ловко подобранными цитатами из его произведений.

Однажды он явился задолго до обеда, чтобы проверить распределение мест за столом, и, к своему ужасу, обнаружил, что места Эрнеста Сетон-Томпсона ¹ и Джона Берроуза ² находятся рядом. Он нашел, что это совершенно невозможно, потому что между ними как раз в то время происходили горячие споры о привычках диких животных и птиц, и оба были настроены воинственно друг к другу. Поэтому он переменял карточки. Я не возражал, но немного погодя тихонько пробрался в столовую и переложил карточки на прежние места. Гилдер был немало изумлен, когда увидел, что оба недруга сидят за столом рядом. Кончилось дело так, как я и ожидал: они помирились и расстались добрыми друзьями.

Никто из моих друзей не радовался так моему уходу от дел, как Марк Твен ³. Публика знает его только с одной стороны — как юмориста. Но она не знает, что в политических и социальных вопросах он отличался искренней убежденностью и большой нравственной высотой. Единственным в своем роде было празднование его семидесятилетия. Преобладал, ко-

---

¹ Сетон-Томпсон Эрнест (1860—1946) — канадский писатель, художник-анималист.

² Берроуз Джон (1837—1921) — американский натуралист и писатель.

³ Твен Марк (настоящее имя Клеменс Сэмюэл Лэнгхорн; 1835—1910) — американский писатель, сатирик, журналист и лектор.

Под изображением Э. Карнеги подпись «Святой Эндрю. Святой покровитель библиотекарей, строителей библиотек и библиотечных работников». Известно, что Марк Твен и Эндрю Карнеги обращались друг к другу «Святой Эндрю» и «Святой Марк». Фотография из БКП. Все права защищены

Дружеский шарж на Э. Карнеги, опубликованный в издававшейся в Вашингтоне газете «Evening Star» в 1911 году. Автор — С. К. Берриман, знаменитый политический карикатурист, награжденный Пулитцеровской премией. Под изображением подпись: «Последняя медаль, полученная Эндрю Карнеги». Надпись на медали на груди Э. Карнеги гласит: «От американских республик». У ног Э. Карнеги листки с цитатами из высказываний о нем, принадлежащих знаменитым людям, в том числе: «Великий апостол мира», «Благодетель человечества». Фотография из БКП. Все права защищены

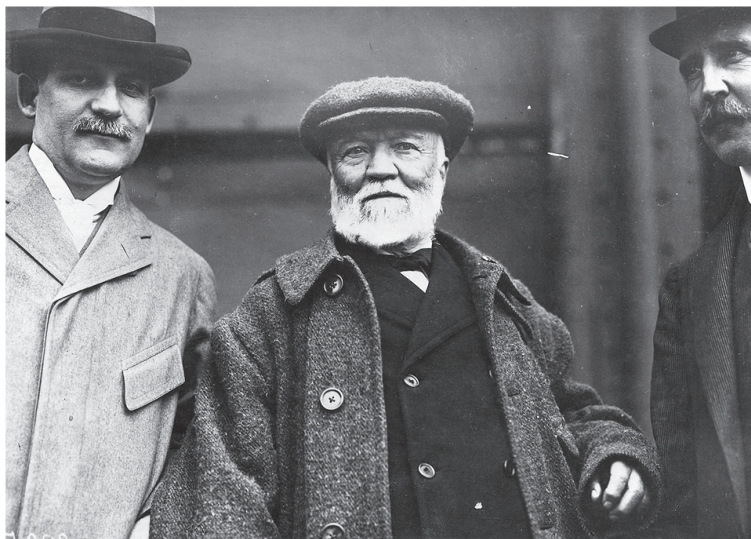
нечно, литературный элемент. Все чествовали его в своих речах как писателя. Когда очередь дошла до меня, я развил ту мысль, что наш друг как человек стоит на такой же высоте, как и писатель. Вальтера Скотта и Марка Твена объединяет общая судьба: оба они пострадали от ошибок обанкротившихся партнеров. Перед ним были два пути. Один, удобный и короткий, — согласно предписанию закона предоставить свое имущество кредиторам, пройти через банкротство и затем начать все сначала. Другой — длинный, тернистый и трудный: борьба за существование, в которой пришлось принести в жертву решительно все. Он решил просто: «Дело не в том, что я должен своим кредиторам, а в том, что я должен самому себе». Для большинства людей наступает момент, когда обнаруживается их истинная сущность. Наш друг вошел в огненную печь человеком и вышел оттуда героем. Он объездил весь свет, читая повсюду лекции, и из доходов с этих лекций выплатил все свои долги до полушки. Его жена сопровождала его повсюду, как ангел-хранитель.

С Джоном Морли у меня давние отношения — с тех пор как он поместил мою первую статью в издаваемом им журнале. Наше знакомство состоялось благодаря Мэтью Арнольду¹ и очень скоро перешло в дружбу на всю жизнь. Мы до сих пор еженедельно переписываемся. Между нами нет ни малейшего сходства. Я оптимист, он пессимист, смотрит на все трезво и мрачно, видит везде воображаемые и действительные опасности. Для меня весь мир полон света и солнца, земля представляется мне раем — я счастлив и благодарен судьбе. Морли редко из-за чего-то волнуется; его суждения всегда ясны и холодны, и глаза его всегда видят пятна на солнце. Он, как и я, большой

---

¹ Арнольд Мэтью (1822–1888) — английский поэт, педагог, критик.

Э. Карнеги в зрелые годы. Фотография принадлежит Библиотеке Конгресса США

поклонник Бёрнса и однажды в Лондоне в собрании издателей изумил своих слушателей утверждением, что несколько стихов Бёрнса больше содействовали улучшению политических и социальных условий, чем миллионы написанных до сих пор передовых статей.

Я уговорил Морли посетить Америку, и в 1904 году он объездил большую часть нашей страны. Я познакомил его с разными выдающимися людьми Америки, среди прочих с сенатором Рутон¹, который произвел на Морли впечатление самого крупного государственного деятеля Соединенных Штатов. Он был прав.

---

¹ Рут Элиу (1845—1937) — американский юрист, политический и общественный деятель. Президент Фонда Карнеги за Международный Мир в 1910—1924 гг. Лауреат Нобелевской премии мира 1912 года.

Из Нью-Йорка Морли поехал в Вашингтон, чтобы посетить президента Рузвельта в Белом доме. По возвращении он сказал мне: «Теперь я видел два чуда Америки — Рузвельта и Ниагарский водопад».

Морли был подходящий человек, чтобы передать ему библиотеку Эктон. История этой библиотеки такова. Мистер Гладстон рассказал мне, в каком затруднительном положении находится лорд Эктон¹. Тогда я купил у него библиотеку, предоставив ее ему в пожизненное пользование. К сожалению, лорду Эктону только несколько лет пришлось пользоваться ею. После его смерти надо было распорядиться этой библиотекой, и я передал ее Морли, высказав пожелание, чтобы он завещал ее какому-нибудь достойному учреждению.

С Гербертом Спенсером, с которым я познакомился в Лондоне, мне пришлось совершить в 1882 году путешествие из Ливерпуля в Нью-Йорк. В качестве ученика и вместе с тем опытного путешественника я взял его под свое покровительство, и мы все время сидели за одним столом. Однажды у нас зашел разговор о том, насколько великие люди соответствуют тому представлению, которое составляешь себе, не зная их лично. Каждый из нас высказал свое мнение. Я утверждал, что нет ничего более несхожего, чем представление о человеке и то впечатление, которое он в действительности производит.

— Ну, — сказал Спенсер, — и со мной тоже так было?

— Да, — ответил я, — с вами даже больше, чем с кем бы то ни было.

Я представлял себе своего учителя, великого невозмутимого философа, как какого-нибудь Будду, пог-

---

¹ Эктон Джон Эмерих Эдуард (1834—1902) — английский историк и политический деятель.

Э. Карнеги в Скибо в 1914 году с любимой собакой Лэдди. Фотография из БКП. Все права защищены

руженного в созерцание и отрешенного от внешнего мира. Мне и во сне не приснилось бы, что он в состоянии волноваться из-за вопроса о том или ином сорте сыра. Действительно, накануне Спенсер с некоторым раздражением отказался от честерского сыра, поданного ему лакеем, говоря: «Чеддер, чеддер, а не честер: ведь я сказал — чеддер!». Последовал общий взрыв смеха, в котором принял участие и сам мудрец. В своей автобиографии Спенсер упоминает об этом случае.

Однажды, когда Спенсер гостил у меня, мой маленький племянник, одиннадцатилетний мальчик, тихонько приоткрыл дверь к нему в комнату. На вопрос матери, что ему надо, он к великому удовольствию Спенсера ответил: «Я хотел видеть человека, который написал в книге, что не надо учить грамматику».

Апогеем пребывания Спенсера в Америке был банкет, устроенный в его честь в ресторане «Дельмонико». Там собрался блестящий круг самых выдающихся людей Нью-Йорка. Все они наперебой чествовали Спенсера. Настроение достигло кульминационной точки, когда Генри Уорд Бичер (брат Гарриет Бичер-Стоу¹) закончил свою речь медленно и торжественно произнесенными словами: «Отцу и матери я обязан своим физическим существованием; вам же я обязан своей духовной жизнью. В критическую минуту вы указали мне верный путь из болота, вы были моим спасителем и руководителем». Мистер Спенсер был глубоко взволнован.

Каждый раз, когда я приезжал в Англию, я непременно навещал Спенсера, даже когда он переселился в Брайтон, где мог из окон своей квартиры любовать-

---

¹ Бичер-Стоу Гарриет (1811–1896) — американская писательница, автор «Хижины дяди Тома».

ся на море, производившее на него умиротворяющее впечатление. Однажды, когда мы сидели с ним в Лондоне в «Гранд-отеле» и лейб-гвардия маршировала по Трафальгар-сквер, между нами произошел следующий разговор.

— Мистер Спенсер, — сказал я, — когда я смотрю на этих людей, наряженных, как шуты гороховые, меня всегда охватывают глубокая печаль и негодование при мысли, что мы, считающие себя цивилизованной расой, в девятнадцатом веке находим людей, которые готовы заниматься ремеслом, состоящим в том, чтобы учиться убивать себе подобных, и что это ремесло еще в наше время считалось единственным достойным джентльмена.

— Я думаю об этом предмете так же, как и вы, — ответил Спенсер, — но я вам сейчас расскажу, как мне удастся держать в узде свое негодование. Когда я чувствую, что оно закипает во мне, я стараюсь успокоить себя маленькой историей, рассказанной мне как-то Эмерсоном¹. Однажды он пытался выступить против рабства, его освистали и прогнали с кафедры. Возмущенный, он отправился домой и сквозь ветви больших вязов, стоявших на дороге к его скромному жилищу, увидел звезды. Они, казалось, говорили ему: «О чем волнуешься, маленький человек?». Часто впоследствии я вспоминал этот рассказ и говорил себе: «О чем волнуешься, маленький человек?».

Учение Спенсера оказало на меня громадное влияние. Ему и Дарвину я обязан очень многим. К счастью, сочинения обоих этих писателей попали в мои руки как раз в тот период внутреннего развития, когда я начал сомневаться в богословии, содержащем сверхъестественные элементы, в особенности в ис-

---

¹ Эмерсон Ралф Уолдо (1803—1882) — американский философ, эссеист, поэт.

Э. Карнеги в Принстонском университете, 1916 год. *Фотография из БКП. Все права защищены*

куплении и во всей построенной на этом догматике. Я по сей день помню, как меня точно светом озарило, когда я прочел страницы, уяснившие мне истинный принцип эволюции. Человек способен к бесконечному совершенствованию. «Все хорошо, потому что идет к лучшему» стало с тех пор моей любимой мыслью и настоящим источником утешения.

Воспоминания о знаменитых государственных деятелях

Я познакомился с Гладстоном через лорда Розбери, бывшего в то время членом его кабинета и пригласившего меня вместе с ним на обед. Это было в первой половине восьмидесятых годов. После этого я часто бывал в его замке Харден.

Однажды — это было в 1892 году — мы с женой гостили у него и сидели утром в его новой библиотеке. В то время как он стоял на лестнице и расставлял по полкам книги (занятие, которое он никому не доверял), мне случайно бросилась в глаза книжка «Герои Данфермлина».

— Мистер Гладстон, — сказал я, — мне здесь попала книга, которую написал друг моего отца. Некоторых из героев я сам знал в детстве.

— Поищите еще, — отозвался он с лестницы, — с левой стороны через три-четыре тома вы найдете еще одну книгу, которую тоже написал уроженец Данфермлина.

Я искал и нашел свою собственную книгу «На четверке лошадей по Британии». В ту же минуту звучный голос продекламировал с верха лестницы: «Что Мекка для мусульманина, Бенарес для индуса, Иерусалим для христианина, то для меня Данфермлин». Это были мои слова, в которых отразились впечат-

Э. Карнеги в своем кабинете. Фотография принадлежит Библиотеке Конгресса США

ления, испытанные мною, когда я снова увидел свою старую родину.

— Скажите на милость, какими судьбами эта книга очутилась у вас? Ведь я тогда еще не имел чести быть

знакомым с вами и, следовательно, не мог послать вам экземпляр с авторским посвящением.

— Нет, — сказал Гладстон, — мы тогда еще не были знакомы, но кто-то — если не ошибаюсь, Розбери — рассказал мне об этой книге, я выписал ее и прочел с живейшим интересом. Ваши слова о Данфермлине мне так понравились, что я их запомнил.

Это может служить доказательством удивительной памяти Гладстона. У этого человека были такие разносторонние интересы, как, может быть, ни у кого в Англии. Я никогда не забуду, с каким напряженным вниманием он слушал меня во время нашей первой встречи, когда я излагал свою точку зрения на экономическое развитие Америки: «Но почему же ни один писатель не возьмется за эту тему и не представит миру ясно и точно все эти факты?» — сказал Гладстон. В ответ я сообщил ему, что сам уже приступил к осуществлению этой задачи именно потому, что даже самые образованные иностранцы либо ничего не знают об Америке, либо имеют о ней искаженное представление. Действительно, еще начиная с 1882 года я стал готовить материалы для книги «Победоносная демократия»¹.

Когда в Англии на повестку дня встал жгучий вопрос о гомруле, там начали чрезвычайно интересоваться нашей американской федеральной системой; и я выступал во многих городах с публичными лекциями о нашем союзе, предоставляющем отдельным штатам полное самоуправление и вместе с тем функционирующем как единое целое с сильным центральным управлением. Я написал Морли, что первый проект гомруля мне совершенно не нравится. Узнав об этом, Гладстон вступил со мной в подробное об-

---

¹ *Carnegie A. Triumphant Democracy, or Fifty Years' March of the Republic.* — New York, 1886.

суждение этого вопроса. Я высказал ему свое отрицательное отношение к тому, что ирландских депутатов хотят исключить из парламента, и заметил, что мы в Америке никогда бы не допустили, чтобы южные штаты были лишены права посылать своих представителей в парламент.

На его вопрос, как же, по-моему, следует поступить, я предложил, чтобы Англия последовала примеру Америки, имеющей много законодательных органов и только один Конгресс. Можно было бы превратить Ирландию, Шотландию и Уэльс в отдельные штаты с собственными законодательствами, подобно нашим Нью-Йорку и Вирджинии, и сохранить объединяющий их парламент. Так как в Англии нет нашего Верховного суда, парламент мог бы взять на себя функции высшей инстанции по ирландским делам. Это осуществлялось бы таким образом, что все акты ирландского законодательства должны были бы поступать в нижнюю палату и получать силу закона только по истечении трех месяцев, если до того времени на них не будет наложено вето. Это явилось бы гарантией в том случае, если данный законодательный акт встретит возражения, и превратилось бы в простую формальность, если возражений не будет. Впоследствии Морли рассказывал мне, что он сделал такое предложение Парнеллу¹, но тот отклонил его.

Наши дебаты с Гладстоном всегда доставляли мне большое удовольствие. Однажды миссис Гладстон сказала мне: «Уильям говорит, что у вас всегда ведутся очень интересные разговоры». Это в действительности так и было. Гладстон едва ли имел до тех пор случай выслушать откровенное суждение настоящего республиканца — например, узнать, что существу-

¹ Парнелл Чарльз Стюарт (1846—1891) — лидер движения за гомруль в Ирландии в 1877—1890 годах.

ют люди, восстающие против передаваемых по наследству титулов. Мне казалось странным, что люди добровольно отказываются от отцовского имени и, получая высший титул, принимают другое имя. Особенно забавляли меня новоиспеченные лорды, которые покупали свой титул за какие-нибудь десять тысяч фунтов стерлингов.

Однажды я упомянул в разговоре о снижении роста населения в Англии в сравнении с некоторыми другими странами.

— Какую судьбу вы предсказываете Англии? — спросил меня Гладстон.

В ответ я указал на положение Греции в Древнем мире и прибавил:

— Не случайно Шекспир, Мильтон¹, Бёрнс, Вальтер Скотт, Стивенсон², Бэкон³, Кромвель, Брюс, Юм, Уатт⁴, Спенсер, Дарвин и многие другие великие люди родились в Англии; гений независим от внешних условий. Еще долго после того, как Англия утратит свое первенствующее значение промышленного государства — не по своей вине, а потому, что ее опередят другие страны, — еще долго после этого она будет играть роль современной Греции среди других народов и содействовать их духовному подъему.

Гладстон подхватил последние слова и повторил: «Духовный подъем, духовный подъем — это мне нравится».

Последний раз я видел Гладстона у лорда Рэндалла в Каннах. Он был в то время уже очень болен, но сохранил прежнее обаяние. Когда мы с ним прости-

---

¹ Мильтон (Милтон) Джон (1608—1674) — английский поэт и публицист.

² Стивенсон Роберт Луис (1850—1894) — английский писатель.

³ Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — английский государственный деятель и философ.

⁴ Уатт Джеймс (1736—1819) — английский изобретатель, создатель универсального теплового двигателя.

лись, моя невестка, бывшая рядом, сказала мне тихо: «Больной орел!». Никакими словам нельзя было лучше выразить впечатление, которое производил этот усталый вождь человечества. Это был не только великий, но истинно прекрасный человек. Он заслужил данное ему имя: «первый и лучший гражданин мира».

Лорд Розбери — прекрасный человек, которому мешает только то обстоятельство, что он родился лордом. Если бы вместо того чтобы без малейшего труда войти в Палату лордов, он по условиям своего рождения был принужден работать и попал бы в нижнюю палату в молодые годы, то суровая борьба за существование закалила бы его мягкую натуру. Человек огромных дарований, он все же лишен твердости и настойчивости, необходимых для того, чтобы проводить в жизнь свои решения. Он обаятельнейшая личность и увлекательный оратор. Но он отличается чрезмерной раздражительностью и капризным настроением.

Однажды утром я по его приглашению пришел к нему и, войдя в комнату, увидел на письменном столе конверт. Лорд Розбери передал мне его со словами:

— Я желал бы, чтобы вы уволили своего секретаря.

— Это приказание, исполнить которое представляется мне очень затруднительным, — возразил я, — я не могу обойтись без него, да вдобавок он еще и шотландец. Но какое, собственно, преступление он совершил?

— Взгляните на конверт. Это его почерк? Каково ваше мнение о человеке, который пишет «Розбери» через два «р»?

В ответ на это я сказал ему, что если бы вздумал сердиться за подобные вещи, то жизнь моя стала бы невыносимой. Я получаю каждый день множество писем и совершенно уверен, что в двадцати или тридцати из ста писем мое имя написано во всевозможных

вариантах. А лорд Розбери в состоянии не на шутку прийти в негодование от подобных мелочей.

После одного из смелых выступлений лорда Розбери, не только изумившего, но и взволновавшего Палату лордов, я осмелился откровенно высказать ему свою демократическую точку зрения.

— Заступитесь смело за парламент, — сказал я ему. — Отбросьте ваш наследственный титул и заявите, что отвергаете прерогативы, на которые не имеют права все остальные граждане. Станьте истинным вождем народа! Вы молоды, умны, обаятельны и обладаете блестящим даром слова. Решитесь на этот эксперимент, и вы, без сомнения, будете премьер-министром.

Он слушал меня с интересом, но, к моему изумлению, спокойно ответил:

— Но ведь нижняя палата может и не принять меня как пэра.

— Да ведь именно на это я и рассчитываю. На вашем месте я бы этого добился. Настаивайте на том, что человек, добровольно отказывающийся от своих наследственных прерогатив, тем самым становится гражданином, пользующимся правом быть избранным в Палату общин. Победа вам заранее обеспечена. Вы должны сыграть роль Кромвеля. Демократия чтит тех, кто нарушает прецеденты или создает новые.

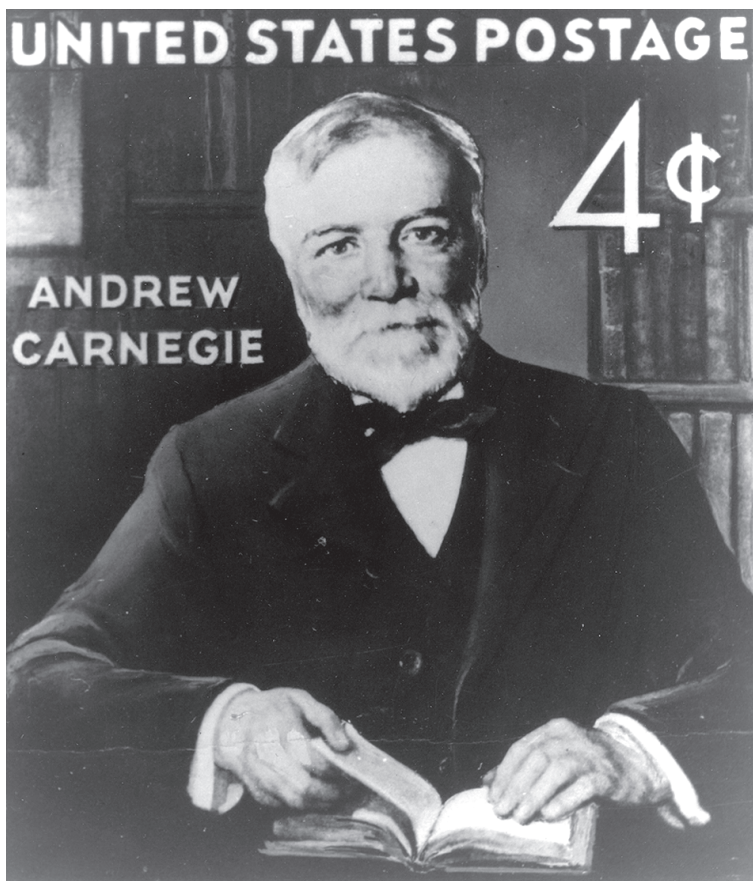
На этом наш разговор окончился. Я не могу забыть, что впоследствии Морли в разговоре о лорде Розбери сказал мне с глубоким убеждением: «Поверьте, что в № 38 на Беркли-сквер ¹ нет Кромвеля».

В 1889 году президентом Соединенных Штатов был избран Гаррисон ². Он был прежде военным и, став пре-

---

¹ Дом, в котором жил лорд Розбери. — *Примеч. из первого издания русского перевода.*

² Гаррисон Бенджамин (1833—1901) — американский государственный деятель, президент США в 1889—1901 годах.

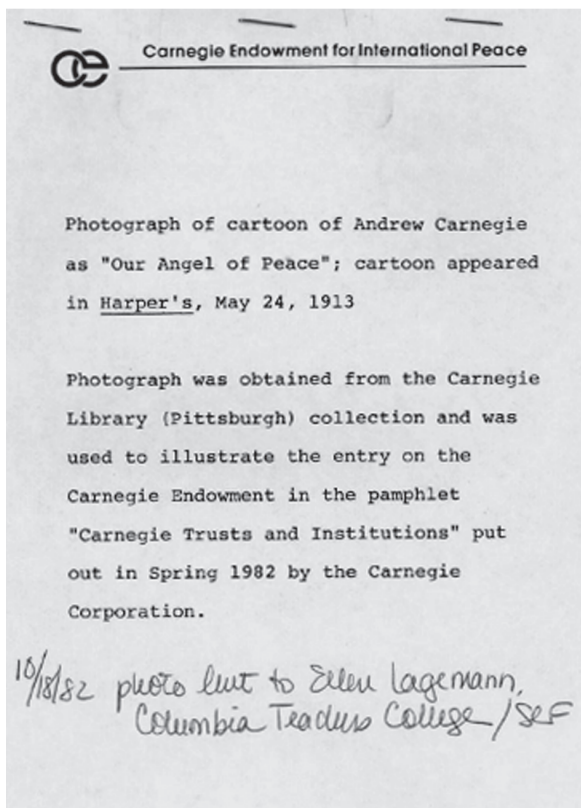

Марка с изображением Э. Карнеги, выпущенная 25 ноября 1960 года

зидентом, еще не вполне отделался от воинственных наклонностей. Это причиняло немало забот его друзьям. Когда, например, возникли недоразумения с Чили, то в течение некоторого времени казалось совершенно невозможным удержать Гаррисона от действий, которые неминуемо должны были привести к войне.

Дружеский шарж на Э. Карнеги, названный «Наш ангел мира» и опубликованный в журнале «Harpers» 24 мая 1913 года. Фотография была приобретена Фондом Карнеги за Международный Мир у Библиотеки Карнеги в Питсбурге и опубликована в брошюре «Фонды и учреждения Карнеги», изданной в 1982 году

Тогда я отправился в Вашингтон, чтобы попытаться сделать что-нибудь для примирения враждующих сторон, так как благодаря своему участию в Панаме-риканском конгрессе находился в добрых отношениях с представителями наших южных сестер-республик. Я встретил президента на улице у входа в отель.

— Привет, Карнеги, вы как сюда попали? — окликнул он меня.

— Я приехал только что, господин президент, и направлялся в отель.

— А что вас сюда привело?

— Я хотел кое о чем переговорить с вами.

— В таком случае не проводите ли меня? Мы по дороге побеседуем.

Президент взял меня под руку, и мы целый час ходили с ним по темным улицам Вашингтона, оживленно разговаривая.

Я напомнил ему его же слова, сказанные южноамериканским делегатам, что в великой семье республик мы являемся, так сказать, «старшими братьями» и что все возможные недоразумения будут улаживаться мирным путем. Вот почему я изумлен и удручен тем, что теперь он избрал совершенно другой курс и из-за пустых недоразумений грозит войной маленькой Чили.

— Вы житель Нью-Йорка, и у вас в голове только «дела» и доллары, — возразил президент, — таковы все ньюйоркцы. Они не думают о чести и достоинстве нашей республики.

— Господин президент, я принадлежу к числу тех людей в Соединенных Штатах, которые больше всего выиграли бы от войны. Я самый крупный стальной фабрикант, и война осыпала бы меня миллионами.

— Да, вы, пожалуй, правы, я об этом не подумал.

— Господин президент, когда я собираюсь бороться, я подыскиваю себе такого противника, который мог бы помериться со мной силами.

— Да, но если народ наносит вам оскорбления и задевает вашу честь, неужели вы будете спокойно терпеть это только потому, что он маленький?

— Господин президент, никто не может меня оскорбить, кроме меня самого. И никто, кроме меня, не может нанести урон моей чести.

— Да, но наши матросы подверглись нападению на суше, и двое из них были убиты. Неужели вы готовы это стерпеть?

— Господин президент, я не думаю, что честь Соединенных Штатов страдает каждый раз, когда на улице подерутся несколько пьяных матросов. Скорее я прогнал бы к черту капитана корабля, который пускает на берег матросов, когда в городе беспокойно и уже произошли многочисленные нарушения тишины и порядка.

Наш спор длился, пока мы в полной темноте не дошли до Белого дома. Президент пригласил меня к себе на следующий день, и мы расстались. Дело это в конце концов уладилось благодаря миролюбивой политике мистера Блейна ¹, одного из его министров. Я по личному опыту знаю, что он много раз удерживал от конфликтов внешнюю политику Соединенных Штатов. Джон Хэй, американский посланник в Лондоне, а позднее государственный секретарь при президенте Мак-Кинли ² (в 1898 году), тоже отличался большим миролюбием. Он ненавидел войну и называл ее «самой жестокой и самой безумной глупостью людей».

Когда в 1898 году встал вопрос о присоединении Филиппинских островов ³, я встретился в Лондоне с мистером Хэем и тогдашним секретарем посольства

---

¹ Блейн Джеймс Гиллеспи (1830—1893) — американский политический деятель, государственный секретарь в правительствах президентов Гарфилда и Артура.

² Мак-Кинли Уильям (1843—1901) — американский политический деятель, президент США в 1897—1901 годах.

³ Правительство президента Мак-Кинли после взрыва американского корабля «Мэн» в Гаване 15 февраля 1898 года и под предлогом поддержки национального восстания на Кубе объявило войну Испании. В ходе боевых действий США захватили принадлежавшие Испании с XVI века Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины. Согласно Парижскому миру, завершившему войну, Испания отказалась от прав на все эти колонии, которые были объявлены «свободными государствами», однако под тем или иным контролем США.

мистером Генри Уайтом¹. Я был глубоко обрадован, услышав, что они, так же как и я, отрицательно относятся к планируемой аннексии, видя в этом отклонение от нашей традиционной политики. Она состояла в том, чтобы всегда избегать приобретения отдаленных колоний и ограничиваться нашими владениями на американском материке, и только благодаря этому мы до тех пор не были втянуты в общий водоворот милитаризма. Тут же, в кабинете Хэя, он, Уайт и я соединили наши руки и поклялись твердо держать себя этой политики.

Присоединение Филиппинских островов является для нас позорным пятном. Первоначально правительство под председательством президента постановило было потребовать только устройства угольной станции на Филиппинах и, как говорят, так именно и гласила инструкция, переданная по телеграфу делегатам, участвовавшим в Парижских мирных переговорах. Но после этого президент Мак-Кинли совершил путешествие на Запад, и его восторженно приветствовали всякий раз, когда он выступал с речами об американском знамени и о победе адмирала Дьюи². Вернувшись из этого путешествия, он изменил свою политику, потому что боялся потерять популярность, если будет противиться стремлению народа завладеть Филиппинами. Один из членов правительства сообщил мне, что решительно все министры были против присоединения. Мой друг Корнелиус Блисс³, выдающий-

---

¹ Уайт Генри (1850–1927) – американский дипломат.

² Дьюи Джордж (1837–1917) – американский адмирал. Наиболее известна его победа в Манильской бухте (август 1898 года) в ходе Испано-американской войны.

³ Блисс Корнелиус Ньютон (1833–1911) – американский политический деятель и предприниматель. Министр внутренних дел в 1897–1899 годах.

ся политик и член правительства, пришел ко мне и просил отправиться в Вашингтон, чтобы попытаться переубедить президента. «Вы имеете на него влияние, — сказал он. — С тех пор, как он вернулся с Запада, никто из нас не мог поколебать его точку зрения».

Я отправился в Вашингтон и говорил с президентом Мак-Кинли. Но он упорно стоял на своем. В конце концов он заявил в правительстве, что речь идет только о временной оккупации, что он не может не считаться с общественным мнением и впоследствии найдется какой-нибудь выход. Правительство сдалось. Такие речи звучат довольно убедительно, но одно дело добровольно отказаться от владения какой-нибудь областью, а другое — потом отступить от того, что однажды уже было приобретено за деньги. Это очень скоро подтвердилось.

Этим шагом наша республика совершила первую роковую ошибку в области международной политики, втянувшую ее в водоворот милитаризма и морских вооружений. Это уже начинают у нас сознавать. Когда я несколько недель тому назад (в 1907 году) ужинал у президента Рузвельта, он сказал мне:

— Если вы хотите видеть двух людей, наиболее жаждущих, чтобы Соединенные Штаты избавились от Филиппинских островов, то вот они, — и указал при этом на министра Тафта¹ и на себя.

— А отчего вы не отказываетесь от них? — спросил я. — Американский народ был бы только рад этому.

В ответ Рузвельт и Тафт стали объяснять, что Филиппинские острова должны предварительно со-

---

¹ Тафт Уильям Хауард (1857–1930) — американский политический деятель, президент США в 1909–1913 годах. В 1901–1904 годах губернатор Филиппин, в 1904–1908 годах военный министр.

зреть для самоуправления. Но я думаю, что главную роль тут играло опасение, как бы этим не воспользовалась Германия и не захватила Филиппины. При этом, однако, упускают из виду, что подобная попытка со стороны Германии встретила бы сопротивление Англии. До сих пор Соединенные Штаты представляли замкнутую в себе страну. Для нас было бы несчастьем, если бы это когда-нибудь изменилось.

Встреча с германским императором. Начало общеевропейской войны

Когда я был избран ректором университета Сент-Эндрюс, то выступил перед студентами с речью. Я узнал потом, что она обратила на себя внимание германского императора¹. Вскоре после этого я получил приглашение посетить его, но только в июле 1907 года смог последовать этому приглашению. Мы с женой поехали в Киль. Там нас очень радушно встретил американский посланник Тауэр, и на другое утро отправился со мной на императорскую яхту, чтобы доложить о моем прибытии. Я не рассчитывал видеть императора в это же утро, но случайно он оказался на палубе и спросил мистера Тауэра, что привело его на яхту в такой ранний час. Узнав, что я приехал и нахожусь тут же на борту, он пожелал меня увидеть. Таким образом состоялось наше первое свидание.

— Ваше величество, — сказал я ему после первого обмена приветствиями, — я ехал двое суток подряд, чтобы последовать вашему приглашению; я этого не делал еще никогда ни для одной коронованной особы.

---

¹ Речь идет о Вильгельме II (1859—1941) — императоре Германской империи и короле Пруссии в 1888—1918 годах. После революции в Германии он отрекся от престола и покинул страну, поселившись в Нидерландах.

— Да, — ответил Вильгельм, улыбаясь, — я читал ваши книги. Вы уделяете там не особенно много места королям.

— Нет, ваше величество, немного, но когда за королем стоит человек, тогда дело другое.

— Да, я знаю, есть один король, который вам нравится, — шотландский король Роберт Брюс. Мне всегда ставили его в пример.

— Мне тоже, когда я был ребенком. Его прах покоится на моей родине, в Данфермлинском монастыре. В детстве я часто бродил вокруг громадного памятника, на котором высечена надпись: «Король Роберт Брюс». Я разбирал эту надпись с таким же чувством, с каким верующий католик перебирает свои четки. Но, ваше величество, Брюс был больше, чем король, он был вождем своего народа. И он не был первым, первым был Уоллес, человек из народа. Ваше величество, в настоящее время я владелец башни короля Малькольма, того самого короля, от которого вы ведете свой род. Вы помните, может быть, прекрасную старинную балладу «Сэр Патрик Спенс»:

*Король в Данфермлине-граде сидит,
Вино пурпурное пьет...¹*

— Мне хотелось бы привести вас когда-нибудь к башне вашего шотландского предка, чтобы вы почтили его память.

— Я был бы очень рад, — ответил император. — Шотландцы подвижнее и ловчее немцев, наши немцы чересчур тяжеловесны.

— Ваше величество, я, к сожалению, не могу признать вас нелицеприятным судьей там, где дело касается Шотландии.

---

¹ Перевод О. Румера.

Он засмеялся и на прощанье пригласил меня к ужину.

Через несколько дней, находясь на яхте императора, я рассказал ему, что президент Рузвельт очень желал бы познакомиться с ним и жалеет, что обычай не позволяет ему покинуть страну. Он того мнения, что им было бы полезно о многом переговорить. Император согласился с этим. Тогда я спросил, почему бы ему не поехать в Америку: ведь конституция не налагает на него в этом отношении никаких ограничений.

— Да, но как я могу уехать? Мое присутствие необходимо для страны! — возразил император.

— Перед одной из своих ежегодных поездок в Шотландию, — ответил я, — я прощался со своими служащими на заводе и выразил сожаление, что они должны работать в жаркое время года, между тем как я даю себе отдых каждое лето. В ответ на это один из служащих сказал мне: «Но вы не подумали о том, какой это отдых для нас всех, когда вы уезжаете». Может быть, с вашим народом дело обстоит точно так же, ваше величество?

Император засмеялся, это была для него новая точка зрения.

Император Вильгельм очень интересный собеседник. В разговоре со мной он особенно подчеркивал тот факт, что за девятнадцать лет его правления ему всегда удавалось избежать кровопролития. Он считает себя сторонником мира. И мне кажется, что интересы Германии сосредоточиваются в мирной области и она преследует цели промышленного развития. Следует прибавить, что она гигантскими шагами идет к этой цели.

Год тому назад (в 1913 году) я находился в Берлинском замке для передачи приветственного ад-

Э. Карнеги с женой Луизой и дочерью Маргарет в марте 1918 года на праздновании 21-летия дочери в Данфермлине (одна из последних фотографий Э. Карнеги). *Фотография предоставлена ДМЭК*

реса, посланного Америкой императору Вильгельму по случаю двадцатипятилетнего юбилея его мирного царствования. Америка приветствовала человека, рука которого ни разу не обагрилась че-

ловеческой кровью. Когда я подошел ближе, чтобы передать шкатулку с адресом, император Вильгельм узнал меня и, подняв руки в знак приветствия, воскликнул:

— Карнеги, двадцать пять лет мира! Да последуют еще многие такие же годы!

Я перечитываю теперь (в 1914 году) эти страницы и с ужасом думаю о переменах, которые произошли за это время. Война, подобной которой еще не было на свете, раздирает весь мир! Люди рвут друг друга в клочья, как дикие звери! Но я еще не потерял окончательно надежду. Я предвижу в близком будущем появление на мировой сцене нового лица, которому, может быть, суждено завоевать себе бессмертие. Я имею в виду президента Вильсона¹. В его жилах течет шотландская кровь...

---

¹ Вильсон Томас Вудро (1856—1924) — американский государственный деятель, президент США в 1913—1921 годах.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 году известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 года с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 года в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

**CARNEGIE ENDOWMENT
FOR INTERNATIONAL PEACE**

1779 Massachusetts Ave., NW,
Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Эндрю Карнеги
История моей жизни

ISBN 5-82430-922-1

Художник П.П. Ефремов
Компьютерная верстка Ю.В. Балабанов

Подписано в печать 30.07.07. Усл. печ. л. 14,4.
Печ. л. 7,5. Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Newpop. Формат 84x108/32. Тираж 3000 экз.
Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел.: (495) 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: (495) 334-82-42 (отдел реализации)